

ТАИНЫ
ДРЕВНИХ
ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ
ТРИЛЛЕР

Линн
Пикнетт

КОД МАРИИ МАГДА ЛИНЫ

СЕНСАЦИОННАЯ
ВЕРСИЯ
ВОЗНИКНОВЕНИЯ
ХРИСТИАНСТВА

От автора
бестселлера
«Леонардо да Винчи и
Братство
Сиона».

Откровения
тамплиеров»

ТАЙНЫ
ДРЕВНИХ
ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ
ТРИЛЛЕР

Линн Пикнетт

КОД
МАРИИ
МАГДА
ЛИНЫ

МОСКВА
«ЭКСМО»
2007

УДК 930.85/82-343

ББК 63.5/82.3(0)

П 32

Lynn PICKNETT

MARY MAGDALENE

Christianity's Hidden Goddess

Her secret lies at the heart of the Da Vinci code

Перевод с английского М. Звонарева

Под редакцией кандидата философских наук В.П. Пазиловой

Оформление переплета художника Е. Савченко

Пикнетт Л.

П 32 Код Марии Магдалины / Линн Пикнетт; [пер. с англ. М. Звонарева; под ред. к.ф.н. В.П. Пазиловой]. — М. : Эксмо, 2007. — 352 с. : ил.

Во многих средневековых ересь философа Марии Магдалины по своему масштабу затмевает апостолов и становится вровень с Иисусом Христом. Возможно ли, что первоначально она играла значительно более важную роль в создании и распространении христианского учения, нежели это представлено в Библии?

Сопоставление канонических библейских текстов с апокрифическими Евангелиями способно дать самые поразительные результаты. Демонстрируя, каким образом и вошедших в Новый Завет текстов изымались описания значительных событий, каким образом фальсифицировались и подменялись другими действующие лица и важные элементы религиозного учения, Линн Пикнетт убедительно доказывает: многие постулаты христианства были неверно поняты либо намеренно извращены поколениями последователей, толкователей и философов. Незаслуженно обогнанная и ушедшая в тень мужских персонажей Писания, Мария Магдалина становится центральным образом в этом исследовании. Изучение необычных взаимоотношений трех культовых фигур Нового Завета — Иисуса Христа, Марии Магдалины и Иоанна Крестителя — приводит автора книги к сенсационным выводам, способным бросить вызов христианским догмам и ортодоксальным ценностям.

УДК 930.85/82-343

ББК 63.5/82.3(0)

© Lynn Picknett 2003. Первая публикация в Великобритании — Robinson, an imprint of Constable & Robinson Ltd. (Великобритания).

© Перевод. М. Звонарев, 2007

© Издание на русском языке. Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2007

ISBN 978-5-699-21849-3

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня уже трудно себе представить, что в конце 50-х годов прошлого века обычная рабочая семья на севере Англии каждое воскресенье обязательно посещала по меньшей мере одну церковную службу, а если семейный бюджет позволял сделать двойное пожертвование, то и две. Люди того времени, как правило, были преисполнены благочестия и менее скептически, а авторитет священника был неоспорим. Многим церковная служба казалась скучной, но меня восхищало все, что говорил викарий. Мать считала мой интерес ко всему, что связано с религией, «неестественным», но он оказался первым шагом на долгом и нередко тернистом пути, который в конце концов привел к появлению этой моей книги о Марии Магдалине как тайной христианской богине.

Что бы ни думали об этом мои родители, я благодарна им за то, что они брали меня, ребенка, на богослужение, хотя это книга — в общем-то результат моей острой детской религиозности — явно не получит одобрения со стороны любой христианской церкви. Вместе с тем не могу не признаться, что много лет назад она настолько ужаснула бы меня, что, несмотря на свои либеральные убеждения, я непременно предложила бы сжечь ее — желательно публично — и призвала бы к этому и других. Но сегодня я сомневаюсь в том, во что верила. Сейчас все для меня выглядит по-иному. Должно быть, я прошла долгий путь с тех времен, когда с восторгом входила в англиканскую

церковь Святого Фомы в древнем городе Йорке. Воспоминания о том, как я едва удерживалась, чтобы не соскользнуть с полированной скамьи на пол и не встать на колени под воздействием мощного ритма текстов Библии короля Иакова, настолько свежи, что кажется, будто это происходило вчера. Память об этом до сих пор оказывает на меня магическое воздействие.

Впервые я услышала имя Марии Магдалины, когда сидела, замороженно слушая монотонное чтение Нового Завета на прекрасном языке семнадцатого века. Некоторые наиболее сильные пассажи заставляли меня дрожать, например, события перед арестом Иисуса и распятием. Я настолько живо представляла себе драму и агонию ужасной пытки, что это потрясло меня, — душевная травма для ребенка с богатым воображением.

Менее жестокие эпизоды казались мне связанными со мною лично. Викарий торжественно рассказывал: сестра Марии, Марфа, упрекнула ее за то, что она не помогает ей готовить угощение для гостя, а вместо этого слушает, что говорит Иисус¹. Я слушала, полностью погрузившись в древнюю историю: я думала, что Иисус фактически осуждал Марфу за то, что она заставляла свою сестру выполнять свои повседневные обязанности. Мне казалось, викарий адресовал этот эпизод непосредственно мне. Однажды после воскресного обеда, когда меня попросили вымыть посуду, я попробовала ответить, как это сделала бы Магдалина. Мать взглянула на меня удивленно и сказала: «Странный ты ребенок», но позволила посуду не мыть.

По мере того как я выросла, начались недоразумения с моими учителями, но не потому, что я была непослушной или слишком озорной. Мои родители вернулись со школьного собрания и передали мне экстраординарное наставление от преподавателя религии: «Скажите Линн — *пусть она не воспринимает все это так серьезно*». Однако очень скоро присущее мне стремление

к религиозной определенности достигло крайнего предела, и я сама прошла через особенное и уникальное испытание обращением в веру.

Однажды дождливым воскресным утром в Йорке перед вполне прозаической мясной лавкой ко мне подошли два молодых американца — это были миссионеры-мормоны — и спросили меня: «Откуда ты пришла? Куда ты идешь?» Хотя я прошла конфирмацию как прихожанка Англиканской церкви, никто не задавал мне этих фундаментальных вопросов: занятия по подготовке к конфирмации были, самое малое, невыносимо тусклыми. Там отсутствовала *духовность*, ничто не вдохновляло, не утешало, не помогало выйти за круг проблем повседневной жизни. И разумеется, никто не коснулся фундаментальных тайн жизни. У меня вызывало отвращение отсутствие религиозности у священнослужителей, и я начинала разочаровываться в Церкви. Но эти двое юношей из Америки, из Церкви Иисуса Христа Святых Последних Дней (полное официальное название Церкви мормонов), совершили чудо, сотворенное на мокрой улице, когда я вдыхала прозаический запах свиной колбасы. Только этих вопросов было почти достаточно — я уже была на крючке.

Хотя мое членство в Церкви мормонов продлилось всего несколько лет, я бережно храню в памяти мистическое чувство обращения в веру, которое, казалось, возродило во мне весь мир.

Ближайшая и наиболее уместная аналогия — внезапная любовь. Я верила, что полюбила Иисуса и что это, как мне тогда казалось, было его «истинной церковью», но, возможно, я полюбила божественное во мне. Я бесконечно благодарна, что прошла через это, поскольку обращение помогло мне понять Христовых новообращенных и проникнуться их эмоциональной связью с религией, хотя я все в большей степени подвергала сомнению основы основ веры.

Я была счастлива в мормонской церкви, часто вскакивала, чтобы высказаться перед обширной аудиторией на церковных собраниях, которые проводились довольно часто, но это длилось только четыре головокружительных бурных года.

Кто поверил бы тогда, что столь страстно верующая и преданная потеряет всю веру практически в один день? Ирония судьбы, но мое разочарование в религии мормонов и, как оказалось, вообще в христианстве не было вызвано внезапным открытием ошибки в доктрине, но отношением церковных чиновников к эмоциональным проблемам. Я была настолько возмущена их равнодушием и черствостью, что гнев подействовал на меня как холодный душ. В один день я потеряла всю свою веру — и с ней мир потерял свое сияние, волшебно трансформировавшее все вокруг. Как мог пусть плохой, но единственный случай стереть всю радость, всю определенность — даже глубоко засевшее убеждение, что Иисус был Господом?

Я была рада оставить мормонскую церковь — и, разумеется, немедленно всплыли на поверхность многие вопросы, связанные с ее причудливой и в основе своей сомнительной доктриной, которые подсознательно жгли меня изнутри, — но я знала, что потеряла что-то очень ценное и этого мне не обрести более никогда. Я увидела, что осталась один на один с этим большим широким миром, оказалась перед лицом ужасного испытания взрослением без какого-либо утешения или духовной радости, которые помогли бы мне преодолеть его. Битломании и мальчиков для этого было недостаточно. Лишившись эмоциональной привязанности к вере, внутри я сохранила тот же интерес к религии, что и раньше, хотя и оказалась не подготовленной к тому шоку, который потряс меня вследствие нескольких случайных открытий. Многие из них легли в основу этой книги. Хотя в университетские годы и последующие десятилетия в Лондоне, занимаясь журналистикой и писательским трудом, я была

очарована теософией, спиритизмом, черной магией и необъяснимыми явлениями (даже стала как бы экспертом по паранормальным явлениям), но внутри меня горело желание узнать правду о христианстве. Возможно, мне надо было выяснить, кто кого бросил — я религию или религия меня?

Много лет я ничего не знала о мифах и полуправде, на основе которых была цинично построена легенда об Иисусе Христе. Подобно многим обычным людям — то есть не теологам и не священнослужителям, — я не имела никакого представления, до какой степени Новый Завет подвергался бесконечной цензуре, насколько были исправлены те пассажи, которые давали «неправильный» образ определенных персонажей. И хотя я усердно изучала предмет «Религиоведение» в школе, я и понятия не имела, что четыре Евангелия были включены в Новый Завет только потому, что за них проголосовали епископы на Никейском соборе в IV веке. Там намеренно было изъято великое множество других книг, причем некоторые из исключенных трудов имеют по меньшей мере столько же прав на аутентичность, что и канонические.

Как христианка — имеющая, кстати, опыт как основной, так и побочной ветви религии — я никогда даже не слышала о существовании других Евангелий. Даже сегодня скольким прихожанам известно, например, о существовании Евангелия от Марии (Магдалины)? Или Евангелия от Фомы, Евангелия от Филиппа или Евангелия Египтян? А если они знают о них, то верят ли они, что единственная причина, по которой эти труды даже не обсуждаются в качестве дополнения к Новому Завету, заключается только в том, что Господь благословил Никейский собор на уничтожение этих и других подобных книг и решение этой «редколлегии» окончательное и обсуждению не подлежит? До двадцати лет у меня не было ни одного шанса прочитать книгу, где говорилось бы о том, что Иисус был только одним из проповедников

и чудотворцев в Иудее и каждый из них заявлял, что он мессия. Сегодня это утверждение кажется довольно безобидным, но для меня в то время оно было как гром среди ясного неба. Я подозреваю, что множество добрых христиан не имеют представления о настоящей эпидемии мессианства: только за один год в Иерусалиме распяли 400 человек, провозгласивших себя Мессией.

Одним из самых поразительных — изменяющих жизнь — открытий для меня стало то, что жизнь Иисуса является зеркальным отражением жизни многих мифических «умирающих и воскресающих» богов, включая обстоятельства времени и места рождения. Все эти боги родились 25 декабря в хижине (об их рождении возвестила звезда, и произошло оно в присутствии пастухов и волхвов), умерли в пятницу, чтобы триумфально воскреснуть через три дня. Так это было в случае Диониса (канонизированного Церковью в качестве святого Дионисия), Адониса, Орфея, Аттиса, Осириса и Таммуза. Когда я узнала о существовании этих богов, я была вне себя от ярости: как смеют священники потчевать свою паству чушью, утверждая, что Иисус единственный Мессия, единственный бог, который принес себя в жертву, кто умер и воскрес снова! А я-то думала, что Иисус уникален...

Несколько лет назад вместе с одним викарием Англиканской церкви я приняла участие в телевизионной программе, посвященной древним религиям. Он излучал благодушие и доброту по отношению ко мне, но, как только я поставила вопрос о плеяде умирающих и воскресающих богов, его дружелюбие стало несколько натянутым. Сначала он отрицал факт их существования, затем под давлением аргументов заявил, что их жизнеописания есть слабое подражание истории Иисуса. Я возразила, что трудно подражать культуре, который еще только появится в далеком будущем: этим богам молились веками, некоторым — тысячелетиями, до появления Иисуса. Викарий был огорчен. Наконец, признав, что получил о них представление

в теологическом колледже, он сказал, что культы типа Адониса и Осириса были на самом деле *репетициями* прихода Иисуса Христа. Ну что скажешь в ответ на такое невероятное утверждение, но — можете быть уверены — я сказала!

По мере того, как рос мой интерес к невежеству, в котором Церковь намеренно держит верующих относительно фактов, которые теологи считают запретными, я попыталась сделать шаг назад и проанализировать свою реакцию в перспективе. Я пришла к выводу, что «новые» данные, только что ставшие мне известными, которые — что поразительно! — можно легко узнать, посетив библиотеку, могут выживать или умирать сами по себе. Как и многих других, меня потряс и вдохновил британский бестселлер «Святая Кровь и Святой Грааль» (1982) Майкла Бейджента, Ричарда Ли и Генри Линкольна*, книга, которая стала для меня прозрением другого рода. На фоне запутанного повествования о заговорах и тайных обществах в книге был выдвинут поразительный тезис: Иисус и Мария Магдалина были супругами! Сколь странным это ни покажется сейчас, когда это предположение признано или, по крайней мере, свободно обсуждается, в начале 80-х годов оно было революционным. Был ли Иисус Христос действительно женат — да к тому же на давно любимой мною героине?

Я должна подчеркнуть, что с тех пор я стала скептически относиться ко многим аспектам упомянутой книги, поскольку позднейшие исследования выявили в этом труде серьезные ошибки, но признаю, что очень многим ей обязана. Я всегда буду благодарна Бейдженту, Ли и Линкольну, которые указали мне путь в новую, явно опасную страну самостоятельного мышления без ссылки на авторитет викария или священника, за смелость, с которой они

---

* На русском языке выходила в изд-ве «Эксмо» в 2006 году. (Прим. ред.)

перешагнули границы обычной религиозной каши, которой кормят всех.

Тогда, в 1989 году, я встретила Клайва Принса, вместе с которым мне было суждено написать несколько книг и совершить новые, сенсационные открытия, связанные с христианством. Клайв — один из тех людей, которые от природы имеют исследовательский дар, настойчивый и интуитивный, обладающий великолепной памятью и умением анализировать косвенные обстоятельства, по моему мнению, непревзойденным.

Нашей первой совместной книгой была «Туринская плащаница»* (1994), которая вводила читателя в мир альтернативной истории через своеобразную ересь Леонардо да Винчи. Леонардо фигурирует и в этой книге, содержащей новые и еще более скандальные откровения. (В частности, одно из них особенно поразительное!) Погрузившись к тому времени в исследование истории христианства — в котором так называемые «еретики» играли основную роль, хотя этот факт обычно игнорируется, — Клайв и я приступили к следующей книге, по тематике наиболее тесно соприкасавшейся с этим трудом, хотя они самостоятельны, не конкурируют друг с другом и не являются взаимоисключающими. Эту книгу мы назвали «Леонардо да Винчи и Братство Сиона. Откровения тамплиеров» (1997)**. В ней мы погрузились в тайны таких эзотерических групп, как Орден рыцарей-тамплиеров, и Дэн Браун признал наш совместный труд одним из самых важных источников своего бестселлера «Код да Винчи» (2003 год), посвященного мистическим тайнам, окружающим личность Марии Магдалины. Это обострило наше желание узнать еще больше, и, рискнув зарыться еще глубже, мы обнаружили главные элементы того, что Церковь пыталась столь долго скрывать.

---

* На русском языке эта книга выходила в изд-ве «Эксмо» в 2006 году. (Прим. ред.)

** Там же. (Прим. ред.)

Книга «Леонардо да Винчи и Братство Сиона. Откровения тамплиеров» открыла для нас многие двери, и мы получили множество приглашений, позволивших нам выступить перед самыми разными группами людей. Возможно, самым удивительным был тот факт, что только один раз человек из аудитории был в таком гневе, что закричал на нас. Во время нашего лекционного турне по Европе мы вскоре привыкли к регулярно повторявшемуся явлению: после беседы о Марии Магдалине (у нас были две разные темы: о Марии Магдалине и об Иоанне Крестителе) обычно многие люди задавали нам один и тот же вопрос: не собираемся ли мы написать книгу, посвященную только Марии Магдалине? Теперь вы ее и читаете, и надеюсь, она получит ваше одобрение.

Данная книга явно не предназначена для утонченных академических небожителей. Но я должна подчеркнуть, что она также не укладывается в концепцию «святой крови» по Бейдженту, Ли и Линкольну, которая столь широко распространена среди многих «альтернативных» писателей, — концепцию, заключающуюся в том, что Иисус и Магдалина были основателями полуволшебного королевского дома в Европе, отпрыски которого, может быть, живут и в наше время. Хотя вполне возможно, даже вероятно, то, что Магдалина могла иметь детей, любая идея о превосходстве одних людей над другими по факту происхождения, физическим данным (в этом случае, генов) слишком близка к идеям, которые исповедовали нацисты, оправдывая ими чудовищные преступления XX века. Провозглашая людей святыми в силу наличия у них определенной группы крови или генов, нельзя не сделать следующего шага: признать людей с другими характеристиками неполноценными — «недочеловеками». История Марии Магдалины не зависит и не должна зависеть от теории королевской династии, и в моей книге эта теория не упоминается иначе, чем мимоходом. Однако

характерным особенностям посвящено много страниц, хотя речь ни в коем случае не идет о превосходстве — поскольку его нет, — но в равной степени не является справедливым и противоположное утверждение.

Эта книга не содержит одной идеи, провозглашенной единственным ответом и единственно истинной. С самого начала я признаю, что мое исследование может и не давать полного ответа, более того, во многих случаях в книге только обозначены вопросы и не предложены новые догмы. Описывая события 2000-летней давности, кто может со всей искренностью заявить, что знает тайны того, что случилось так давно?

Некоторые данные о характере Марии Магдалины фрагментарны и не доказательны. Но даже самая скудная информация гораздо шире освещает ее по сравнению с церковной доктриной, что она была проституткой, свидетельств чего вообще не существует.

Некоторые храбрые, как правило, американские христианские феминистки сделали осторожные попытки пересмотреть статус Магдалины. К этому подключились ученые и немногочисленные теологи: к настоящему времени ее признали лидером женской части учеников Иисуса и, возможно, даже «тринадцатым апостолом». Конечно, это большой прогресс — до недавнего времени не признавали даже того, что у Христа могли быть ученики-женщины, не говоря уже о том, что он допустил женщину в свой внутренний круг, включавший Петра, Андрея, Иакова, Иоанна и других — но, по моему мнению, даже эти радикальные идеи ведут в никуда. В никуда, потому что в Новом Завете ее роль чисто эпизодическая, хотя согласно гностическим Евангелиям — в основном обнаруженным в Египте в 1945 году, — она была звездой первой величины.

(Хотя возникает искушение положиться на эти книги, советую проявить осторожность: пусть многие действительно содержат скандальную информацию — и, по

меньшей мере, в одном, в Евангелии от Марии², есть замечательная проповедь, изложенная так, что слова вкусно перекатываются на языке — вместе с тем некоторые из этих текстов представляют собой удивительные образцы псевдомистической тарбарщины: непонятной, нарочито туманной и глупой.)

Магдалина — женщина во всем: как говорится в наиболее связно изложенных текстах этих книг, Иисус называл ее просто «Все» или «Женщина, которая знает Все». Многие группы еретиков, тайно владевшие подобными текстами, заявляли, что он присвоил ей титул «Апостол апостолов». Несмотря на временами кажущиеся странными воззрения, свойственные еретикам, они, по всей вероятности, имели доступ к неким тайным знаниям о Магдалине — реальной женщине. Ее личность рассекает самые таинственные аспекты мистицизма с такой ясностью и силой, что кажется несовместимой с мистикой. Складывается впечатление, что она была не просто лидером женщин, последовавших за Иисусом, не просто его ученицей и даже не просто апостолом, но лидером апостолов — другими словами, главенствовала над Андреем, и Иаковом, и даже Симоном Петром и другими. Итак, возникает вопрос: была ли эта отодвинутая на эпизодическую роль оболганная женщина *истинным преемником Иисуса* вместо Петра, право которого на роль основателя церкви всегда служило фундаментом Римской католической церкви?

Те же самые апокрифы содержат пассажи, которые явно были причиной их запрещения. Иисус, узнаем мы, очень любил Магдалину и целовал ее, что вызывало недовольство его учеников-мужчин — по крайней мере, один из них считал, что она должна «уйти от них, ибо женщины недостойны жизни» (Евангелие от Фомы, 118). Ясно, что в отношениях между Иисусом и Магдалиной было нечто большее, чем духовные беседы о сравнительной ценности религиозных дискуссий и домашней работы.

Знаний именно этого неизвестного Церковь пыталась нас лишить, но я хочу знать об этом — и ответы на поставленные вопросы могут оказаться удивительными и для других, воспитанных в том же духе, что и я, и непредвзятых.

В этой книге поставлено очень много острых вопросов. Была ли Мария Магдалина женой Иисуса? Или их отношения были тайной любовной связью? И хотя предполагается, что она была галилеянской семитского происхождения, судя по некоторым свидетельствам, есть вероятность того, что она была чернокожей.

Изолированно исследовать личность Магдалины невозможно: раньше или позже возникают лишающие спокойствия вопросы об истинном характере ее возлюбленного — Иисуса. Если вы верите, что он был сыном Бога, то это вопрос веры, и никакие аргументы не поколеблют ваших убеждений, хотя вас может шокировать сама постановка вопроса. Но если вы признаете, что Иисус был исторической личностью, действовавшей в реальных исторических обстоятельствах, тогда путь к осмыслению новых свидетельств для вас открыт, и доказательства — некоторые ключевые — могут быть признаны вами.

Хотя к настоящему моменту могут быть доказаны очень немногие ответы, связанные с событиями 2000-летней давности, судьба — после долгих часов исследований — продолжает подбрасывать нам следы некоторых заставляющих задуматься фактов. Поставив их на должное место в калейдоскопе меняющихся образов, иногда можно высветить фрагментарную картинку, расплывчатое изображение героя — человеческого человека, который, не щадя головы, бросает вызов ни более ни менее как устоям Христианской церкви.

ЛИНН ПИКНЕТТ

Сен-Джон Вуд
Лондон, 2003 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЛОЖНЫЙ ОБРАЗ

ПРОЛОГ

Грязное белье

На кладбище Гласневин в округе Драмкондра города Дублин, Ирландия, в двойной могиле лежат тела 175 девушек и женщин, несчастная судьба которых сделала их «прачками Магдалины». Полустертый список имен на сером камне, указаны даты: первая — 1858 год, последняя — 1994 год. Никакой религиозной символики на надгробии нет.

Эти женщины были в основном перезахоронены: 133 из них ранее покоились на земле монастыря Хай Парк, рядом с мрачным, холодным обиталищем, которое было местом их пожизненного заключения — и в конечном итоге стало забытой гробницей. Имена этих женщин получили известность не по причине внезапно вспыхнувшего к ним сочувствия и симпатии, но их стали склонять в жарких дискуссиях из-за скандала, связанного с перезахоронением. Все было просто — и обыденно жестоко — сестры Богоматери Милосердия, которые управляли монастырем «Прачечная Магдалины», продали место захоронения размером в двенадцать акров за миллион фунтов стерлингов и хотели избавиться от мешающих им останков.

Алчность и разоблачила их. Эксгумация тел заставила задать вопросы, поскольку 90-е годы были временем, когда люди перестали отворачиваться от неприятных фактов прошлого, вероятно, из-за желания войти в новый век если не с чистой совестью, то хотя бы покайсявшись. Кем были эти похороненные женщины? Вопрос был задан в отношении мертвых, но внезапно оказался обращенным и ко многим, очень многим другим женщинам,

пребывавшим в других серых заведениях, прячущихся за высокими стенами, раскиданными по всей Ирландии: кто они, почему они там оказались, почему их выкинули из жизни, кто они такие? Ящик Пандоры открылся: сначала робко, колеблясь и сомневаясь — как всегда бывает с жертвами насилия, — бывшие «магдалины» или члены их семей начали рассказывать свои истории, невообразимые описания жизни в тюрьме, истории деградации и подавления человеческого духа. Это был — и продолжается — широчайший скандал, но все же недостаточно широкий, поскольку многие образованные и мыслящие люди, особенно за пределами Ирландии, никогда о нем не слышали. Возможно, настало время дать точную оценку сложившейся практике.

Сегодня в центре Сен-Стефенс Грин в Дублине рядом с великолепной магнолией стоит новая деревянная скамья с металлической пластинкой, на которой изображены небольшие головы без лиц и начертаны слова: «Женщинам, которые работали в монастырях «Прачечная Магдалины», и детям, рожденным некоторыми монахинями. Подумай об их судьбе».

Позор

Кто были эти «магги» и почему их заперли в этих мрачных серых домах? Может быть, то были закоренелые преступницы, молодые хулиганки, нападавшие на старых леди или избивавшие детей? Вряд ли: в большинстве случаев они были признаны «падшими» (беременность, внебрачная связь) или «угрожающими морали» — что могло означать всего лишь то, что девушка полюбила протестанта и хотела выйти за него замуж или же слишком часто гуляла с мальчиками. Причина, которую выдвигал местный священник, могла быть любой, как реальной,

так и воображаемой. Иногда ее заключали в монастырь только потому, что она пыталась убежать из дома, или восстала против избивавшего ее мужа, или же совершила смертный грех, потому что была членом бедной и не имеющей отца семьи.

В любом случае слово священника — поддержанное и санкционированное местными властями — было законом. Как бы вы или ваша семья ни молили, если было дано определение «падшая» или же предполагалось, что вы на грани падения, вам суждено было стать «магги». Некоторые девушки неизбежно попадали туда потому, что их невзлюбили или они не вписались в среду. Угроза «Прачечной» была главной формой запугивания. По какой бы причине, официальной или неофициальной, девушки ни оказались там, их пребывание в монастыре характеризуется фразой типичной садистки матери Бернадетты (актриса Тина Келлегер) из программы Би-би-си «Грешницы»¹ — драмы, основанной на жизни «Прачечной Магдалины» в 1960 году. А именно, «здесь тебе не праздник», с добавлением «ты потеряла свои права, когда пала». Когда юная «магдалина» кричала во время родов, та же монахиня говорит ей: «Если ты умрешь, то это то, что ты заслужила». Многие из прачек попали в монастырь прямо из сиротских домов, которые сами по себе были не лучше концлагеря с его избиениями и полуголодным существованием.

Мария Норрис Кронин рассказала журналисту Брайену Мак-Дональду из «Irish Independent»², как была разрушена ее жизнь, «когда она и семь ее братьев и сестер были отправлены в сиротский дом в 1940 году из-за того, что вдовствующая мать начала встречаться с мужчиной». Братьев поместили в приют в Трайли у Христианских Братьев, а она с сестрами попала в руки сестер милосердия (какова ирония!) в приюте Сент-Иосиф в Килларни в Керри. Марии было всего двенадцать, когда начался этот кошмар. «Моя мать очень нас любила, и этого не

должно было случиться. Мы были бедны, но не беднее, чем наши соседи, и любимы», — сказала Мария. Травма из-за разлуки с родными оказалась сильным ударом для нее: вскоре после помещения в приют она стала страдать от ночного недержания и немедленно была подвергнута особо жестокому обращению со стороны одной из «сестер милосердия». Мария рассказывает о том, какую реакцию вызвала ее болезнь у садистки, на чье попечение она попала:

«Сестра Лауренс обычно била меня за то, что я мочилась в постель. Она также заставляла меня нести мокрый матрас на голове, через пожарный выход, через весь двор в бойлерную, где его можно было высушить. Когда я шла, дети кричали хором «Мари Кронин намочила матрас...».

Сестра Лауренс часто дожидалась пятницы, чтобы избить меня. Мы обычно мылись по пятницам, и она приходила специально тогда, когда я была мокрой, потому что удары по мокрому телу больнее. Но я никогда не плакала, и одна простая монахиня («простая» — значит поступившая в монастырь без приданого), которая хорошо ко мне относилась, обычно говорила мне: «Заплачь», потому что тогда избивение прекращалось»³.

Даже самый маленький проступок вызывал гнев монахинь: уронить ложку или слишком долго надевать носки — все заканчивалось побоями. Двух самых хорошеньких девушек остригли наголо: наказание за «тщеславие» — хотя вряд ли они были виноваты в том, что такими родились, — этот факт ясно показывает страх и ненависть монахинь к сексуальности, а также, как ни парадоксально, ревность к привлекательности девушек. (Даже их собственная вера должна была подсказать им — если Бог сделал

девушек привлекательными, кто они такие, чтобы портить его работу?) Монахини подавляли свою собственную женственность столь яростно, что неизбежно должны были уничтожать ее и в других. Фактически мучение из-за двойственного отношения к сексуальности, которая лежит в основе многих проблем исторической Церкви, докатилось и до нашего времени.

Исчезающие игрушки

Мария, которой сейчас за шестьдесят, по-прежнему испытывает гнев по отношению к властям, которые не сумели прекратить жестокость, свойственную десяткам подобных учреждений в Ирландии, а также в Шотландии и США. Она вспоминает, что происходило, когда приезжали инспектора для проверки условий жизни сирот:

«Монахини всегда были предупреждены монахинями из других приютов телефонным звонком. Нам выдавалась новая одежда, на кровати выкладывались новые игрушки, оловянные тарелки убирали и на стол ставили хорошую посуду. Еда тоже становилась другой. Но как только инспектор покидал приют, все возвращалось, и еда снова становилась отвратительной. Монахини обычно пекли хлеб и готовили мясо сразу на неделю, и они были ужасными»⁴.

(Не стоит и говорить о том, что сами монахини не питались одинаковой едой с воспитанницами.)

Несколько случаев ярко иллюстрируют преднамеренный характер жестокого обращения, которому подвергались дети, вверенные попечению монахинь. Можно возразить, что 40-е годы были временами, когда бить детей не считалось предосудительным, но факт: дать детям

кукол, чистую одежду и хорошую еду — просвет в черных тучах, — а затем отобрать их, как только удалились инспектора, не оставляет никаких сомнений в преднамеренной жестокости. Вершилось великое зло — не ошибка — и не одной или двумя садистками (которые, увы, всегда найдутся в большой группе людей). Жестокость носила институционный характер, и единственный вывод, который из этого следует, что Церковь не обращала внимания на это намеренно, а может быть, даже молчаливо поощряла.

Страдания Марии продолжались и после того, как она покинула приют по достижении шестнадцати лет: она устроилась прислугой в доме сестры одной из монахинь, но на нее поступила жалоба, когда она дважды сходила с молодым человеком в кино. В результате ее подвергли принудительному медицинскому осмотру, и, несмотря на то, что доктор подтвердил ее девственность, она была приговорена к трехгодичному пребыванию в «Прачечной Магдалины». Выйдя оттуда, она отправилась в Англию, потому что другая женщина, испытывавшая то же самое в другом заведении, которым управляли сестры милосердия, уговорила ее публично выступить с разоблачениями, — сейчас эти сестры отвечают на неприятные вопросы в полиции.

Царство террора

Рабский многочасовой труд в монастырской прачечной — и при нормальных обстоятельствах работа в прачечной достаточно тяжела⁵ — усугублялся тем, что помимо тяжелого физического труда он сопровождался духовной пыткой, даже если «магги» была на сносях. По прачечной беспрерывно сновали монахини, читая молитвы, на которые каждая «магдалина» должна была откликаться

в традиционном стиле. Если этого не происходило или если прачка нарушала одно из бесчисленных правил заведения, то следовало жесточайшее наказание: порка ремнем или розгами, разнообразные пытки, включая ожоги паром или горячим утюгом, лишение еды и бесконечные унижения. Одним из самых тяжких преступлений считалось проявление неуважения к монахине, которое усматривалось даже в отсутствии поклона при встрече в коридоре. Система была построена так, чтобы выжать все возможное из человека путем рабского труда, чтобы привить девушкам сознание своей ничтожности, воспитать ненависть к самой себе, что часто усиливалось сексуальным насилием со стороны священников, которые были их исповедниками. Вместе с тем, они могли писать письма семье, но, как показало расследование, проведенное в 90-х годах, очень немногие из этих писем были отправлены. Часто монахини тайно уничтожали их или подвергали настоящей пытке родственников, заявляя, что их «магги» умерла или переведена в отдаленный монастырь. А иногда наоборот — и это было для них гораздо легче — сообщали «магги», что семья уехала, например в Америку, намеренно не сообщив ей об этом.

Вообразите себе, какое воздействие могло оказать такое сообщение на молодую женщину, которая питается отвратительной скудной пищей, живет в условиях строжайшей дисциплины, постоянно подвергается насилию и, наконец, узнает, что и собственная семья ее бросила. А в монастырских стенах, и вдруг оказывается, что и за стенами пустота, нигде нет ни капли человеческой теплоты и бежать некуда. Девушек намеренно ломали, как это делалось в гитлеровских и сталинских лагерях.

Недавно семьи, разыскивающие в архивах данные о пропавших родственницах, были поражены тем, что монахини обычно давали вновь прибывшим «магдалинам» новые имена: первое действие системы, призванной

поработить их и духовно, и физически, заставить примириться с тем, что они «недочеловеки» без каких-либо прав, показать, что им не следует ждать пощады и надежды у них нет.

Вспомним, что веками переименование было обычно практикой среди рабовладельцев. Вот что писал Джеймс Уолвин в книге «Черная кость: рабство в Британской империи» (1992 г.) о систематическом подавлении духа новоприбывших рабов из Африки на сахарные и хлопковые плантации Центральной и Северной Америки:

«Плантаторам было мало того, что новые рабы пополняли их трудовую армию, им надо было изменить их, заставить подчиняться правилам нового мира. Первый шаг — новое имя. Новое имя меняло личность раба, отсекало его от бывшего «я», что, с одной стороны, было удобно для белого рабовладельца, а с другой стороны, являлось утверждением его власти»⁶.

Детей, рожденных этими падшими женщинами, часто продавали в семьи богатых американцев в качестве приемных. Иногда просто отдавали в близлежащие приюты, но любой контакт между ребенком и матерью был запрещен и любое нарушение этого правила сопровождалось жесточайшим наказанием: иногда ребенка переводили в отдаленный приют, и не оставалось ни малейшего шанса на то, что мать когда-либо увидит его снова.

«Магги» редко выходили за стены, за исключением посещения церкви в соответствующие дни. День и ночь они были заперты за высокими стенами и зачастую — да не покажется вам это невероятным — под охраной полиции. Каждая прачечная охранялась парой полисменов, которые должны были предотвращать побеги и возвращать тех, кто ухитрился выйти за ворота, хотя пытались

это сделать немногие, а еще меньше было девушек, у которых было достаточно энергии на это.

Полисмен, вероятно, был не более чем видимым внешним знаком угнетения — средством психологического воздействия, — а не реально востребованным средством охраны. Женщины должны были жить в своем «позоре», и делалось буквально все, чтобы не позволить им забыть о нем. Следует отметить, что расследование, ведущееся сейчас, поручено полиции. Той самой полиции, которая, несомненно, была свидетелем ужасов, творившихся в отношении ни в чем не повинных девушек и женщин. И это уже несколько большее, что простое столкновение интересов. Возможно, следовало бы провести действительно независимое расследование, свободное от заинтересованности со стороны как Церкви, так и светских учреждений.

Скандал разгорается

Обратите внимание: когда монахини выводили Марию и других девушек на прогулку, им приказывали срывать плакаты, говоря, что их вывесили «плохие коммунисты», к которым, по их словам, принадлежал доктор Ноэль Браун, создававший в то время программу «Мать и Ребенок». Естественно, до сих пор любая форма планирования семьи вызывает осуждение Католической церкви: мы стали свидетелями судьбы Марии Энн Соррентино, американской журналистки, которая была Исполнительным директором Планирования семьи на острове Род с 1977 по 1987 год. За свою работу в этой организации она была отлучена от Церкви в 1985 году и теперь пишет критические статьи о недавней истории Церкви, в частности, о ее полном пренебрежении к гражданским правам женщин и детей.

В 1998 году она писала о «магдалинах»:

«Монахини Магдалины видели свою миссию в спасении проституток. Однако со временем это определение распространилось и на молодых женщин, виновных в том, что полюбили мужчину по своему выбору до брака. Это рабство, эти унижения и наказания санкционированы приказами тех же самых ирландских епископов и представителей иерархии Римской католической церкви, которые в упор не видят сексуального развращения детей, сексуальных домогательств на исповеди и детей, рожденных от священников и других представителей Церкви, дела которых рассматриваются в ирландских судах до настоящего дня»⁷.

Разумеется, не все монахини садистки, избивающие детей, и не все священники смотрят на паству, как на поле для сексуальной охоты. Как и повсюду в мире, в Римской католической церкви есть много хороших людей, но факт остается фактом: Ватикан организован так, его чиновники воспитаны так, что — и этому много доказательств — они имеют весьма слабое представление о простом человеческом сочувствии, не говоря уже о том, что они провозглашают ни много ни мало как право на монопольное владение нравственностью и религиозной истиной.

24 апреля 2002 года после двухдневного совещания с Папой Римским американские кардиналы согласились ужесточить свои правила по отлучению от сана священников, которые запятнали себя сексуальными домогательствами в отношении паствы — но после некоторых раздумий объявили, что автоматическое лишение сана последует только в случае, если речь идет о человеке, известном как неоднократно развращавшем малолетних.

Лндре Сюзлнвэн пнсал в «The Sunday Times» (22 апреля 2002 года):

«Известным? Каким же образом, спрашивали американские католики себя всю неделю, «известность» серийного развратителя связана с тем, что его следует наказать? Церковь по-прежнему действует так, будто она больше заботится о своей репутации, чем осудьбах детей. Отметьте оговорку: развратные действия «известного» священника должны быть «серийными» и «преднамеренными». При такой оговорке отдельный случай обеспечивает ему более мягкое наказание. Если подросток сам делал ему авансы, то к священнику следует отнестись еще мягче. А если он сумел проделать все «втихую», то кто знает, как это обернется?»

Действительно, как? Согласно новым правилам, дела священников, только известных как совратители, будут рассмотрены по поводу лишения сана, что означает: те, кто сумел сохранить свои деяния в тайне — или те, тайны которых прикрыла Церковь, — автоматически остаются безнаказанными со стороны Ватикана. Ясно, что это не преступление, но всего лишь проступок относительно церковной иерархии, который усугубляет «известность». К тому, что современное общество — нравственное большинство человечества, находящегося вне Церкви, — считает одним из немногих действительно непростительных преступлений человека перед человеком, не должно проявлять никакой терпимости.

Никогда Церковь не выглядела столь отстраненной от общества. Но проблема гораздо глубже: никогда еще Церковь не была выставлена столь прогнившей до самых основ. Оказалось, что ее разложение и невежество имеет корни не в какой-то отдаленной исторической практике,

но в самой системе веры. Если все честные люди ненавидят и проклинают тех, кто занимается растлением детей, то есть, без сомнения, что-то очень неладное в массовой организации, которая заявляет о своем нравственном превосходстве и, вместе с тем, даже не ставит вопроса об этой проблеме.

«Магдалины» выглядят сейчас достойным сожалением выражением образа жизни, который был в обычае, но, несомненно, все это продолжалось бы без изменений, если бы разразившийся скандал не выставил происходящее на всеобщее обозрение к ужасу всего мира. В 2003 году собравшая награды кинокартина «Сестры Магдалины» (режиссер Петер Маллан с участием звезды Геральдины Макэванс) донесла правду до еще более широкой аудитории: девушек, которые подвергались сексуальным домогательствам священников, отправляли в психиатрические больницы.

«Прачечные Магдалины» не были исключением, подтверждающим правило, — они были правилом. Их нельзя назвать случайным пятном на сверкающих чистотой одеждах во всем остальном любящей, добродетельной организации — они и были ее одеждами. Хотя, возможно, следует проявить некоторое сочувствие к тем, чьими руками осуществлялись все эти жестокости, даже к тем засушенным монахиням в накрахмаленных чепчиках, которые черпали наслаждение в физических пытках и психологическом подавлении молодых девушек и незамужних матерей. В конечном итоге, они тоже выросли в рамках института, провозгласившего человеческую любовь отвратительным грехом, и были лишены радости женской сексуальности. Их тоже лишили надежды на жизнь, полную радости и удовлетворения. Им был предоставлен скудный выбор: брак или монастырь. У женщины, которая по каким-то причинам не хотела вступать в брак или не получила брачного предложения, оставался один путь —

в монахини, что слишком часто означало жизнь в условиях жестокого подавления и патологически яростного отторжения нормальной жизни. Тем более примечателен тот факт, что были монахини, не ставшие садистками и не срывавшие свою неудовлетворенность на молодых, вверенных их попечению.

Религиозные женщины Ирландии прошли долгий путь падения с вершин своей свободы тех времен, когда доминирующей была кельтская церковь. Ян Бегг в своей классической работе «Культ черной девственности» (1996 год) писал, что в результате укрепления Католической церкви «права женщин были... подавлены, хотя в кельтском мире у них было много древних свобод. Они даже принимали участие в проведении мессы в Ирландии до норманнского завоевания»⁸.

Ужасна ирония, заключающаяся в том, что страна, которая была так лояльна к религиозным женщинам, предоставляла им такие возможности, пала столь низко, чтобы произвести на свет поколения садисток — во имя любви к Богу, или, более точно, к *святой* Марии Магдалине. Однако «Прачечные Магдалины» были и в Шотландии (в Эдинбурге даже есть район, известный под названием «Магдалины»⁹). Подобные заведения были и в Соединенных Штатах, и, разумеется, повсюду разбросаны католические приюты, которые долгое время управлялись на основе тех же принципов.

В случае прачечных нет нужды спрашивать, кому поступала прибыль: цинизм и исторические свидетельства дадут вам ответ. Пока «магги» перестирывали бесконечные кипы грязного белья и откликались на молитвы монахинь к Богородице или Иисусу во имя Марии Магдалины, мир быстро менялся. Действительно, в рамках дат, указанных на надгробных плитах кладбища Гласневин, все вокруг изменилось почти до неузнаваемости, но не за монастырскими стенами. Пока «магдалины» продолжали

страдать в почти полной изоляции, во внешнюю повседневную жизнь вошла компьютерная грамотность, заменившая собой ручку с чернилами. В период, отмеченный датами на кладбище, в мире появились паровозы, океанские лайнеры, самолеты и космические корабли. Человек ступил на Луну, войны возникали и кончались: от восстаний в Индии до бурской войны, через две мировые бойни и уничтожение Хиросимы и Нагасаки — даже Война в заливе укладывается в этот срок, — была воздвигнута и пала Берлинская стена, символ конца страданий. Сама Ирландия вне монастырских стен стала неузнаваемой: независимая республика, процветающее современное государство с женщиной-президентом.

И еще кое-что произошло в широком мире, что осталось не замеченным женщинами и было проигнорировано Церковью: уничтожение рабовладения в британских колониях в 1838 году, а в Соединенных Штатах в 1865 году. Но рабыни Магдалины вышли на свет более чем век спустя (и даже тогда причиной этого стало широкое распространение стиральных машин и неизбежно разразившийся скандал, а не внезапная озабоченность правами человека). Со времени Геттисбергского послания до эры битломании девушки-рабыни страдали, как будто никакого освобождения рабов не было. Как только «магги» попадала в прачечную, она становилась таким же имуществом монастыря, как любая черная рабыня в конце XVIII века была собственностью рабовладельца.

За высокими стенами «Прачечных Магдалины» ничего не менялось, кроме женщин, — поколение за поколением намеренно униженной женственности. И все это во имя Марии Магдалины, новозаветной женщины, которую Церковь считала проституткой, обращенной Иисусом. Высшее выражение «падшей» женщины.

Могут возразить, что происходящее в «Прачечной Магги» было не намного хуже, чем преступления против человека в старых приходских рабочих домах, раскиданных

по всей Британии до начала XX века, где нормой было насилие в разных формах, где семьи разлучались сразу при поступлении, чтобы никогда более не воссоединиться. Работные дома — столь блестяще изображенные Диккенсом — не были заведениями Католической церкви, но они возникли на основе современной им интерпретации христианских нравов. Жестокий мир, в котором властвуют мужчины, вне всякого сомнения, имеет корни в патриархальности, утверждаемой Библией, в концепции, согласно которой людьми являются только мужчины. Конечно, с момента создания Содружества Наций в послевоенный период последний британский работный дом был закрыт, но царство ужаса в виде «Прачечных Магдалины» продолжало существовать до конца 60-х годов XX века. Но последняя дата на надгробном камне монастырского кладбища — год 1994-й.

В качестве заключительного слова по поводу царства ужаса в заведениях Магдалины: следует отдать должное президенту Ирландии Марии Робинзон, признавшей этих женщин, назвав кладбище в Гласневине «историческим», но тех немногих, кто пришел помянуть страдавших там женщин, поразило, что ни одна монахиня или священник не посетили церемонию, устроенную в их память. Церковь не сделала никакого заявления в этот один из позорных моментов ее истории.

Полная история никогда не будет раскрыта. Религиозные институты в Ирландии исключены из законодательно утвержденного списка учреждений, обязанных вести архивы, и не обязаны показывать их чужим.

Успешный маркетинг

Многие подумают, что использование имени Марии Магдалины не имеет никакой связи с насилием и ужасами, которые творились в стенах прачечных. В некотором

смысле, может быть, это и так. Жившая и почившая около 2000 лет назад женщина, чьим именем «освящены» — а может, «опозорены» — эти заведения, не имеет прямой связи с этой жестокостью. Вместе с тем имя Марии Магдалины представляет собой одно из самых мощных клише Церкви: ее образ не просто общепринят, но — как будет показано далее — был искусно *состряпан* несколькими последовательными поколениями религиозных деятелей таким образом, что стал синонимом одной из самых сильных эмоций человека: позора...

Если упомянуть имя Марии Магдалины обычному прихожанину, то в его сознании возникнет образ молодой женщины, растрепанной из-за постоянного состояния крайнего — если не сказать, чрезмерного — раскаяния при воспоминании о своей позорной жизни, жизни проститутки. У нее текут слезы, когда она осознает, что прошлое не изменишь, но она явно никак не может с ним расстаться, постоянно заламывая руки в отчаянии от того, что продавала свое тело любому прохожему, и снова текут слезы.

А ведь это во многих отношениях ложь, как с исторической точки зрения — что будет показано далее, — так и относительно нравственности. Не принимается в расчет то, что, предположительно, ее грехи отпустил сам Иисус, в результате чего ее постоянные стенания выглядят неблагодарностью и попахивают неверием в Бога, который простил ее, и никто не думает о том, что после обращения она начала новую жизнь. Церковь никогда, во всяком случае в Ирландии в разгар скандала, связанного с «Прачечными Магдалины», не выдвигала идею о том, что прощенная, возродившаяся Магдалина может каждое утро радостно, с блеском в глазах выпрыгивать из непорочной постели не в поисках здоровой мужской плоти, но предвкушая удовольствие от работы. Она представляет собой не покровительницу тех, кто хочет начать новую жизнь, как логично было бы предположить, но воплощение тех,

кто оглядывается на свою жизнь в ужасе, преисполненная ненависти к самой себе и ко всем женским радостям.

Столь радикальной перемены отношения к Магдалине не произошло, и это не случайно: кающаяся Магдалина слишком полезна для Церкви, чтобы сменить этот образ на более оптимистичный, который мог бы обнадежить девушек с печальным прошлым, привить им позитивный взгляд на окружающий мир. Забудьте об этом: Магдалина представляет собой кнут, который традиционно ориентированная на мужчин Церковь взяла в свои руки, чтобы избивать им женщин.

Естественно, скандал с ирландскими «магдалинами» вызвал волну гнева во всем мире: ЮНИСЕФ отнесла явление к категории «современное рабство» — и продолжает на этом настаивать в спорах, возникших по этому поводу. Несчастные жалкие подвиги женщин на страшных плантациях Карибских островов и Америки без труда узнали бы, что за режим установлен в цепи прачечных — деловом предприятии Церкви. Но проблема даже не в том, что произошло, но во всей системе веры, которая запутана искажениями, подчас намеренными со стороны Церкви, больная логика которых не могла не привести к такому насилию.

Когда один скандал за другим начал сотрясать церковную организацию, отдельные представители Церкви пытались свести ущерб к минимуму, заявляя, что все это исключения из обычных правил благопристойности и милосердия. Хотя сейчас слышны многие голоса, требующие правосудия, имеет место также интересное явление, явно играющее на руку Церкви и приносящее оттенок правды в заявления Церкви о своей невиновности. Несмотря на многочисленные нападки на такую жестокость в средствах массовой информации, либеральные европейцы из всех сил стараются придерживаться политкорректности, проявляя терпимость ко всем религиям,

и в результате игнорируют общее попрание прав человека самой большой религиозной организацией мира — христианской Церковью.

Ни один благопристойный гражданин не хочет видеть насилия, применяемого к приверженцам любой религии — фанатиков, громящих синагоги, или головорезов, избивающих мусульман, — но в данном случае явно есть причина проявить нетерпимость по отношению к моральному разложению. История недвусмысленно и многократно свидетельствовала о том, что некоторые религии проявили себя в действиях, являющихся однозначно и очевидно злодеяниями, что многие из них осуществлены высокомерными лицемерами, которые озаботились тем, чтобы окружить себя аурой «святости». Как иначе можно сказать о глубинных нравах всемирной организации, которая отказывается увольнять своих чиновников за педофилию, если, к их счастью, они не были пойманы на месте преступления посторонними?

На Католическую церковь почему-то смотрят через розовые очки даже те, кто не принадлежит к ней, потому что это «христиане» и, следовательно, должны быть в основном «хорошими». Но проблему будет проще понять, если сформулировать вопрос по-иному: как отнесется самый ревностный христианин к культу, который отказывается даже осудить большое количество педофилов, состоящих его членами, — если, конечно, их не разоблачит пресса? А это официальная позиция Ватикана. Как даже истово верующие христиане решат проблему такой группы, которая в упор не видит ужасное насилие и даже молчаливо поощряет его? Любая другая религиозная организация с набором таких деяний была бы давно запрещена, а лидеры оказались бы в тюрьме или были бы высланы из страны.

А ведь это не просто международная организация, не сравнимая по охвату населения ни с одним культом, но

Церковь, основанная самим апостолом Петром. С благословением Божиим как же может она быть злодейской, как может ошибаться? Однако есть неоспоримые доказательства, что она именно такова, причем даже в фундаментальных принципах веры.

Считается, что Церковь есть избранный Богом сосуд, поскольку нам так говорят. Избавившись от всех своих оппонентов огнем и мечом, она продолжает считать так же. (Даже те, кто мужественно порвал с Римом, как это сделали протестанты, не свободны от некоторых ложных концепций и фундаментального патриархального подхода к своей пастве.)

Нравственное извращение во многом имеет свои корни в кампании, которая была проведена ранней Церковью против Марии Магдалины, женщины, которая едва видна в Новом Завете. Многим людям, несомненно, покажется странным, что из всех религиозных героев именно она оказалась главной в противостоянии с Католической церковью, оказалась кошмаром, который постоянно возвращается, пугая служителей Церкви, как привидение. На протяжении многих веков тысячи так называемых еретиков узнавали крупицы правды и были безжалостно уничтожены за свои знания. Но некоторые из них сумели избежать костра и оставили экстраординарные свидетельства, в которых дается совершенно иная интерпретация евангельских событий.

ЧУЖИЕ

Кем бы ни была Мария Магдалина, она была чужой, человеком, который не смог интегрироваться в среду, в которой оказался, и в первую очередь именно эта аура социальной отчужденности сделала ее предметом поклонения для многих поколений тех, кто чувствовал себя не приспособленным в сложившемся моральном климате. А со временем и другие представители этого разгульного и подозрительного братства стали называть ее своей, свято храня то, что считали ее тайнами, иногда перед лицом ужасной опасности, грозившей им лично. Главным примером такой вольницы стал человек, носивший одно из самых известных в истории имен, но в то же время в определенном отношении оставшийся одним из самых малоизвестных — парадокс, существовавший в его время, и так и не разгаданный до настоящего времени. Одна из его работ стала, несомненно, самой известной картиной в мире, содержащей в себе загадку, которая никогда не переставала волновать людей. Как мы увидим далее, возможно, она представляет собой изображение Марии Магдалины — хотя в очень любопытном ракурсе. Тех, кто знаком с книгами, написанными мной в соавторстве с Принсом, не удивит то, что этим дерзким еретиком был не кто иной, как Леонардо да Винчи, хотя к настоящему времени уже возникли новые взгляды — и сделаны почти невероятные открытия, вскрывающие его долю участия в этой поразительной истории.

Когда знаменитый флорентийский маэстро умер во Франции в 1519 году, в комнате, где он умирал, были только две его картины: обе, имевшие особое значение

для него лично. Одной из них была его последняя картина «Святой Иоанн Креститель», непонятное, загадочное полотно, на котором изображен молодой человек с многозначительным взглядом, указывающий правым перстом в небо. Этот жест достаточно хорошо знаком и указывает на присутствие Духа Святого в живописи того времени, поскольку в работах Леонардо *всегда* содержится еретическая версия Иоанна Крестителя в закодированном виде. Клайв Принс и я озвучили этот «жест Иоанна»¹. Вне сомнения, как мы увидим далее, Иоанн Креститель обладал необычной притягательностью для человека, который, как полагают очень многие, был почти атеистом — прототип ученого-рационалиста — или, по меньшей мере, достаточно цинично относился к религии.

Но сейчас наше внимание обращено на другую картину, которую он держал в своей последней спальне: странную, завораживающую «Мону Лизу», чей взгляд, как кажется, неотступно следует за вами, улыбка которой является, а может быть, и не является, всезнающей и горькой (в чем-то близкой выражению лица его Иоанна Крестителя). Не исключено, что под этой непроницаемой маской нет ничего особенного, а может быть, в запретных глубинах бушуют глубокие и темные страсти — как писал критик викторианской эпохи Уолтер Патер, «все думы и опыт мира вытравлены и вылеплены здесь, в том, что можно сформулировать и выразить... пороки и страсти Рима, мечты и грезы Средних веков... (и) грехи Борджиа»². Вероятно, художник был бы польщен — и поражен — такими комплиментами по поводу самой знаменитой, хотя и неопределенной, улыбки в мире.

Как и история Марии Магдалины, эта столь противоречивая картина вызывает ряд вопросов, на многие из которых ответа нет, но, тем не менее, их задают. Кто была Мона Лиза? Почему она улыбается или усмехается?

Улыбается или усмехается ли она, или же это всего лишь впечатление, созданное гениальным мазком кисти Леонардо, которое производит неуловимый эффект игры света? Если это портрет итальянской или французской дамы, почему он не был востребован ее семьей?

Ответ на все эти вопросы может оказаться весьма простым и — что характерно во всем, что касается этого великого художника — почти возмутительным. Хотя прославился он своим искусством и опередившими свое время изобретениями, такими как танк и даже швейная машина, Леонардо да Винчи был не менее славен своими шутками и розыгрышами. Автор получившей всеобщее одобрение биографии «Леонардо: художник и человек» (1992) Серж Брамли сказал недавно³, что в большинстве трудов времен Леонардо об этом итальянском гении, как правило, три темы предваряют любое обсуждение его работ: его физическая красота, его стильная одежда и каким забавным он был. Леонардо в свое время был известен своим остроумием и розыгрышами — пугая дам при дворе механическим львом и, например, убеждая Папу, что у него в коробке сидит дракон⁴. Но иногда в его шутках был темный, острый и в определенной степени злобный оттенок, некоторые из них готовились весьма тщательно, судя по количеству времени и средств, им привлеченных к их осуществлению.

В книге «Туринская плащаница» (1994) мы с Клайвом Принсом выдвинули предположение, что автором этой удивительной и дерзкой — некоторые назовут ее извращенной и отвратительной — мистификации, Туринской плащаницы, был Леонардо да Винчи. Многие и сейчас верят, что на ней мы видим подлинное тело самого Иисуса. Однако, как показал радиоуглеродный анализ, выполненный в 1988 году, плащаница является подделкой, изготовленной в Средние века или в начале эпохи Возрождения. Но и в этом случае тайна становится еще более

темной, поскольку остается неизвестным способ создания изображения. Каким образом тот, кто изготовил подделку, смог сделать практически *фотографический* отпечаток 600 лет назад? У кого хватило ума и нервов — кто столь явно пренебрег возможностью потери своей бессмертной души, подделав измученное тело Иисуса и искупившую грехи человеческие кровь? Кто мог сделать это, кроме Леонардо да Винчи?

Метод примитивной фотографии, который он использовал в этом случае, детально и доказательно проанализирован в других источниках⁵, но достаточно сказать, что, по всей вероятности, Леонардо использовал собственное лицо для отображения лица Иисуса — он, несомненно, был одержим в этом отношении навязчивой идеей, используя себя в качестве модели в большинстве своих работ (например, в «Тайной вечере» апостол Иуда, святой покровитель безнадежных дел, что весьма знаменательный факт). С помощью своей черной магии, намеренно или нечаянно, он создал образец для большинства будущих изображений Иисуса: зайдите в большинство храмов — и увидите Христа, изображенного в виде высокого, стройного мужчины с широкими плечами, длинным лицом с рыжеватыми волосами, разделенными пробором посередине, и бородой, иногда раздвоенной. Хотя многократно было сказано, что лицо на плащанице семитского типа, оно не только выражает странную невозмутимость и моральную чистоту, но является почти абсолютной копией портрета Леонардо да Винчи⁶, чья величайшая мистификация, эта неизвестная работа гения, положила начало тенденции, по которой Христос стал выглядеть именно так для всех будущих религиозных художников-живописцев, мастеров травления стекла и скульпторов.

Но использовать свое лицо для образа Бога Сына было актом, как некоторые могут сказать, сатанинского

гения, это была шутка, равная по циничности другой гениальной подделке, хотя, конечно, он не мог предугадать, как будут реагировать на эти мистификации будущие поколения — может быть, они будут просто забыты.

«Мона Лиза», кажется, тоже был автопортретом, как и апостол Иуда в «Тайной вечере», и другие герои в его уцелевших работах, такие, как человек в нижнем правом углу его незаконченной картины «Поклонение волхвов» (о которой подробнее будет рассказано далее), и разные ангелы и святые как в мужском, так и в женском обличье. Эта поразительная — и на первый взгляд неправдоподобная сенсационная гипотеза — была выдвинута независимо друг от друга двумя исследователями: доктором Дигби Квестед из Лондонской больницы Маудсли и Лиллиан Шварц из престижной лаборатории «Белл» в Соединенных Штатах. Они заметили, что женское лицо Моны Лизы имеет точно те же черты, что и лицо на автопортрете 1514 года, где изображен старик в красной мантии. Эта картина сейчас находится в Турине.

То, что лица совпадают, было с абсолютной точностью доказано с помощью сравнительной компьютерной графики. Разумеется, эту невероятную теорию двух любителей, не причисленных к классу историков искусства, академические круги отчасти высмеяли, отчасти проигнорировали. Роскошно иллюстрированные книги на тему «таинственности» картины, которые продолжают публиковать, едва упоминают эту теорию или же не упоминают совсем. Но объективный человек не может игнорировать того факта, что имеет место точное совпадение пропорций лица на портрете человека в красной мантии и Моны Лизы, а также то, что художник был известным мистификатором, фокусником и иллюзионистом (в силу большой потребности двора на такого рода спектакли), который был также одержим изображением собственного лица на своих картинах. Если — а видимо, так и есть —

Леонардо — это и Мона Лиза, и лицо на плащанице, то он достиг двух целей: не только стал общепризнанным лицом Бога Сына, но также и «самой прекрасной женщиной в мире» — неудивительно, что «она» загадочно улыбается!

Многokратно выдвигалась гипотеза, временами даже всерьез, что «Мона Лиза» — это портрет неизвестной любовницы Леонардо. Это маловероятно в отличие от гипотезы автопортрета, поскольку сейчас почти точно известно, что он был гомосексуалистом. В юношеском возрасте он был арестован вместе с несколькими другими молодыми людьми по обвинению в содомии, хотя дело по своей аргументации имело также некоторый оттенок «еретического». К счастью, благодаря высокопоставленным друзьям молодые люди, пережившие ужас обвинения, были освобождены и дело замяли. Если ускользающий образ загадочной женщины был его автопортретом, то зачем он держал эту картину у себя до последнего дня жизни? Возможно, ответ достаточно прост: он думал, что создал шедевр, и хотел сохранить у себя свою лучшую работу. А может быть, ему нравилось видеть себя в образе женщины в женском платье. Не исключено, что взгляд на картину вызывал у него усмешку, в точности ту, что мы видим на картине. Но есть и основания полагать, что картина, подобно всему, им сделанному, имела в основе своей более вескую причину, более глубокий и фундаментальный смысл, пробивающийся наружу, как пузыри, возникающие на поверхности сатанинского котла из-под безмятежной поверхности: именно этот глубинный слой, состоявший из опыта и веры, из любви и ненависти, из страсти и боли делал Леонардо солью и душой общества.

Незаконнорожденный и, вероятно, «голубой», Леонардо был чужим, как и Мария Магдалина. Гений без права на официальное образование, предмет насмешек и лести при дворах великих мира сего, всегда зависимый

от патронов, всегда осторожный и подозрительный, как правило, одинокий — и никогда в полной безопасности. Почти проститутка в художественном творчестве — ему платили за портреты или религиозные фрески (кстати, не всегда вовремя), — вечно находящийся вне, заглядывая внутрь. Будучи чужаком, он перерос «темные века», получив признание в последующие. Может быть, настоящий Леонардо в женской вуали со странным, почти приклеенным бюстом должен был по замыслу служить символом самой Магдалины. Вне сомнения, это вполне отвечало бы его характеру, поскольку — как мы впоследствии увидим — он явно был неравнодушен к оболганной святой, жившей задолго до него.

Как было указано в нашей книге о тамплиерах⁷, работы Леонардо да Винчи — как прославленные, так и непризнанные — оказались для меня и Клайва ключом к пониманию подпольного мира еретических движений в Европе. Хотя я не намерена приводить здесь доказательства в подробностях, имеет смысл привести один или два примера для объяснения последних открытий, сделанных нами. (Если, как утверждают некоторые критики, наши выводы относительно самого Леонардо неправомерны, то интересно, почему мы пришли к правильным заключениям при рассмотрении более широкой картины еретического движения, положив в основу изучение Леонардо?)

Странно, что из всех работ Леонардо только очень немногие дошли до нас сквозь века: из тех картин, что с большой долей уверенности могут быть признаны принадлежащими ему, две узнаваемы мгновенно и воспроизведены в огромном количестве. О первой из них мы только что говорили, а второй является недавно реставрированной фреской церкви Санта-Мария делье Грацие, известная под названием «Тайная вечеря». Репродукция этой картины украшает множество зданий: от Колледжа

Магдалины в Оксфорде до американских часовен, и ее воспроизводят на множестве предметов, от подушечки для иглолок до стеклянных витражей, иногда даже на стенах борделей. (Несомненно, какой-то вариант этого произведения как знак мужского господства Церкви висел на блеклых стенах «Прачечных Магдалины», где рабыни влачили свои дни; если бы только они знали секрет этой картины, может быть, у них не было бы так тяжело на сердце.) И снова повторю: вместе с тем, эта самая распространенная картина не только скрывает одну или две шокирующие тайны, но указывает на реальные верования создавшего ее человека, которого многие⁸ до сих пор считают благочестивым христианином.

Некоторые не могут примириться даже с предположением, что Леонардо был еретиком, говоря, что человек, создавший столь прекрасные религиозные произведения, изображающие Иисуса Христа и Деву Марию, не мог не быть набожным христианином. А он, как вы увидите, очень сильно отличался от истинного христианина, и многие доказательства тому может видеть каждый, кто непредвзято, отбросив предубеждения, посмотрит на «Тайную вечерю».

Сам Леонардо в облике Иуды изображен вторым справа с роскошной бородой и густыми волосами, начавшими седеть. Как мы увидим, вовсе не случайно он решил изобразить себя отвернувшимся от центральной фигуры Иисуса. Хотя изображение не очень крупное и дано практически в профиль, можно разглядеть крупный нос, доминирующий на лице, и даже характерную горбинку (так называемый «разбитый» нос Туринской плащаницы). Леонардо всегда был красив, а в молодые годы он к тому же завивал свои роскошные каштановые волосы и носил почти вызывающе яркие одежды, что позволяет называть его щеголем. Затем что-то заставило его полностью изменить внешний облик, и он стал выглядеть, как

пророк из Ветхого Завета: седые неухоженные космы, длинная нестриженная борода и блеклые свободные балахоны, которые носили в те времена ученые мужи — доктора богословия, алхимики и маги. Возможно, прошло время развеселой молодости или же он нашел что-то более глубинное, занявшее его ум по мере взросления.

В то время как Леонардо жестикулирует, повернувшись спиной к Иисусу, что-то странное происходит на этой самой известной в мире картине — очень немногие замечают это. Сразу над столом рука нацелила кинжал в живот третьего слева по отношению к наблюдателю ученика: судя по взаиморасположению фигур в этом месте, эта рука никому не принадлежит. Ни один из ближайших учеников не мог бы столь неестественно вывернуть руку, а если считать владельцем кинжала апостола Иоанна («возлюбленного ученика»), сидящего слева от Иисуса, то его рука должна быть неестественно длинной, выдвигающейся, как телескоп. А вместе с тем эта рука может принадлежать только Иоанну: все другие смотрят в других направлениях. Почему Иоанн, молодой человек, которого называют «любимым учеником Иисуса», изображен в столь агрессивном движении, особенно если учесть, что он выглядит безмятежным, не замечающим того, что происходит вокруг? Странно также то, что Леонардо изобразил его отклонившимся, почти отстраненным от Иисуса, тогда как по Евангелию от Иоанна он возлежал на груди Иисуса во время Тайной вечери.

Тщательное рассмотрение фрески заставляет объективного наблюдателя задать явно нелепый вопрос: а на апостола ли Иоанна мы смотрим? Более того, мужчина ли это? Возможно, разгадкой является форма, которую он образует с фигурой Иисуса — огромная, широко расставленная буква «М» — и тот факт, что есть намек на золотое ожерелье вокруг «его» шеи и темное пятно там, где должна быть «его» грудь. Сомнений нет, это не

Иоанн, не ученик мужского пола, но женщина, что имя начинается с «М», которая явно была центральной фигурой на Тайной вечере, во всяком случае по мнению Леонардо. Это Мария Магдалина с бледным миниатюрным личиком и узкими женскими плечами. Даже смутный намек на бороду — крошечная опушка каштановых волос — не препятствует восприятию ее женственной сущности.

Есть еще одно подтверждение того, что Леонардо верил в обязательность ее присутствия на сцене, которое заключается в цвете, использованном художником: ее одежды представляют собой прямое зеркальное отражение одежд Иисуса. На нем синяя туника и красный плащ, тогда как на ней красная туника и синий плащ, при том что покрой одежд совершенно одинаков. Может быть, это зашифрованное послание Леонардо о том, что Мария Магдалина — это «другая половина» Иисуса: на любом языке это означает жену или возлюбленную? Но в композиции есть еще один неожиданный поворот: нет ли в том, что Леонардо изобразил Марию Магдалину отклоняющейся от Иисуса, другого, более глубокого смысла, помимо необходимости изобразить букву «М»? Какова глубинная причина этого? Почему любовница или жена пытается столь далеко удалиться от партнера, как будто она в смущении или желает дистанцироваться от каких-то сторон его характера, действий или верований?

Несмотря на выражение абсолютной безмятежности (которое всегда свойственно членам Святого семейства в работах Леонардо), Мария не выглядит находящейся в безопасности. Ученик, стоящий рядом с ней, выписан так, будто рубит ребром ладони ее нежную шею — вряд ли случайная деталь композиции для художника, а Леонардо был фанатично точен в композиционных деталях, не говоря уже о скрупулезном подходе к символике. В конечном итоге, в его времена было очень мало способов выразить для потомства свои истинные мысли —

искусство было одним из них, хотя и опасным, если ваши взгляды отличались от ортодоксальных. Вот почему оказались востребованы символы и коды. Но кто этот ученик, которому хочется снести ей голову? Кто из двенадцати желает Магдалине смерти? Эта угрожающая седовласая фигура есть не кто иной, как святой Петр — основатель Римской церкви и — как мы увидим далее — несомненно, не друг по отношению к «другой половине» Иисуса. Но заметьте: композиционно, одну сторону большого «М» составляет узел, в котором сплетены — Магдалина, она же святой Иоанн, святой Петр и — Иуда. Мы знаем, что двое из них выражали большие или меньшие сомнения в Иисусе, возражая ему и предавая его, но что касается третьей фигуры, то... Но Магдалина не единственная, кому угрожают за этим столом, ученик грозит пальцем — «жест Иоанна» — почти оскорбительно прямо перед безмятежным лицом Искупителя.

При исполнении ритуала, главная цель которого инициировать христианскую церемонию вкушения хлеба и вина — приобщиться к истерзанной плоти и искупительной крови Иисуса, перед ним нет какой-либо внушительной чаши, только скромный полупустой кубок. Не хочет ли этим Леонардо, повернувшийся к Иисусу спиной, сказать, что, по его мнению, он не проливал кровь и не терпел мук за грехи наши? И хотя он и привлекает наше внимание к «другой половине» Иисуса, выглядит она так, будто ученики ее возлюбленного — или мужа — угрожают ей. Возможно, если никому не принадлежащая рука все же ее, то и она грозит им. Что бы все это ни значило, за столом Тайной вечери царит атмосфера сгущающейся угрозы, которую Иисус, распростерший руки в пустом пространстве — между ними почти нет вина, — видимо, не замечает. И не забудьте, что художник предпочел изобразить себя повернувшимся спиной к Иисусу. Так или иначе, прославленное религиозное произведение

нельзя назвать гимном благочестивого христианства, учитывая присутствие подспудной угрозы, замаскированной сексуальности и темных тайн.

Возможно, Леонардо был также поклонником Девы Марии — его привлекали, как и многих гомосексуалистов, женщины с сильным характером. И, разумеется, классический образ этой женщины требует, чтобы она страдала, предпочтительно в том, что касается взаимоотношений. Хотя Мария-Мать, конечно, страдала, потеряв своего сына так рано и так ужасно, ни в чьем воображении не возникнет мысль, что она была обделена любовью. (При Боге, отце ее первенца, и достойном Иосифе в качестве мужа и отца последующих детей, нет сомнений, что ей, в отличие от многих женщин, не на что жаловаться в этом отношении.) Разумеется, на эту роль идеально подходит Магдалина, но все же странно, что человек, явно не доверяющий общепринятой версии христианской истории, пошел на такой явный риск общественного осуждения, настаивая, что она проникла на Тайную вечерю, пусть даже слегка замаскированная под плостола Иоанна. Почему она так сильно привлекла Леонардо в этом отношении? Может быть, потому, что Церковь учит, что она являет собой высшее выражение социального уродства — не просто женщина в мире мужчин, но к тому же и проститутка? И снова, Леонардо явно знал, что она, как полагают, отреклась от своего старого, нечистого образа жизни, так в чем она оказалась столь привлекательной для него? Верил ли он — или знал — о ней нечто, возратившее ее в эмоционально близкий ему мир не в качестве кающейся грешницы, но как упорствующей злой пришельцы, чуждой этому обществу? Совпадением ли объясняются ее, Магдалины — апостола Иоанна, каштановые волосы, такие же, как у него самого?

Каков был источник его информации о вражде среди учеников, которую он отобразил на фреске «Тайная вечеря»?

В Новом Завете ясно указано, что один из учеников, печальной памяти Иуда, предал остальных, и нигде не говорится, что Мария Магдалина присутствовала на святой трапезе в последнюю ночь Иисуса, или о какой-либо угрозе в ее отношении со стороны одного из двенадцати во время какого-либо подобного собрания. Однако, посмотрев на работы Леонардо непредвзято, мы видим, что он верил не только в то, что она присутствовала на Тайной вечере, но и в угрозу, над ней нависшую, поскольку она села рядом с самим Иисусом, — и верил в это настолько, что подверг себя риску прослыть еретиком, что вело к пыткам и ужасной смерти. Откуда он черпал столь возмутительные идеи?

Конечно, ему не о чем было беспокоиться, если он когда-либо беспокоился вообще — его знание психологии человека было несравненным. Он знал, люди видят только то, что хотят или ожидают увидеть, будь то «чудо» явления образа Иисуса на химически обработанном⁹ куске ткани, который впоследствии был представлен как святая плащаница, или слишком женственный наряд святого Иоанна, зеркально отображающий одежды Иисуса, не говоря уже о присутствии неизвестно чьей руки с кинжалом, которого люди просто не замечают. Однако такой символики гораздо больше — и некоторые считают, она еще хуже — в других произведениях Леонардо, что не оставляет сомнений о его истинных наклонностях. Все вместе однозначно говорит о том, что — как бы это ни шокировало! — он был еретиком.

Вызов, брошенный Леонардо устоявшимся христианским взглядам, повторяется в других его работах. В его незаконченной картине «Поклонение волхвов» он нарисовал себя в нижнем правом углу, снова отвернувшись от Святого семейства, которое расположено чуть ниже центра картины, получающего дары от трех Мудрецов, в оазисе спокойствия в центре кипучей деятельности

с толпами людей, собравшихся вокруг, и схваткой всадников на заднем плане. Как свойственно Леонардо, секреты спрятаны в деталях и тщательно продуманной символике. Волхвы преклонились перед младенцем Иисусом и бледной до прозрачности безмятежной Девой, предлагая в дар благовония и мирру — но не золото. Поскольку именно золото было символом совершенства и царственности во времена Леонардо, не намекает ли этим автор на то, что Иисус не был ни царем по праву, ни совершенным существом — следовательно, не был и воплощением Бога?

При внимательном рассмотрении картины обращают на себя внимание две совершенно разные группы поклоняющихся: те, кто группируется вокруг Марии и младенца, выглядят ужасно. Они глядят впалыми глазами, их тощие тела морщинисты, они подобны ожившим трупам стариков — подобны мертвецам, вцепившимся в Святое семейство в каком-то сюрреалистическом фильме ужасов. Но другая группа, расположившаяся позади этих зомби, состоит из молодых здоровых людей, их головы подняты, как будто они молятся на дерево, чьи корни расположены поверх головы Девы Марии. Это дерево кароб, согласно христианской иконографии дерево Иоанна Крестителя, который либо присутствует сам, либо представлен «жестом Иоанна» во многих работах Леонардо. Иоанн Креститель явно пользовался особым расположением Леонардо. Не странной ли выглядит его привязанность к этому святому, учитывая, как мало внимания он уделяет Иисусу и его матери, хотя кто такой Иоанн Креститель — всего лишь предшественник Христа? (А мы уже знаем, что художник умер в присутствии двух своих картин: «Мона Лиза» — по всей вероятности, автопортрет в виде женщины или, может быть, изображение Магдалины; и его картины, изображающей Иоанна Крестителя, в которой тоже просматриваются черты

Леонардо.) Почему же Иоанн Креститель столь важен для Леонардо?

Перед тем как обратиться к вопросу о тайных источниках религии Леонардо, мы должны по новому взглянуть на другие его «прекрасные религиозные творения»: картину «Дева в скалах», принятую в апреле 1483 года Братством Беспорочного Зачатия (конечно, само название должно было вдохновить художника на высший акт святости). Эта картина стала единственной из предполагаемого триптиха алтаря часовни Святого Франциска в Милане. Фактически Леонардо написал два варианта: ортодоксальную картину, которая теперь находится в Лондонской национальной галерее — перед ней посетители говорят полусшепотом, как бы в присутствии чего-то святого, — и еретический вариант, экспонированный в Лувре.

Братья особо оговорили, что на картине должен быть изображен эпизод, которого нет в Библии, но он является традиционной составляющей церковной веры. Во время бегства в Египет Иосиф и Мария с младенцем Иисусом встретили юного Иоанна Крестителя вместе с ангелом-хранителем Уриилом с тем, чтобы Иисус мог возложить на Иоанна полномочия, позволяющие крестить его впоследствии. Конечно, эта история была намеренно сфабрикована в качестве объяснения несуразности: если крещение является таким священным ритуалом, то креститель должен быть большим авторитетом, чем тот, кого крестят, а как Иоанн Креститель может быть поставлен выше Иисуса, Бога Сына? Отсюда и сказка. Несомненно, этот заказ должен был понравиться Леонардо, который получил возможность развлечься в своем ироничном и жестоким стиле.

Оба варианта представляют собой довольно странные работы с фигурами, сгрудившимися в нижней половине картины, верхняя часть которой занята массой

очень темных скал, изредка расцвеченных растительностью. Разумеется, никто не смотрит на скалы: все взоры устремлены на фигуры, реакцию большинства людей на которые психолог-Леонардо знал заранее. Конечно, учитывая то, что он сделал в этой картине, было полезно — особенно в его время, — чтобы зрители сосредоточили свое внимание на фигурах и не заметили бы в остальной части ничего необычного, вызывающего тревогу или отчуждение.

Но взгляните на тот вариант картины, который находится в Лувре, — художник предполагал, что он будет единственным. Члены Братства, которым было поручено принять работу, пришли в ужас от нее: они восприняли картину как страшное богохульство — святые не имели нимбов — и стали угрожать судом. Тогда Леонардо написал вариант более приемлемый — этот вариант находится сейчас в Лондонской галерее. Но ирония в том, что богохульством сочли только отсутствие нимбов. Нет нимбов? И это все? Если бы монахи поняли, что таится в этой картине, они бы сожгли художника, а не угрожали бы ему судом...

Мария-Богоматерь представлена центральной фигурой, ее рука обнимает стоящего на коленях покорного ребенка, архангел Уриил — традиционный защитник и покровитель Иоанна Крестителя — согнулся на другой стороне группы рядом с почти таким же ребенком, который явно благословляет младенца, находящегося рядом с Марией. Сознание говорит нам, что ребенок, дающий благословение, должен быть Иисусом, тем, кто предоставляет Иоанну полномочия (согласно устоявшейся истории, придуманной Церковью), а тот, кто покорно стоит на коленях, должен быть Иоанном, получающим полномочия. Но дети соединены не с теми фигурами. Естественно, Иисус должен быть со своей матерью, а Иоанн — с Уриилом. Если прочитать картину именно так, что было бы логичней, тогда на коленях стоит Иисус

перед Иоанном. Такое толкование можно было бы считать в равной степени сомнительным, если бы не свидетельства, которые мы находим в других картинах. Здесь, как и в картине «Поклонение волхвов», где дереву кароб — классическому символу Иоанна Крестителя — поклоняются молодые и здоровые, а на Святое семейство молятся загробные тени, Леонардо несет зрителю безусловно иоаннитское послание. Его очевидная любовь и уважение по отношению к Крестителю и презрение к Иисусу и его матери есть только один аспект значительно более широкой ереси, которая включает в себя и поклонение Марии Магдалине. (Может быть, имеет значение и то, что левая рука Девы нависает, как бы желая схватить, над головой ребенка, на шею которого указывает палец ангела, — жест Марии поразительно похож на правую руку Иисуса в картине «Тайная вечеря».) Прежде чем мы оставим в покое картину «Дева в скалах», следует отметить еще одно, хотя любому автору, который хочет, чтобы его воспринимали всерьез, не стоило бы упоминать об этом вообще.

Человек, только что познакомившийся с этими открытиями, может согласиться, вежливо спрятав свое неверие, с тем, что Леонардо своими картинами пропагандирует иоаннитскую веру. Может даже восхититься изяществом и дерзостью подачи столь наивных образов доверчивым взорам масс. Но со времени публикации книги «Леонардо да Винчи и Братство Сиона. Окровения тамплиеров» для меня и Клайва Принса стал очевидным и другой пример подспудной антихристианской пропаганды Леонардо.

Толкование, о котором пойдет речь далее, настолько сенсационное, явно настолько смехотворное, что представит продуктом фрейдистских домыслов или инфантильной фантазией. Но мы должны помнить, что Леонардо был

в первую очередь мистификатор, шутник и фокусник, что он ненавидел Святое семейство (по причинам, которые мы обсудим в последних главах). Говоря о его шутках, лучше было бы забыть все, что было написано или сказано о «серьезных» работах Леонардо. Все это представляет собой подчищенную и спрыснутую духами историю благородных картин, предмета экскурсий многих поколений. Мы с Клайвом Принсом писали в книге «Леонардо да Винчи и Братство Сиона. Откровения тамплиеров», что Леонардо был исключительно тонок в подаче своего еретического кода «для тех глаз, что видят» и не делал ничего, что можно было бы приравнять к грубому «пририсовать красный нос апостолу Петру». Но, как обнаружилось недавно, мы были не правы.

Не думайте о благоговейной тишине великих картинных галерей, когда посетители на цыпочках приближаются к работам кисти Леонардо, насчитывающим более пятисот лет. Подумайте о хихикающих школьниках, проходящих мимо наивных картинок на заборах — тех, кто подобен британским звездам, таким как Трейси Эммин или Дамиен Харт, чей противоречивый гений нашел выражение в свирепости и иконоборстве.

Хотя эту особенность можно найти и в картине «Дева в скалах» Лондонской галереи, и в варианте, выставленном в Лувре, в последнем случае она выражена более четко, — она является наиболее еретической из этих работ. Разгадка таится в названии картины: словом «скалы» в итальянском слэнге обозначали «яички», как и в современной английской фразе «getting your rocks off» — «соскочить со скал», где слово «скалы» использовано в значении «яйца как знак мужского достоинства», а в целом фраза означает — «струсить». При понимании этого становится очевидной шокирующая причина, по которой вся верхняя часть картины над головами Святого семейства занята скалами.

Почти из головы Девы Марии вырастают две великолепные мужские «скалы» — увенчанные массивным фаллосом, который поднимается до неба, занимая не менее половины картины. Оскорбительный объект представлен массивной скалой, но ясно различим и даже нагло снабжен маленькой куртиной кустиков у основания. Может быть, это эквивалент геометрической формы «Волшебный глаз», которая требует времени, чтобы проникнуть в сознание в зависимости от того, насколько сознание сопротивляется восприятию образа, — процесс этот несколько подобен восприятию живых форм в облаках. Все это не требует активного воображения, но просто способности взглянуть на привычное без предубеждения или каких-либо ожиданий. Это проявление Леонардо — мистификатора и еретика — отчаянно дерзкое и грешное.

Он написал гротескные мужские аксессуары намеренно, без сомнения, извращенно вдохновленный названием организации, заказавшей картину — «Братство Непорочного Зачатия». Изобразив гигантский пенис, возносящийся над головой, он ясно сказал «тем, чьи глаза видят», что эта голова не Девственницы.

Рассказ о тайне картины «Дева в скалах» в зале, на который собралась аудитория в несколько сотен человек¹⁰, не сопровождался ни угрозами, ни оскорблениями в наш адрес, чего мы так опасались. Конечно, был некоторый риск в таком открыто иконоборческом подходе к великому произведению искусства, и мы обсудили за и против публичного рассказа о нашем открытии, прежде чем решились на него. В конечном итоге мы дорожили нашей репутацией серьезных исследователей — даже если некоторые и не соглашались с нашими выводами, — но здесь мы вступали на скользкий лед постыдных аналогий, и фейерверк сенсации мог обернуться пшиком. Не сведет ли это нас в ранг тех, кто видит НЛО в огнях пролетающего самолета или свете давно известной звезды? Не

станет ли это концом нашей карьеры? После пробы перед нашим агентом и ее подругой, которые были довольно умными женщинами, после того, как нас обнадежила их реакция, мы рискнули, хотя выбранная нами аудитория имела репутацию циничной и проницательной¹¹. Как оказалось, наши опасения были напрасны. Как только наличие фаллоса было объяснено — и его графическое изображение смутно просматривалось на проецируемом изображении, — в зале внезапно возник шум, грохот, будто весь зал закатился хохотом того сорта, что возникает от удовольствия при смелой откровенной шутке. Некоторое время зал шумел. (Только один человек пожаловался, что не видит объекта, о котором идет речь, но остальная часть аудитории быстро ему все объяснила.)

Поскольку нет сомнений, что вариант картины Леонардо «Дева в скалах», хранящийся в Лувре, представляет собой чистой воды богохульство, можно со всей определенностью сделать вывод, что Леонардо не принадлежал к числу поклонников культа Девы Марии. Не поклонялся он и ее сыну, но, с другой стороны, проявил преданность Крестителю и, несомненно, был убежден в важности Марии Магдалины, пометив ее на картине «Тайная вечеря». На первый взгляд это выглядит загадочным: почему он поклоняется двум маргинальным персонажам Нового Завета и не испытывает ничего, кроме презрения, к тем, на ком построена вся христианская история. Выглядит как случай извращенного непонимания сути.

Конечно, его воззрения могли возникнуть как проявления личной, частной эксцентричности, личного иконоборчества, которое вдохновило его на столь экстраординарные — и по-иному не объяснимые — особенности в работах, которые публика воспринимала как в высшей степени благочестивые произведения. Гении пользуются дурной славой в этом отношении. Однако есть доказательства, позволяющие предположить, что Леонардо

в своей вере был не одинок, и была та вера не просто эквивалентом сатанизма, незрелой реакции, направленной против учения и структур традиционного христианства. Наши исследования, детально изложенные в книге «Леонардо да Винчи и Братство Сиона. Откровения тамплиеров» показали, что он был частью широкого подпольного движения связанных друг с другом еретиков, которые до сих пор хранят секреты. А секреты эти, став известными, в конечном итоге могут подорвать уже качающееся основание Церкви. Леонардо да Винчи и его сподвижники по вере, возможно, имели тайный источник — не исключено, что им было утраченное Евангелие, — который привел их к пылким, но опасным убеждениям.

Настало время обратиться к древним текстам — некоторым известным апокрифам, о существовании которых обычный христианин знает мало — в попытке установить исток ереси Леонардо и правду о Марии Магдалине, темной дамы, присутствие которой было такой угрозой мужчинам ранней Церкви.

ДРУГАЯ МАГДАЛИНА

В День святой Марии Магдалины — 22 июля в год 1209-й в Безье, маленьком городке, расположенном теперь в провинции Геро в Лангедоке-Руссильоне на юго-западе Франции, случилось нечто ужасное и поразительное, но в то же время вызывающее восхищение. Согласно описанию 1213 года¹ цистерианского монаха Пьере де Во-де-Герната все без исключения жители города добровольно приняли смерть от рук людей Папы, но не отказались от веры, что Иисус и Магдалина были любовниками, хотя и не были официально женаты. Это массовое убийство тем более примечательно, что от людей требовали всего лишь выдать несколько еретиков, но все встали на их сторону столь решительно, что тоже стали жертвами этого спорного утверждения.

Безье был центром притяжения местных еретиков. Хотя неизвестно, насколько далеко зашел в своем покровительстве им граф Безье, но он поддерживал их. Это не удивительно: своей убежденностью и образом жизни еретики завоевали множество сердец.

Это были так называемые катары, или альбигойцы, которые населяли Северную Италию (включая Тоскану, где два века спустя Леонардо будет тщательно оберегать свою форму ереси), Лангедок, Прованс и предгорья Пиренеев. Своей искренностью и блестящим примером безупречного образа жизни они завоевали популярность как в крестьянской среде, так и среди дворянства. Столь многие представители аристократии симпатизировали катарам, что во всем, кроме названия, эта область была катарским государством.

Вместе с тем катары не были однородной единой сектой, как это часто считается, но представляли собой свободную федерацию нескольких находящихся в союзе групп. Корни веры для многих из них были связаны с верой и практикой богомилов, получивших свое название по имени болгарского священника Богомила. (От названия «богомил» ведет происхождение современное английское слово «bugger» — «мерзавец».) Хотя обсуждать катаров как нечто единое с одинаковой верой и практикой было бы некорректно, мы в дальнейшем без извинений будем использовать этот термин, поскольку судьба их была одинаковой. Одно можно считать совершенно точным: катары были гностиками, как и многие другие сектантские группы и до, и после них, и верили, что возможно знание (гнозис) Бога без посредничества священников или власти Церкви. Гностики верили, что Бог доступен чистому сердцу, хотя дорога к новому умственному и духовному состоянию долгая и трудная, но зато в конце ее Высший Свет проникнет в любое материальное тело. Они полагали, что Царство Божье заключено в них самих и не требует вкушения тела и крови Господа при посредничестве правителей полностью разложившегося Рима.

Поскольку катары не оставили после себя письменного описания своей доктрины, трудно с полной определенностью анализировать их веру. То, что известно о них, было в основном написано их врагами, главным образом инквизицией, созданной специально для борьбы в этой ересь. Хотя надо с большой осторожностью относиться к взглядам их противников, но зачастую в трудах встречаются зерна правды — как и в случае с Орденом тамплиеров. С должной долей интуиции и проницательности есть возможность реконструировать воззрения катаров и образ их жизни из архивной массы, собранной инквизицией, — только один инквизитор собрал

свидетельства не менее чем 5638 свидетелей, поклявшихся говорить правду², — а также на базе записей множества платных местных функционеров и по устным преданиям, бытующим в этом регионе.

Катары верили, что они исповедуют веру изначальной, до-римской Церкви, отвергали власть Ватикана и священников как институт. Не признавая монополии наследников апостола Петра, еретики сторонились всего, что было с ним связано, начиная от ритуалов и кончая церковными строениями. Следует отметить, что катары были свободными верующими, молясь в частных домах или на природе, как это делали первые христиане, слушая проповеди апостолов.

В отношении доктрины они полностью отвергали идею о том, что Иисус был человеком, который принял страдания на кресте. Для них — как утверждают Уолтер Биркси Р.А. Гилберт в своей книге «Сокровища Монсегюра» (1987) — «жизнь Иисуса была образцом, которому должен следовать хороший христианин, а не космической тайной, в которую следует слепо верить»³. Вместе с тем, хотя и несколько нелогично, они понимали Христа как чистый дух, отрицая, что он мог бы когда-либо вселиться в тело из нечистой глины, и рассматривали его смерть как аллегория, а не кровавую, полную боли реальность. Теория докетизма (от греч. *dokeo* — «казаться») была широко распространена среди гностиков, ненависть которых к физическому миру не позволяла им даже предположить, что их Спаситель мог иметь такую же плоть, как и у них. Для большинства других христиан физическая жизнь Иисуса и особенно ужасный конец были центральными положениями религии. Для гностиков человек тоже был чисто духовной субстанцией, но шал и был заключен в тюрьму плоти. Обсуждая верования катаров, связанные с реальным статусом физического бытия человечества, Биркси и Гилберт писали:

«Человек... состоит из трех частей: духа, который божественен и всегда остается на небесах, души, которая была отделена от святого духа злой волей падшего Сатаны, и тела, творения Сатаны, и его следует отвергать. Они (катары) подчеркнуто отрицали возможность воскрешения плоти, которая есть продукт разложения»⁴.

Гностики также категорически отвергали возможность непорочного зачатия, высмеивая тех, кто верил в это. Причастие есть ритуал ошибочный, поскольку у Христа нет тела, а хлеб есть часть ненавидимой ими материи, Ветхий Завет сотворен Сатаной — «ревнующим к Богу», поскольку Сатана так разительно отличается от Бога Отца, о котором с такой любовью говорит Иисус.

Катары придерживались жесткого и в некоторых отношениях весьма оригинального образа жизни, посвященного во всех аспектах непрерывному поиску личного очищения, в котором они доходили до крайностей. Например, поощряли почти полное вегетарианство, чтобы не загрязнить свою душу и тело поглощением того, что появилось на свет через сексуальное общение (избегая мяса, яиц и молока, они ели рыбу, веря, подобно всем средневековым людям, что она воспроизводится не сексуальным способом. Любопытно, что и Леонардо тоже, видимо, придерживался рыбной диеты⁵). Их целью было достижение статуса «parfait» или «perfecti», совершенного существа, хотя многие знали, что не смогут выдержать абсолютного аскетизма, который требовался для этого, и резервировали это преобразование для смертного одра в качестве высшего перехода к бессмертию без гниения и разложения. Они путешествовали по двое (в основном для того, чтобы иметь свидетеля), читая проповеди и подавая достойный пример другим своей жизнью, которая была такой, что они заслужили общее имя «Les bohommes»

(«хорошие люди» или «хороший народ») у местных жителей. Хотя формально этот термин применяли к тем, кто еще не получил статуса «parfait». Катары вернулись к первоначальной, примитивной форме христианства, и в связи с этим страстно верили в реинкарнацию⁶, что придает горький, но оптимистический оттенок их массовой жертвенности, хотя для них «хороший конец» — смерть в качестве жертвы за веру — позволял избежать дальнейшей реинкарнации в чистилище на Земле. Они также отвергали все виды роскоши и плотских удовольствий. Бенджамин Уокер пишет в своей книге «Гностицизм: его история и влияние»:

«Катары были бескомпромиссными врагами всей церковной иерархии, обрядности и священнодействий. Они отвергали поклонение Деве Марии, иконам и символикe, включая крест. В их глазах церковь была «синагогой сатаны», а алтарь — порталом ада. Разложившиеся, погрязшие в роскоши, алчные и безнравственные Папы и священники были слугами дьявола. Равно они осуждали помпезность и тщеславие магистратов и гражданских властей, поскольку те поощряли и поддерживали Церковь».

Несмотря на слегка отмытый образ катаров — попытка новокатаров Нового времени (которые претендуют на преемственность, будучи анклавом вегетарианцев, идущих по пути «любви и света»), образ жизни катаров, несомненно, был экстремистским, открытым для множества злоупотреблений. Например, отвращение к плотским удовольствиям нашло свое отражение в обряде «endura», который представлял собой самоубийство через медленную мучительную смерть от голода или отравления после очищения через окончательное крещение духа, известное как «consolamentum»⁷. Освобождение от

оков плоти было заветной мечтой новокатаров, поскольку они в буквальном смысле видели этот мир как чистилище, не признавали иного ада, которого следовало бояться, кроме того, где они пребывали. Для тех катаров, которым угрожал неминуемый арест, пытка и смерть на костре от рук ненавистной инквизиции, обряд «endura», несомненно, был предпочтительнее.

По всей видимости, их отрицание акта продления рода направило некоторых еретиков на путь контрацепции в виде содомии (аналогично тому, как содомия была единственным абсолютным средством контрацепции викторианских проституток). Во всяком случае, их часто обвиняли в этом, хотя, разумеется, такие обвинения в адрес врагов Церкви были делом обычным — и, следовательно, к такого рода утверждениям надо относиться с осторожностью — но, скорее всего, люди Папы получали информацию из катарского источника. Как пишет Юрий Стоянов в своей книге «Тайные традиции в Европе» (1994),

«перед тем, как стать инквизитором, Руйнериус Саккони был катарским «perfecti» в течение семнадцати лет, и в своем труде «Трактат о катарах и нищих Лиона»⁸ он привел бесценную информацию о вере, деятельности и месторасположении дуалистских (гностических) церквей»⁹.

Когда катары находились в зените своих духовных успехов, выбранная ими земля Лангедок процветала, занятия наукой и искусствами и ученые беседы были свойственны не только двору, но и частным домам. Юрий Стоянов пишет:

«В отличие от превалирующего общественного климата в Европе общество Лангедока было толерантным и космополитическим и достигло высокого уровня

процветания. Имея отчетливо выраженную собственную культуру, Лангедок был выдающимся центром Возрождения в XII веке...»¹⁰.

То была эра лангедокских трубадуров, первого проуждения романтической литературы и появления подрывных элементов «куртуазной любви» — вариант любви интенсивной и эротичной, но не сексуальной между мужчиной и женщиной, которая, возможно, имела исток в гностических сеансах «платонической» любви и катарского «поцелуя мира».

То была область необычного равенства между полами, возможно, потому, что у катаров проповедь вели и мужчины, и женщины, поскольку они верили, что Иисус предполагал это с самого начала. Однако этот золотой век был уничтожен серией массовых убийств, на удивление малоизвестных.

В специально созванном Альбигойском крестовом походе (названном так по катарскому городу Альби) к 1244 году было вырезано (сожжено) более 100 000 катаров. Поход начался в 1208 году, и это был первый акт геноцида в Европе — хотя об этом факте редко сообщается в школах, даже во французских. Этот крестовый поход был примечателен по многим причинам, не последней из которых является то, что христиане уничтожали христиан в христианской стране по приказу Папы, а также замечательный тем достоинством, с которым тысячи катаров встретили неизбежные пытки и страшную мучительную смерть. Конечно, они активно к ней готовились, используя то, что может быть названо трансом буддийского толка, тайны которого передавались им во время первого посвящения. Подобно ранним христианам-гностикам, они имели эзотерический и экзотерический уровни членства, передавая свои величайшие секреты только тем, кто оказался достойным их. (К сожалению, те, кто

находился под впечатлением простоты катаров, их веры и добронравия и встал на их сторону против крестоносцев, часто отправлялись на муки, не имея необходимой подготовки по управлению своей болью. И это делает их обращение в веру и убеждения еще более благородными.)

Одним из многочисленных долговременных юридических последствий крестового похода против альбигойцев было учреждение инквизиции, созданной специально для допроса и экзекуции катаров. Знаменательно, что первые так называемые «ведьмы», на которых инквизиция обратила свое вызывающее ужас внимание, были катарами и их помощницами из Тулузы и Каркассона. В 1335 году более шестидесяти женщинам предъявили обвинение в участии в шабаше ведьм, в чем они все сознались — разумеется, после применения обычных методов убеждения. Одна из жертв, молодая женщина, подтвердила, что принимала участие в шабаше, где «подавала катарам ужин»¹¹ (что, учитывая их аскетизм, вряд ли было обременительным долгом). Разумеется, будучи просто помощницей, она не владела техникой контроля болевых ощущений, чтобы противостоять наиболее изощренным пыткам инквизиторов.

Церковь — и, в первую очередь, Папа Иннокентий III — наложила свои жадные лапы на Лангедок, землю, где в те времена текли молочные реки в кисельных берегах. Он решил присвоить ее богатства себе: ересь, распространенная среди населения, оказалась благовидным предлогом для столь полного ограбления и опустошения, что этот регион так никогда и не оправился после катастрофы. До настоящего времени Лангедок остается самым экономически депрессивным районом Франции, резко отличаясь от знаменитого «юга Франции», от соседнего Биарицца и Монте-Карло, куда деньги текут рекой. Генотид, завершившийся побоищем у крепости Монсегюр

в 1244 году, имел долговременные следствия, не изжитые до сегодняшнего дня, включая — хотя внешне район католический — явное недоверие к Церкви.

Подобно другим гностикам, катары верили в личную ответственность за состояние своей души, что было прямой угрозой Церкви, которая всегда всеми силами пыталась — в буквальном смысле слова — вселить страх Божий в своих членов до такой степени, что они просто не осмеливались отклониться от узкого прямого пути. Нагрешить так, чтобы тебя отлучили от Церкви, было столь страшно, что угроза отлучения была высшей опасностью для жизни и собственности в тот век, когда ад был жестокой и свирепой реальностью. Поэтому те, кто оградил себя от угрозы отлучения прямым отказом признать власть Церкви, представляли собой ее заклятых врагов. Кто знает, скольких они еще заразят своей дьявольской ересью? Лучше вырезать эту раковую опухоль, прежде чем она распространится и разрушит основы Церкви.

Хотя, как мы увидим, жажда власти и богатства, несомненно, была серьезным фактором крестового похода против альбигойцев, большую роль играли также страх перед ересью и ненависть к ней, хотя это обстоятельство не столь широко известно и понято. Очевидно, была и другая существенная причина этого крестового похода, который начался в 1208 году, причина, связанная с опасными секретами, касающимися Марии Магдалины, а именно, существованием, судя по намекам, подпольной Церкви, основанной ею самой...

Мужество до конца

Катары строили поразительные крепости на головокружительных пиках гор по всему Лангедоку, в снежных предгорьях Пиренеев на границе с Испанией или занимали

старый замок, в котором ждали в осаде, длившейся много месяцев, неминуемого ужаса захвата, пыток и страшной смерти. Одна за другой их крепости пали, хотя и не без странности в поведении врагов: под впечатлением упорного сопротивления еретиков, их достоинства и силы характера некоторые крестоносцы сами обратились в катарскую религию.

Хотя небольшие группы еретиков еще оставались во Франции некоторое время, после десятимесячной осады 2 марта 1244 года пал Монсегюр, сдавшись только после того, как крестоносцы согласились на то, чтобы осажденные остались в крепости еще на пятнадцать дней. В конечном итоге после столь долгой осады еще пара недель ничего не изменит, как бы там ни было, катары по-прежнему будут голодать, а папское войско — нет. Что делали катары в этот отпущенный им срок? Может быть, провели последние пятнадцать дней, исполняя обряды, цель которых собрать волю так, чтобы ничего — даже пламя костров, которые их враги готовили на поле внизу, — не могло проникнуть сквозь защитное поле их совершенной святой внутренней силы. Говорят, что, когда пришло время отдать себя в руки врага, они, несмотря на физическую слабость после долгого голода, спускались по склону, выкрикивая слова любви друг к другу и Богу — и с радостью всходили на костер. Когда пламя пожирало ненавистную им плоть, некоторые (предположительно, те, кто, несмотря на «хороший конец», чувствовал себя недостойным вечной жизни) кричали от костра к костру, что они снова встретятся в будущей жизни. Среди них были и крестоносцы, презревшие свой долг, которые не прошли ритуала защиты от боли.

Среди многих тайн, связанных с катарами, есть одна, которая поражала воображение многих исследователей в течение веков: считается, что ночью перед тем, как отдать себя в руки врага, четыре катара ушли с «катарскими

«сокровищами» — но что это были за сокровища, никто не знает. Что это могло быть? Их материальные ресурсы были в основном установлены и посчитаны, и в любом случае тяжелые мешки с золотом было практически невозможно спустить с отвесной пиренейской скалы. Некоторые выдвигали предположение, что они бежали с великим секретом или священной книгой — известно, что у катаров был собственный вариант Евангелия от Иоанна, которым они пользовались при исполнении своих обрядов. Другие полагали, что катары взяли с собой ни более ни менее как Святой Грааль¹² — хотя что это такое и какую форму имеет, остается вопросом спорным. Некоторые верят, что это чаша, в которую собрали кровь Иисуса, когда он висел на кресте. Другие — известные авторы Бейджент, Ли и Линкольн в своей книге «Святая Кровь и Святой Грааль» — утверждают, что поскольку «sang real» (буквально — «королевская кровь») могли истолковать как «святая кровь», то речь идет о линии кровной связи с Иисусом и Марией Магдалиной. (О Святом Граале подробнее будет рассказано в последующих главах.) Что бы ни унесли катары в эту судьбоносную ночь, они ценили это как нечто имеющее наивысшую важность — и, будучи «perfecti», они вряд ли были заинтересованы в побрякушках или чисто материальных ценностях. Возникает вопрос: почему потребовалось четыре человека, чтобы унести это нечто в безопасное место, подальше от крестоносцев? Может быть, правы те, кто верит в теорию «Святой Крови», и это были самые «прямые» наследники, в чьих жилах текла «святая» кровь? Или, возможно, это были четыре связки документов или книг, а может быть, одна книга, разделенная на четыре части, — предусмотрительно отправленная в четырех разных направлениях в безопасные места. Разумеется, наличие священных текстов означает, что четыре катара унесли с собой тайное знание

в некие отдаленные места, где слово останется незапятнанным — и, может быть, даже воскреснет когда-то в будущем. Что бы они ни взяли с собой, то был наиболее драгоценный для них объект или секрет, и катары пошли на все, чтобы сохранить то, что они считали истинным и святым.

Чудо обращения

Как было сказано, чудо обращения в веру катаров произошло в Безье, где от 15 до 20 тысяч обычных граждан добровольно пошли на смерть 22 июля 1209 года. Только чуть более двухсот из них были катарами, но жители Безье явно разделяли с еретиками по меньшей мере одно верование. Этим людям была дана возможность уйти и предать катаров из своей среды, но они отказались сделать это, встав на их сторону против папских легатов, несмотря на то что понимали, какая ужасная судьба им уготована в этом случае. «Ничто не могло спасти их, ни крест, ни алтарь, ни распятие», — писал Пьер де Во-де-Гернат. Когда крестоносцы спросили папского легата, как отличить еретика от невинного жителя города, они получили печально знаменитый ответ: «Убейте всех, Бог узнает своих», который стал хладнокровным девизом всех фанатиков в мире. И не случайно днем массового убийства стало 22 июля, День святой Марии Магдалины, де Во-де-Гернат писал в этой связи:

«Безье был взят в День святой Магдалины. О, высшая справедливость Провидения!.. Еретики утверждали, что Мария Магдалина была любовницей Иисуса Христа... поэтому правильно, что этих отвратительных псов повязали и убили в праздник той, которую они оскорбили...»

Что сделало жителей Безье столь убежденными в этой ереси до такой степени, что они отдали свои жизни — и жизни своих детей, — но не отступили? Хотя история полна случаями массового самоубийства и массового самопожертвования приверженцев культов, взявших в основу своей веры совершенно фантастические и до нелепости бессмысленные доктрины, есть основания полагать, что по меньшей мере в этом случае катары имели некоторую гайную информацию, доказывающую их поразительное еретическое убеждение в любовной связи между Иисусом и Марией Магдалиной. Какова бы ни была эта информация, ее источниками, без сомнения, не были новозаветные Евангелия от Матфея, Марка, Луки и Иоанна, но какой-то другой текст, признаваемый ими за столь же достоверный — и, вероятно, столь же святой. Защищаемая ими с таким упорством доктрина любовной связи Марии Магдалины с Иисусом не была взята у их предшественников богомилов, поскольку, как пишет Юрий Стоянов в книге «Тайные традиции в Европе», «учение, по которому Мария Магдалина выступает в роли «жены» или «любовницы» Христа, появилось в катарских преданиях и не имеет аналога в доктрине богомилов»¹³. Каков же был источник тайного знания катаров о Магдалине? Не была ли их вера в это причиной их уничтожения? В целом кажется, что катары, которые, как мы видели, были не столько организацией, сколько свободным союзом многих маленьких групп еретиков, переплелись с приверженцами зародившегося в Лангедоке местного культа Магдалины, который не был наследием богомилов или каких-либо иных еретиков. Ясно, что с точки зрения Церкви Безье был городом, не хуже любого другого, для того чтобы начать искоренение этой ереси, поскольку появилась возможность убить одним ударом обе ереси вместо одной. За исключением того, что искоренить их не удалось, во всяком случае в отношении ереси, касающейся Марии Магдалины, как мы увидим далее.

Маргинализация Магдалины

Есть что-то подозрительное в том, как Мария Магдалина представлена в Евангелиях: с одной стороны, она явно была достаточно известной личностью, поскольку из всех женщин, упомянутых в Новом Завете, только она обозначена просто именем без указания ее отношения к мужчине, как жена, сестра, мать такого-то. Уже этот факт выделяет ее из ряда других женских персонажей. Однако, с другой стороны, в этих текстах нет ничего, объясняющего, почему столь многие жители Безье были так беззаветно преданы ей, что приняли ужасную смерть, причем не для защиты ее непорочного имени, но для чего-то, совсем противоположного по нормам морали того времени, поскольку они верили, что она была любовницей Иисуса.

Для тех, кого вдохновляет такая фанатичная преданность, следует пояснить, что Марию Магдалину вряд ли можно назвать важным персонажем Нового Завета. Помимо одного упоминания у Луки, она не появляется на страницах Евангелий до момента распятия, когда она вновь возникает ниоткуда, чтобы исполнить высший акт преданности Иисусу — помазание мертвого тела для погребения. В трех стихах в Евангелии от Луки (8:1—3), говорится следующее:

«После сего Он проходил по городам и селениям, проповедуя и благовествуя Царствие Божие, и с ним двенадцать, и некоторые женщины, которых Он исцелил от злых духов и болезней: Мария, называемая Магдалиной, из которой вышли семь бесов, и Иоанна, жена Хузы, домоправителя Иродова, и Сусанна, и многие другие, которые служили Ему именем своим».

Этот отрывок интересен по нескольким причинам: ясно, что Иисус имел не только учеников, но и учениц —

сомнений в этом быть не может — и они содержали мужчин на собственные средства. Таким образом, если постулат Церкви о том, что Магдалина проститутка или была ей, правилен, то напрашивается неудобоваримый вывод, что Иисус и остальные, такие как Симон Петр, с удовольствием жили на безнравственные деньги! Конечно, она и другие женщины имели средства или были финансово независимыми. (Хотя заметьте: жену домоправителя Ирода звали Иоанна¹⁵, имя необычное для женщины того времени, что указывает на ее посвящение в культ Иоанна Крестителя, который, как мы далее поймем, вовсе не был во всех аспектах подобен учению Христа.)

Однако наиболее важный аспект этих трех коротких абзацев в Евангелии от Луки заключается, как пишет Карла Риччи в своей книге «Мария Магдалина и многие другие» (1994), в том, что «просмотр указателей всех имеющихся в Папском Библейском институте текстов по толкованию Библии и по теологическим вопросам убедил меня, что эти абзацы почти полностью игнорируются». Она добавляет, что «очень мало было написано, причем намеренно и с особой целью, по поводу текста Евангелия от Луки 8:1—3»¹⁶. Является ли такой подход авторов Евангелий просто отражением их культурного невежества в отношении женщин — последовательниц Иисуса или что-то более глубокое и таинственное заставляло их не трогать эти строчки? Не является ли этот факт замалчивания имени Магдалины простым проявлением мужского шовинизма со стороны этих авторов или их позднейших редакторов или есть более существенная причина? Если вычеркнуть эти строчки, то этого персонажа не было бы во всем Новом Завете — во всяком случае, ее имени, что очень странно, учитывая важность ее роли в определенных аспектах истории Иисуса, — не говоря уже о ее важности для еретиков. Это умолчание есть факт в высшей степени подозрительный, особенно при

рассмотрении того, что произошло в результате ее маргинализации.

Вся структура власти в Католической церкви — апостольское наследование — базируется на концепции, согласно которой власть передается по неразрывной цепи от апостола Петра и, следовательно, от самого Иисуса на основании того, что Симон Петр был первым учеником, увидевшим Иисуса после его воскресения. Это особо подчеркивает немецкий богослов Ганс фон Кампенхаузен, который утверждает: «Петр стал первым христианским вождем (или «Папой») потому, что был первым, кому явился Иисус после воскресения»¹⁷. Элайн Пагельс в ее ставшем теперь классическим труде «Гностические Евангелия», так комментирует это утверждение:

«Заявление Кампенхаузена можно оспорить на основании текстов Нового Завета: в Евангелиях от Марка и от Иоанна говорится, что Мария Магдалина, а не Петр была первой свидетельницей воскресения¹⁸. Но ортодоксальная церковь, ведущая свое происхождение от Петра, установила традицию, до сих пор поддерживаемую католиками и некоторыми протестантскими церквями, согласно которой Петр считается «первым свидетелем воскресения» и, следовательно, законным руководителем Церкви»¹⁹.

Она пишет далее: «Еще во втором веке христиане осознали политические потенциальные последствия статуса «он первым видел воскресшего Господа» — в Иерусалиме, где Иаков, брат Иисуса, успешно оспаривал власть Петра, бытовало предание, что Иаков, а не Петр (и, конечно, не Мария Магдалина) был «первым свидетелем воскресения»²⁰.

Несомненно, сказку о том, что Петр должен быть вождем в силу того, что он первым увидел воскресшего

Иисуса, было легко распространить и поддерживать в те дни, когда имелась только Вульгата (латинская Библия) и паства была в своей массе неграмотна. Верующие не имели возможности самостоятельно узнать правду. Но в наши дни нет оправданий для такого намеренного искажения истины. Поскольку в Евангелии от Марка (16:9) недвусмысленно сказано: «Воскреснув рано в первый день недели, Иисус явился сперва Марии Магдалине, из которой изгнал семь бесов. Она пошла и возвестила бывшим с ним, плачущим и рыдающим; но они, услышав, что Он жив и она видела его, — не поверили». Яснее не скажешь: Магдалина, а не Симон Петр, первой увидела воскресшего Иисуса, но Церковь не приемлет ничего, что может умалить концепцию апостольского наследования власти, поскольку отказывается согласиться с идеей, что женщины могли быть ученицами Иисуса. Но они были достойны того, чтобы «служить именем» миссии Иисуса и преданно следовать за ним — разве это не делает их его ученицами? Когда все мужчины, кроме «возлюбленного» Иоанна, покинули своего учителя — спасая свою шкуру, — только женщины присутствовали, когда он, одинокий, претерпевал кошмар пытки на кресте. Только это, вне всяких сомнений, позволяет назвать их его ученицами — даже более преданными, чем ученики-мужчины.

Судя по трем содержательным стихам из Евангелия от Луки, приведенным выше, женщины, хотя и не входили в число двенадцати, были важной составляющей его эскорта. В Евангелии от Марка особо подчеркнута их преданность в критический момент смерти Иисуса на кресте:

«Были тут и женщины, которые смотрели издали: между ними была и Мария Магдалина, и Мария, мать Иакова меньшого и Иосии, и Саломия, которые и тогда, как Он был в Галилее, следовали за ним и служили

Ему, и другие многие, вместе с Ним пришедшие в Иерусалим»²¹.

Согласно Евангелиям, именно Магдалина первой встретила Иисуса, приняв его за садовника. Только когда он просто произнес ее имя «Мария», она признала его сквозь слезы. Если удастся установить, что Иисус не только имел женщин в качестве учениц, но и то, что Магдалина была среди них самой важной, то будет решен вопрос принципиальный, что может вызвать серьезные потрясения среди католиков наших дней. Если Иисус предпочел в первый раз явиться Марии, а не Петру, то это имеет фундаментальные последствия. Хотя на эту тему было много серьезных дискуссий, суть проста: если есть сомнения в том, кто первым увидел воскресшего Христа, то вся власть в Католической церкви оказывается под вопросом.

Как и в более поздней Церкви, Евангелия Нового Завета выглядят очень странно, как только в центре внимания оказывается Магдалина. Например, последние одиннадцать стихов в Евангелии от Марка, где особо оговаривается, что она первой увидела воскресшего Иисуса, и приводятся его упреки в недостаточной вере учеников, отсутствовали в самых ранних манускриптах²². Это свидетельствует о двойственном отношении к женщинам и, в частности, к Магдалине, в результате перечень женщин-учениц почти исчез из текста Евангелия от Луки. Затем имеется издевательски радостная — почти презрительная — фальшивка в Евангелии от Марка: «он первым явился Марии Магдалине, из которой изгнал семь демонов»²³, и снова в Евангелии от Луки, где говорится: «Мария (называемая Магдалиной), из которой вышли семь демонов»²⁴. Авторы Евангелий явно стараются изо всех сил, чтобы мы не забыли о грязном прошлом этой женщины. Они даже переусердствовали

в этом отношении: нет ли в этой настойчивости элемента кампании по дискредитации женщины, которая по какой-то причине была столь хорошо известна, что было достаточно просто назвать ее имя «Магдалина»? Возникает ощущение, что мужчины, которые писали Евангелия, предпочли бы вообще не упоминать о ней, если бы только могли. Очевидно, что кто-то начал бы задавать вопросы, если бы Магдалина исчезла из текста, хотя вряд ли такое бы случилось, если бы не упомянули Иоанну или Сусанну. Почему она была столь важным персонажем, что ее нельзя было вычеркнуть, однако было нежелательно, если не опасно, давать ее полное описание? Кто была Мария Магдалина и почему авторы Евангелий, подобно врагам катаров, были столь осторожны по отношению к ней, возможно, опасаясь ее силы?

СВЯЩЕННЫЙ СЕКС И БОЖЬЯ ЛЮБОВЬ

*Божественный любовник есть дух без тела.
Физический любовник есть тело без духа.
Одухотворенный любовник владеет духом
и телом.*

Ибн Араби¹

Кто была таинственная Мария Магдалина, столь тщательно выдвленная на периферию Нового Завета авторами Евангелий? Каково ее происхождение и почему она была столь сильной угрозой мужчинам зарождающейся Римской церкви?

В книге «Леонардо да Винчи и Братство Сиона» мы с Клайвом Принсом писали о вечных противоречиях, окружающих этот центральный персонаж:

«Всегда шли жаркие споры по поводу идентификации Марии Магдалины, Марии из Вифании (сестры Лазаря) и «безымянной грешницы», которая помазала Иисуса, как указывается в Евангелии от Луки. В ранний период Католическая церковь приняла решение, что эти три описания относятся к одной женщине, хотя в 1969 году ее позиция была изменена. Клеймо проститутки поставил на Марию Магдалину Папа Григорий I в Проповеди 33, произнесенной в 591 году, в которой он провозгласил: «Она, та, кого Лука называл грешницей, кого Иоанн назвал Марией, есть, мы верим, Мария, из которой были изгнаны семь бесов, как говорит Марк. И что же означают эти семь бесов, как не все грехи?.. Ясно, братья, что эта женщина

использовала мази, чтобы надуть свое тело для запретных актов»².

Православная церковь всегда считала Марию Магдалину и Марию из Вифании разными женщинами»³.

Католическая церковь всегда хитроумно использовала свое определение Магдалины, признавая ее ценность в качестве образца для исправления отчаявшихся женщин, находившихся под ее влиянием, таких как «прачки Магдалины». Давид Тресемер и Лаура-Ли Кэннон писали в своем предисловии к переводу Жан-Ива Лелупа гностического Евангелия от Марии 1997 года (этот текст мы обсудим в следующей главе):

«Только в 1969 году Католическая церковь официально сняла клеймо проститутки с Марии Магдалины, которое поставил Папа Григорий, тем самым признав свою ошибку — хотя образ Марии Магдалины как исправившейся проститутки по-прежнему фигурирует во всех христианских проповедях. Подобно набранному крошечным шрифтом в конце газеты извинению, это решение Церкви осталось незамеченным, тогда как первоначальная трактовка по-прежнему влияет на умы»⁴.

Но не будем торопиться, немедленно снимая с нее все подозрения в «проституции», в чрезмерном рвении реабилитировать всех и вся. Несколько исследователей отметили, что «семь бесов», которых изгнали из нее, возможно, перепутали с семью потусторонними хранителями языческих тайн⁵, что может оказаться ценным свидетельством ее реальной истории. В языческом мире были так называемые «храмовые проститутки», женщины, которые владели и распространяли священную «мудрость гетер» через трансцендентный секс: понятно, что вне их

культуры их могут считать почти уличными женщинами, особенно мужчины ученики, воспитанные в духе нравственных и сексуальных ограничений, свойственных иудейским законам в Святой земле.

Традиционно Магдалина считается женщиной, появившейся ниоткуда, чтобы помазать Иисуса драгоценным нардом из алебастрового кувшинчика, — в церковной иконографии она фигурирует обычно с кувшинчиком в руках. В Евангелии от Луки (7:36—50) мы читаем, что когда Иисус обедал в доме гостеприимного фарисея, женщина «того города, которая была грешница», узнав, что Иисус здесь присутствует, пошла к нему, омыла его ноги своими слезами и «мазала их миром». Ничуть не растроганный сценой такой преданности, фарисей «сказал сам в себе» (хотя трудно вообразить, откуда автор узнал об этом): «Если бы Он был пророк, то знал бы, кто и какая женщина прикасается к Нему, ибо она грешница»⁶. Иисус, как бы в ответ на мысли фарисея, рассказывает притчу о двух должниках, которым ростовщик простил долги: один из них задолжал мало, а другой был весь в долгах. Он спросил, кто из них должен быть больше благодарен ростовщику, и фарисей, которого, как мы узнаем, зовут Симон, отвечает, что большую благодарность должен испытывать тот, кто был больше должен.

Затем Иисус похвалил деяние женщины, сказав Симону:

«Видишь ли ты эту женщину? Я пришел в дом твой, и ты воды Мне на ноги не дал, а она слезами облила Мне ноги и волосами головы своей отерла; ты целования мне не дал, а она, с тех пор как я пришел, не перестает целовать у Меня ноги; ты головы Мне маслом не помазал, а она миром помазала Мне ноги. А потому сказываю тебе: прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много, а кому мало прощается, тот мало любит»⁷.

Слова эти, согревающие душу, со временем положили начало любопытным гедонистическим сектам, которые были основаны на идее получения наибольшей выгоды от прощения Бога через как можно большее количество грехов. В то время, как другие гости бормотали о природе человека, который берет на себя смелость прощать грехи, Иисус сказал женщине: вера твоя спасла тебя.

Хотя подобный эпизод отражен во всех четырех Евангелиях, только Лука помещает его в город Капернаум, в самое начало миссии Иисуса. Женщина эта — незаметный член его группы, неизвестная и незамеченная до этого момента остается неназванной. В этом варианте цель этого эпизода явная — обозначить власть Иисуса прощать грехи. Что за женщина — неважно.

С другой стороны, в Евангелии от Иоанна (12:1—8) точно указано, что этот эпизод — явно помазание — происходит в доме родственников Марфы, Лазаря и Марии в Вифании, и именно Мария производит помазание Иисуса. Ранее (11:2), описывая воскрешение Лазаря из мертвых, Иоанн подчеркивает, что именно его сестра Мария позднее помазала Иисуса. Ни в Евангелии от Марка (14:3—9), ни в Евангелии от Матфея (26:6—13) не называется имя помазывающей грешницы, но оба указывают, что помазание произошло в Вифании за два дня (за шесть дней по Евангелию от Иоанна) до Тайной вечери и страшных последующих событий — ареста и распятия Иисуса. Но они помещают событие в дом другого Симона — на этот раз не фарисея, но прокаженного. Ясно, что Мария из Вифании — это та самая грешница, которая помазала Иисуса. Так почему Лука откровенно не упоминает имени женщины и помещает этот эпизод в Капернаум, в самое начало — а не конец — миссии Иисуса? Может быть, у него были неверные данные, на основе которых он писал свою версию истории? Ответ может быть найден в том, как он излагает эпизод с Марфой и Марией

(которая высказывает столь благовидный предлог, почему она не помогает в домашней работе. — См. *Введение*). Он рассказывает, как Иисус и его ученики прибыли в не названную деревню (в Библии короля Иакова ее обозначение намеренно неопределенное — «какая-то деревня»), где он посещает сестер Марфу и Марию. Почему же не упомянуть название места? Другие авторы Евангелий знали его. Почему не упомянут Лазарь? Очевидно, есть что-то, связанное с Вифанией и этим семейством, в частности то, что причиняет Луке — и до некоторой степени и другим авторам Евангелий — неудобство. В большей или меньшей мере все они пишут об этом эпизоде невнятно, но не могут не включить его в историю, потому что он слишком хорошо известен и важен, чтобы его можно было проигнорировать.

Фактически, семья из Вифании состоит из ключевых персонажей, принимающих участие в самых острых событиях в конце миссии Иисуса. В свое последнее путешествие в Иерусалим он отправился из Вифании. Хотя двенадцать учеников, по всей видимости, ничего не знали о трагическом исходе — который, в конечном итоге, был главной целью миссии Его жизни, — семья из Вифании произвела самые необходимые организационные действия, включая заранее купленного осла, на котором Иисус въехал в Иерусалим⁸. Они знали, что должно было быть выполнено пророчество Ветхого Завета о Мессии, и обеспечили все до мельчайшей детали, но авторы Евангелий вместо того, чтобы отвести им центральное место главных исполнителей в истории Иисуса, всячески отодвигают их в сторону. Но почему? Не потому ли, что было нечто большее, помимо выполнения требований пророчества о том, как обставить роль Мессии для Иисуса по описанию Ветхого Завета, — не было ли здесь другой причины для того, чтобы отодвинуть их в тень?

Ключ к разгадке, может быть, содержится в находке доктора Мортон Смит (впоследствии профессора Древней истории Колумбийского университета в Нью-Йорке), случившейся в 1958 году в библиотеке Православной церкви в Мар-Саба, около Иерусалима. Эта находка подробно описана в нашей книге «Леонардо да Винчи и Братство Сиона. Откровение тамплиеров»⁹, но здесь достаточно сказать, что это было письмо Климента Александрийского, одного из Отцов Церкви, жившего во II веке, в котором имелись цитаты из «тайного Евангелия», как утверждает, написанного Марком. Письмо было написано в ответ на письмо некоего Теодора, который просил совета, как бороться с еретической сектой карпократиан (по имени ее основателя Карпократа), члены которой практиковали религиозные сексуальные ритуалы, — секс как священнодействие, сама идея такого ужасала вождей церкви. Самое любопытное заключается в том, что, по утверждениям членов секты, они получили эту доктрину как тайное учение от Марии Магдалины, Марфы и Саломии...¹⁰.

Знаменательно, что Климент признает, что «тайное Евангелие» подлинное и содержит эзотерическое учение Иисуса, которое простым христианам знать не позволено. Это поразительно. Отцы Церкви признают, что Иисус практиковал сексуальные мистерии... Тревожит даже мысль о том, что христианство было религией таинств, тщательно скрывааемых от простых членов, ведь христианство отличает от множества других культов и темного мира оккультных тайн (например, от масонства) то, что его всегда считали религией открытой. А здесь дано не только доказательство противоположного, но и говорится, что учение Иисуса носило по сути сексуальный характер. Это не только показывает, что руководители Церкви беззастенчиво осуществляли цензуру материалов, которыми должны были руководствоваться

рядовые христиане, но и свидетельствует о том, что даже такие выдающиеся деятели, как Климент, сознательно лгали о Христе. По сути, Отцы Церкви намеренно искажали учение Христа, приспособлявая его для собственных нужд. Какие же слова так не нравились Клименту и ему подобным, что их следовало вырезать? Фактически он, сам того не желая, оставил будущим поколениям два коротких отрывка, вырезанных из тайного варианта библейского Евангелия.

В первом дан другой вариант эпизода воскрешения Лазаря, хотя о нем говорится как о «юноше из Вифании». Через шесть дней после того, как он воскрес (как и в Евангелии от Иоанна), юноша пришел к Иисусу, «завернутый в белое покрывало на голое тело», оставался с ним ночь, в течение которой ему были «открыты... тайны Царства Божия»¹¹. Как мы писали в своей книге «Откровения тамплиеров»:

«Следовательно, воскрешение Лазаря выглядит не реальным воскрешением, но частью какого-то ритуала инициации, в которой иницируемый претерпевает символическую смерть и воскрешение перед тем, как его знакомят с тайным учением. Такой ритуал обычен для многих религий таинств, которые были широко распространены в греческом и римском мире — не было ли это, как могут предположить многие читатели, гомосексуальной инициацией?»¹²

Мортон Смит полагает, что ритуал был именно сексуальный, как в еретической секте карпократов (возможно, и в других группах, таких как внутренний круг рыцарей-тамплиеров), — не упоминая уже самого Климента, который был явно обеспокоен тем, какое воздействие окажет этот отрывок на других, если они узнают о нем. Разумеется, белое покрывало и ночь с учителем или гуру

не обязательно подразумевает сексуальный ритуал, но возможность этого должна быть рассмотрена.

Однако эпизод с Лазарем важен сам по себе благодаря тому случаю, о котором рассказано только в Евангелии от Иоанна, и рассказ о нем цитируется теологами для доказательства того, что это Евангелие менее достоверно по сравнению с другими тремя. Но, судя по словам Климента, по меньшей мере, еще в одном Евангелии был выброшен сходный эпизод, поскольку мог быть истолкован как в высшей степени противоречащий тщательно оберегаемой версии христианского учения, которая утверждалась как «евангельская правда» людьми, подобными Клименту. Этот пример редактирования эпизода воскрешения Лазаря, по меньшей мере, в одном из других Евангелий говорит, как кажется, о достоверности Евангелия от Иоанна.

Другой отрывок в утраченном Евангелии от Марка, о котором упоминает Климент, вызвавший такое неудовольствие церковников, но возбуждивший острый интерес у диких и святотатственных карпократов, на первый взгляд, выглядит совершенно невинным. Однако он представляет собой связующее звено, которое долго пытались найти ученые, связь между двумя последовательными предложениями в каноническом Евангелии от Марка (10:46): «Приходят в Иерихон. И когда выходил Он из Иерихона с учениками Своими и множеством народа, Вартимей, сын Тимеев, слепой сидел у дороги, прося милостыни...» Зачем рассказывать о том, что Иисус посетил Иерихон и, видимо, тут же ушел оттуда? Явно здесь что-то было вычеркнуто... а в утраченном — или секретном — Евангелии от Марка имелось: «И сестра юноши, которого Иисус любил, и его мать, и Саломия были здесь, и Иисус не принял их».

Скрытый смысл этой фразы имеет далеко идущие последствия: был и другой юноша, к которому применен

эпитет «возлюбленный», и это тот самый молодой Иоанн, который по Евангелию от Иоанна возлежал у груди Иисуса на Тайной вечере (Леонардо превратил его в Марию Магдалину на знаменитой фреске). «Тот... юноша, которого Иисус любил» — это Лазарь, именно этими словами сказано о нем в Евангелии от Иоанна (глава 11). На самом деле Лазарь — это греческий вариант имени Елиазар¹³, Элия или Илия, и поскольку Иоанн Креститель, как считали многие, был реинкарнацией Илии, юноша из Вифании назван авторами Евангелий Иоанном дважды, хотя использование варианта «Лазарь» было довольно ловким ходом, чтобы запутать читателя.

Почему же авторы так стесняются предполагаемой связи с человеком, которому была оказана честь крестить Иисуса в Иордане? Загадка становится еще сложнее, когда раскрывается тот факт, что Креститель крестил в другом месте, имеющем название Вифания — «Вифания за рекой Иордан»¹⁴, — так хотят нас уверить авторы Евангелий, но есть доказательства того, что это происходило все-таки в том самом месте.

Сестра возлюбленного Иоанна — это Мария из Вифании: как авторы Евангелий затемнили личность ее брата, точно так же они попытались отделить Марию из Вифании от неназванной грешницы — а Мария и Иоанн-Лазарь были тесно связаны со странно сомнительным местом под названием Вифания. И снова возникает страх в рядах Церкви, связанный с таинственной и явно противоречивой семьей: достаточный для того, чтобы полностью вычеркнуть ее из канонических книг, а если это невозможно, то сделать рассказ нарочито неясным и запутанным, как только речь заходит о них. Климент думал, что Марк написал свое «тайное Евангелие», когда жил в Александрии, которая, как мы увидим, тесно связана с Иоанном Крестителем...

Не говоря о сути, мы видим, что этот эпизод свидетельствует о том, что Евангелия подвергались субъективному редактированию и цензуре и не являются беспристрастным отчетом о жизни и учении Иисуса, как верят большинство христиан. К сожалению, канонические Евангелия — разумеется, и многие неканонические — в первую очередь выступают как средства пропаганды, и подход к ним должен быть таким же, как и к партийным политическим материалам, которые кладут в наши почтовые ящики во время предвыборной кампании.

По причинам, которые остаются неясными — но, по всей видимости, связанными с верой в то, что семья из Вифании практиковала что-то безнравственное, возможно даже сексуальные ритуалы, — Марфу, Лазаря (или полюбленного Иоанна) редакторы Евангелий намеренно и систематически задвигали в тень. Мария из Вифании, скорее всего, и есть неназванная грешница, которая помазала Иисуса драгоценным маслом. Но была ли она же Марией Магдалиной?

Знаменательно, что Лука сразу после описания эпизода с помазанием Иисуса неназванной грешницей, рассказывает о путешествии Иисуса и двенадцати учеников с женщинами (8:1—2), среди которых была Мария (названная Магдалиной), вероятно, после многотрудной цензуры, он никак не мог изгнать ее из головы. Однако в Евангелии от Иоанна ноги Иисуса помазала Мария из Вифании, а то, что она грешница, опущено. Очень интересно, какими словами оперирует Лука, говоря о нравственном ее статусе: она *harmartolos*, что означает человек, преступившего еврейский закон, и это не обязательно проституция. Это термин, связанный со стрельбой из лука и означающий «не попавший в цель». Им может быть обозначен любой, кто по каким-то причинам не выполнил религиозные предписания — или не платил налоги, возможно, потому, что она не была еврейкой¹⁵.

О Марии из Вифании сказано, что у нее были распущенные или непокрытые волосы, чего уважающая себя еврейская женщина в Иудее себе позволить не могла, поскольку это означало сексуальную распущенность, как и у современных ортодоксальных евреек и мусульманок на Среднем Востоке. Мария вытирает ноги Иисуса своими волосами — действие интимное, если не больше, при исполнении на людях явно незнакомой женщиной. Ученники не могли считать такое поведение иначе как скандальным. Как пишут Тимоти Фрек и Питер Канди в своей книге «Иисус и богиня» (2001 г.): «По еврейскому закону, только мужу дозволено видеть волосы женщины в распущенном виде. Если женщина распустила волосы перед другим мужчиной, это считается настолько непристойным, что являлось основанием для развода»¹⁶. Эти авторы полагают, что «данный эпизод можно рассматривать как изображение Иисуса и Марии женатой парой либо раскрепощенными любовниками, пренебрегающими условностями». Однако этот вывод основан на предположениях, и хотя вопрос о статусе Иисуса как человека женатого будет обсуждаться ниже, сейчас достаточно сказать, что он столь откровенно пренебрегает даже самыми укорененными еврейскими обычаями, что выглядит совершенно равнодушным к ним — или иностранцем. Действительно, в ранних христианских текстах о нем упоминали как о *ho allogenes* — иностранце¹⁷.

Нигде в канонических Евангелиях не описывается изгнание семи бесов из Марии из Вифании, хотя авторы никогда не упускают случая упомянуть это относительно Марии Магдалины. Однако, когда Мария из Вифании непристойно распустила волосы, являясь *harmartolos*, Иисус продолжал оставаться с ней и ее семьей, будто ничего предосудительного не произошло. Возможно, именно его панибратские отношения с бывшей грешницей беспокоили его учеников и авторов Евангелий — если,

Конечно, она когда-либо была грешницей. (А это могло быть главной проблемой людей, участвовавших в миссии, которая должна была принести им бессмертие.) Есть и другое толкование помазания, которое дает ответ на многие вопросы об этом странном эпизоде и реальном характере Марии из Вифании (возможно, и Марии Магдалины?). Это толкование весьма неприятно для тех, кто воспитан в христианских традициях. Согласно этому толкованию помазание не было случайным экспромтом раскаявшейся грешницы, который стал неожиданностью для Иисуса, как и для всех других, но было заранее подготовленным священным ритуалом, цель которого двенадцати ученикам не была известна.

Намек на это закрался в Евангелие от Марка, где некоторые ученики «вознегодовали» за трату денег на такое дорогое масло — «к чему сия трата мира? Ибо можно было продать его более, чем за триста динариев, и раздать нищим». Ответ Иисуса был быстрым и четким:

«Оставьте ее; что́ ее смущаете? она доброе дело сделала для Меня. Ибо нищих всегда имеете с собою, и, когда захотите, можете им благотворить; А Меня не всегда имеете. Она сделала, что́ могла: предварила помазать Тело Мое к погребению. Истинно говорю вам: где ни будет проповедано Евангелие сие в целом мире, сказано будет в память ее, и о том, что она сделала».

Однако Церковь только частично исполнила его желание: эпизод широко известен и регулярно читается в Евангелии, но женщина остается анонимом — и торжественность и цель ритуала остались совершенно неизвестными. Тресемер и Кэннон писали о пророчестве Иисуса, что там, где проповедуется Евангелие, деяние женщины будет упомянуто:

«Каким образом случилось так, что все христиане не помнят и не почитают то, что столь прямо велел им их Учитель? Почему большинство людей думает о ней, как о раскаявшейся проститутке, не зная то, что выглядит более вероятным — что она проповедующая жрица с глубоким пониманием кануна мира духовного?»¹⁹

Здесь усматривается еще один намек на Марию Магдалину — поскольку эта женщина приготовила его к погребению, она же принимала участие в погребальных ритуалах после смерти Иисуса. Не были ли они одной и той же женщиной, личность которой была намеренно раздвоена, так же как возлюбленный Иоанн стал Лазарем?

Чувство неприятия, окружающее Марию из Вифании, основано, видимо, главным образом на эпизоде с помазанием Иисуса — но, конечно, это не чрезмерная реакция на использование драгоценного масла. Доказательство важности этого ритуала можно найти в самом титуле Иисуса — «Христос» на греческом языке означает «помазанник». В Новом Завете упоминается только одно помазание — и оно произведено женщиной. Вот, предположительно, почему еврейские авторы-мужчины столь страстно хотели умалить значение этого ритуала, изобразить его как поступок грешницы или как безумное, безответственное деяние какой-то неизвестной (и, видимо, истеричной) женщины. Трактовка Иисуса как Бога свойственна в основном более поздним христианам, а иудейский Мессия должен был быть помазан — или «окрещен», хотя в языческом мире таким способом отмечали и других особых людей.

Только два человека в Новом Завете исполняют ритуалы с участием Иисуса: первый — крещение Иоанном Крестителем в реке Иордан, второй — помазание Марией из Вифании в конце его миссии. Оба ритуала связаны

с Вифанией, и оба, как кажется, были намеренно затушены Матфеем, Марком, Лукой и Иоанном — как и Мария Магдалина, которая появляется практически ниоткуда, чтобы стать центральной фигурой после распятия.

Мария из Вифании сделала Иисуса Христом, помазав его миром, который, несомненно, был куплен и сбережен для этого случая. Это не было ни фривольным, ни импульсивным актом, но неотъемлемой частью того, чему он посвятил себя — а авторы-мужчины полны решимости представить этот акт настолько бессмысленным и неясным, насколько это возможно, чтобы умалить важность не только Иисуса, но и женщины, которая этот акт исполнила. Женщины не проводили священных религиозных ритуалов в еврейской практике того времени — более того, существовало правило, что женщинам, рабам и детям запрещалось ритуально молиться дома²⁰, не говоря уже о проведении ритуала в синагоге или в Храме — так почему Иисус позволил Марии из Вифании сыграть столь важную роль?

Иностранцы

Как уже говорилось, с женщиной можно было развестись на том основании, что она появилась на людях с распущенными волосами — столь тяжек был грех, — а здесь Мария из Вифании, женщина *harmartolos*, почему-то не соблюдает иудейского обычая или стоит вне религиозного закона и выглядит совершенно не замечающей того принуждения, которое мог вызвать такой акт. Еще более показательным то, что Иисус не только не порицает ее за нарушение иудейского закона, но и поощряет ее, адресуя свои упреки тем, кто осудил ее поведение.

Оба ведут себя как иностранцы в чужой земле: неудивительно, что их не понимали, в частности двенадцать

учеников, которые, как мы видим снова и снова, не понимают учение Иисуса и цель его миссии. Мария из Вифании могла быть чужой в этой среде, но кажется, что у нее с Иисусом есть общий секрет, — или они оба чужие.

Если помазание не было иудейским ритуалом, то к какой культуре оно относится? В те времена существовал священный языческий ритуал, в котором женщина помазала избранному мужчине голову и ноги, а также гениталии в знак особой судьбы. То было помазание священного царя, в котором жрица выделяла мужчину и помазала его перед дарованием ему судьбы в особом сексуальном ритуале, известном как *hieros gamos* (священный брак). Помазание было частью подготовки к ритуалу проникновения во время исполнения обряда — что имело те же самые эмоциональные или юридические следствия, что и обычная форма брака — в которой царь-жрец обретал силу бога, а жрица-царица превращалась в великую богиню. Без силы женщины избранный царь никогда не правил и был бы бессильным. Барбара Уокер объясняет:

«Брак с земной представительницей богини в образе царицы был чрезвычайно важен для легитимности царской власти: таков был первоначальный смысл священного брака — *hieros gamos*. Аккадские цари отправлялись в военные походы, главным образом, чтобы доказать, что они достойны священного брака²¹.

Концепция священного брака весьма важна для понимания Иисуса, его миссии и его связи с самой важной женщиной в его жизни — не упоминая уже о двух имеющих большое значение мужчинах... Сложившийся образ Марии из Вифании/Марии Магдалины как проститутки становится осмысленным, если понимать, что этот ритуал есть высшее выражение того, что викторианские историки называли храмовой проституцией. Разумеется, этот

термин, учитывая их невежество и крайнее пуританство, нас не удивит, хотя изначально жрица именовали *hierodote*, или священная служанка. Только через нее мужчина мог познать себя и богов. В результате служения священной служанки, *hieros gamos*, царь освящен и возвышен — и, разумеется, после такого помазания Иуда предает Иисуса и начинается путь к конечной судьбе через распятие.

Далекий отзвук этого древнего ритуала можно найти в любопытной церемонии, которая была проведена 16 июня 1633 года, когда Эдинбург встречал новоизбранного короля Карла I. В Вестпорте его приветствовала морская нимфа, одетая в сине-зеленый наряд с головным убором, напоминавшим башню с зубцами. Ее называли «Принцесса Магдалина»²². Здесь мы тоже имеем дело с царской жрицей, приветствующей нового монарха подобно тому, как Мария из Вифании/Мария Магдалина выделила и помазала Иисуса в качестве священного царя. Принцесса в образе морской нимфы является явным отзвуком древних ассоциаций имени «Мария» или «Мари». В частности, Барбара Уокер пишет: «[Мари] было основным именем богини, известной халдеям как Маррати, евреям как Марах, персам как Марихэм, христианам как Мария: а также Мариэнн, Мириам, Марианна, Миррин, Марфа, Мирра, Мария и Марина. Ее синий наряд и жемчужное ожерелье были классическими символами моря, покрытого жемчужной пеной»²³.

Концепция священного брака была широко известна в дни Иисуса: в различных вариантах ритуал проводился представителями различных культов умирающих и воскресающих богов, таких как Таммуз (храм которого в те времена имелся в Иерусалиме) и египетский бог Осирис, чья супруга Исида вдохнула жизнь в его мертвое тело на достаточно долгий срок, чтобы зачать младенца Гора, бога мужества с головой ястреба. Тресемер и Кэннон

прямо указывают: «Ее (Марии) появление со специальным маслом для помазания Иисуса Христа говорит о ее принадлежности к жрецам и жрицам Исида, чьи мази использовали для того, чтобы переступить порог смерти, оставаясь в сознании»²⁴. Это позволяет говорить о ней в специфическом контексте магических традиций Египта, что было рассмотрено нами только сейчас²⁵. Как жрица — или, по меньшей мере, помощница жрицы²⁶, — она проводила обряд во время мучительного распятия Иисуса и духовного посещения им неведомых высот, защищая и направляя его во время наиболее опасных моментов его союза с богами. Если, конечно, он не умер на кресте, как считали многие еретики, распятие можно считать главной жреческой инициацией его жизни. Что случилось с ним впоследствии — неясно и противоречиво и лежит за пределами темы этой книги, но ясно, что он никогда уже не мог стать таким же, как был, и, вероятно, изменился настолько, что его не могли узнать даже те, кто хорошо его знал.

Во всех вариантах священного брака представительница богини в образе жрицы соединяется сексуально с избранным царем перед его жертвенной смертью. Три дня спустя бог воскресает, и земля снова становится плодородной.

Мария из Вифании использовала для помазания ног Иисуса миру — знаменательно, что в восточной тантрической (священный секс) традиции именно это масло используется для помазания ног и волос.

Женщина-евнух

Ясно, что женщина, помазавшая Иисуса, должна быть особой женщиной, великой жрицей какого-то древнего языческого культа. Но была ли она Марией Магдалиной,

как заявляла Церковь до 1969 года? Недавно были предприняты действия, направленные на реабилитацию Магдалины. В частности, подчеркивалось, что она не была той же женщиной, что и неназванная грешница или бывшая грешницей Мария из Вифании. Поскольку Магдалина стала образцом для либерально настроенных современных христианок, прославляющих ее за непоколебимую преданность Иисусу и в связи с ее очевидно высокой ролью среди учеников стали считать оскорблением упоминание о ее грехах, несмотря на то что ей отпустил их сам Иисус. Политически корректная Магдалина подчеркнуто не грешница. Но все же, по всей видимости, эти две женщины были одним лицом, и у авторов Евангелий были свои резоны для разделения их на две отдельные личности с последующим успешным затушевыванием роли той, и другой. Меньше всего они хотели бы, чтобы читатель соединил их, поскольку в таком случае становилась понятной особая роль Марии и смысл ее действий: если это произошло бы, то вся тщательно выстроенная конструкция церковной концепции начала бы рушиться. Интересно, что обе трактовки образа Магдалины Церковью оказались благоприятны для нее: как истеричная блудящая грешница, она была полезным образцом для тех, кто вырвался из обычного бытового круга, скажем, для рабынь-«магги» в «Прачечных Магдалины». Теперь же, перестав быть грешницей и будучи отделенной от Марии из Вифании, она утратила даже предположительный статус жрицы огромной силы. В обоих случаях мужчины из Ватикана успешно превратили эту потенциальную угрозу в женщину-евнуха. Ирония такого решения вопроса состоит в том, что многие либеральные женщины одобрили это: очень хорошо, что Марию Магдалину более не отождествляют с Марией из Вифании! Они считают это прогрессивным, хотя ничего прогрессивного в этом нет.

Конечно, большинство христиан не ждут от Евангелий скрытого смысла или многозначительного подтекста — но только прямую истину, сколь сложной ни была бы фразеология. Однако Новый Завет насыщен тем, что мы называем теперь раскручиванием, и большая часть отрывков подходит для пропаганды позиций тех или иных групп. Отдельные эпизоды выхватывают из контекста и соединяют вместе на потребу дня, места; персонажи не обозначаются по имени, причем слова зачастую вкладываются в уста людей, не имевших к ним никакого отношения. И это граничит с прямой фальсификацией. В отношении таких книг нет понятия «евангельская истина», и одной из наиболее значительных жертв такого подхода является Мария из Вифании. Мы проанализировали роль и идентичность Марии, которая была сестрой Марфы и Лазаря (возлюбленного Иоанна), а теперь давайте рассмотрим доказательства истинного характера таинственной женщины, известной как Магдалина.

Где был город Магдала?

Загадочная женщина, которая, очевидно, была в центре миссии Иисуса, в Новом Завете именуется «Мария Магдалина», или просто «Магдалина», а это свидетельствует о том, что авторы Евангелий считали, что читатель знает, о ком идет речь, немедленно опознавая ее по имени. (При этом ее вряд ли можно назвать центральной фигурой Евангелий от Матфея, Марка, Луки и Иоанна, что выглядит так, будто о ней упомянули потому, что она была слишком знаменита и не упомянуть о ней было нельзя. Возможно, авторы боялись, что полное отсутствие Марии Магдалины вызовет ненужные вопросы.) Обычно считается, что ее имя означает Мария из Магдалы, города, где она родилась. В начале XX века аналитики приняли

то обычное толкование, которого придерживаются по сей день:

«Мария Магдалина, вероятно, названа по городу Магда-дала или Магадан... в настоящее время Медьдель, что, как говорят, означает «башня». Он был расположен неподалеку от Тиверия и упоминается... в связи с чудом семи хлебов. На этом месте до сих пор сохранилась древняя башня. Согласно еврейским источникам, это место было прославлено своим богатством и безнравственным поведением его жителей»^{27/28}.

(Заметим, как автор усиливает традиционную ассоциацию между Магдалиной и «безнравственностью», связывая ее с предполагаемым местом ее происхождения, греховным городом «Магда-дала». Когда обычные комментаторы вынуждены упомянуть ее имя, они никогда не пропускают случая лишний раз вывалить ее имя в грязь.)

Что нам известно о всеобщем убеждении, что ее дом находился на берегу Галилейского озера? Мы знаем от еврейского историка первого века Иосифа Флавия, что город, который сейчас называют Медьдель, или Магдель, во времена Иисуса именовался Таричея -- не Магда-дала. И кажется странным, что она единственная из всех учениц из Галилеи была названа по месту рождения: конечно, это должно было вызывать непонимание других женщин -- которые в основной массе явно были родом из тех мест, где происходили события. И если она была единственной в толпе женщин из окрестностей Магдалы, то почему только ее называли Магдалиной? Кроме того, ее называют Мария (прозываемая Магдалиной), что отличается от построения фразы в аналогичных случаях, например, «Симон из Кирены». И снова можно предположить, что некоторые называли ей Марией из Вифании, а другие Марией Магдалиной.

На самом деле, в Новом Завете нигде не указывается, откуда родом Мария, что заставляет верующих и ученых просто предположить, что она пришла с берегов Галилейского озера — даже при том, что есть весомые причины верить, что она родом из иных мест: может быть, даже иностранка. Более того, есть убедительные данные, что Иисус тоже был не из этих мест, хотя предположение, что он был евреем из Галилеи, укоренилось настолько, что кажется неоспоримым фактом.

В Новом Завете редко указывается происхождение персонажа — включая Иисуса (Симон из Кирены и Савл из Тарса — немногие примечательные исключения). Один из многочисленных случаев неправильного перевода до сих пор поражает воображение, когда говорят «Иисус из Назарета», в то время как следует читать «Иисус назорей». Хотя известно, что назорейи были членами группы сект, которые имели общее название, они остаются сектой таинственной. Само слово является производным от еврейского «Nostrim», что означает «Хранители... те, кто сохраняет истинное учение или древние традиции, и те, кто хранит секреты, которые не дано знать остальным...»²⁹. Это наводит на некоторые мысли — может быть, даже шокирующие — в связи с Иисусом, о котором обычно думают, что он основатель уникальной, Богом данной религии, а не последователь каких-то иных верований³⁰.

В любом случае город Назарет не встречается в римских архивах того времени, его нет на картах, нет в хрониках Иосифа Флавия, нет в Талмуде. Столь почитаемого христианами сегодня города Назарет, по всей видимости, не было до падения Масады в 80-х годах I века, а расцвел он только через триста лет после смерти Иисуса.

В этой связи интересным кажется вопрос, где находится родной город Девы Марии, которым обычно считается Назарет. Поскольку такого города в ее дни не

существовало, откуда она появилась? Хотя она, подобно другим женщинам, следовала за Иисусом, у нее должно было быть место жительства в Палестине, но если это так, то где?

У многих ученых — и несомненно, у большинства христиан — даже сегодня будто шторы надеты на глаза в отношении земли, где проповедовал Иисус. Обычно считается, что крошечная Галилея была как бы отрезана от остального мира и любого постороннего влияния. По общепринятому мнению, это была земля евреев, поклонившихся Яхве, метафорически изолированная от большого мира. Однако, как пишет Бартон Л. Мак в своей книге «Утраченное Евангелие: книга «Q» и происхождение христиан» (1994): «В мире христианского воображения Галилея относится к Палестине, религией Палестины был иудаизм, поэтому каждый в Галилее должен быть евреем. Поскольку эта картина искаженная... читатель должен иметь более точное представление»³¹. Не зря Галилея, известная как «земля не-евреев», имела обширные торговые связи со многими близлежащими культурами, находясь на перекрестке торговых путей, ведущих в Вавилон, Сирию — и расположенный рядом Египет.

Галилея в I веке славилась головокружительной смесью сект, религий и народов и имела репутацию центра, из которого расползаются ереси. Здесь было такое религиозное подполье и царило настолько радикальное мышление, что иерархи Иерусалимского Храма были здесь не более популярны, чем римские оккупанты. Эта земля привлекала не только торговцев, но и путешественников из отдаленных земель, которые несли с собой соблазнительные и опасные новые идеи, а Мария Магдалина — та самая Магдалина, чужая, выделяющаяся своеобразной уникальностью, — несомненно, была одной из них.

Нет никакой необходимости втискивать ее в галилейские декорации, поскольку есть, по меньшей мере, два

интересных варианта ее происхождения: хотя города Магдала в Иудее нет, есть город Магдолум в Египте — сразу у границы, который под названием Мигдол, вероятно, упомянут у Иезекииля³². В те времена в Египте была большая процветающая еврейская община, центром которой был город Александрия, бурлящий космополитический котел, где сплавлялись многие расы, национальности и религии, где располагалась штаб-квартира Иоанна Крестителя³³, куда, по всей вероятности, бежало Святое семейство от преследования Ирода. В I веке по Египту были рассеяны и другие группы евреев, как ортодоксов, так и еретиков. Их влияние на рост и развитие христианства — практически игнорируемое академиком — было весьма существенным. В отличие от вездущей, воспеваемой Греции, Египет академики до сих пор рассматривают в отрыве от его исторического влияния, что — как мы увидим далее — ошибка тяжкая.

Если Магдалина действительно была родом из египетского города Магдолум, то это частично объясняет, почему ее отодвигают в тень. В конечном итоге, несмотря на замечательную мешанину наций и религий в Галилее того времени, человек по натуре своей с подозрением относится к иностранцам, и в Евангелиях ясно показано, что предубеждения людей типа Симона Петра были очень сильны, во всяком случае в начале миссии. Согласно Деяниям Апостолов, уже умер Иисус, когда после вещего сна Петр осознал, что не только евреи достойны Евангелия³⁴.

Однако если Магдалина была жрицей из Египта, то враждебность к ней евреев-мужчин усиливается тысячекратно.

Она была не только раскрепощенной и независимой женщиной со средствами, но и зараженной к тому же языческими идеями! Мужчины не могли не относиться к ней с подозрением, присутствие Иисуса, несомненно,

удерживало их враждебность в определенных рамках, что доминирующая личность ограничивала их. Возможно, он обладал такой харизмой, что они полностью находились под влиянием его чар, но тем не менее шепоток по углам шел и внутреннее отвращение было: он не мог поступить неправильно, а она — совсем другое дело. У них было выработано неприятие к иностранным жрицам, которых много болталось вокруг. Или же Иисус удерживал их в повиновении чем-то еще — если они верили в то, что он подлинный Мессия, то его личные чудачества особой роли не играют (хотя они не могли не ворчать по этому поводу), или же он обладал политической и военной властью, реальной или потенциальной, что удерживало в повиновении всю группу. Нельзя забывать, что в его группу входил Иуда Искариот (или Иуда Сикари) и Симон Зелот — оба были членами образований, которые можно назвать террористическими (хотя они называли себя борцами за свободу, агитируя против римских оккупантов).

Может быть, была и другая причина, по которой к Марии Магдалине столь плохо относились в группе последователей Иисуса. Хотя она, возможно, жила в Египте — в конечном итоге нам известно, что и Иоанн Креститель, и Иисус провели там несколько лет, — вовсе не обязательно, что она была родом оттуда. Например, есть город Магдала в Эфиопии, отдаленная крепость на вершине холма на юге страны, где состоялось сражение между местными жителями и британской армией в 1868 году, последствия которого противоречиво отзываются до настоящего времени³⁵. Эту скалистую местность называют теперь Амра Мариам (Мария), хотя современные жители Эфиопии считают, что оно названо по имени Девы Марии, а не Марии Магдалины, название указывает, что оно долгое время ассоциировалось именно с последней. Возможно, хотя точно и неизвестно — многие и вообразить

себе это не могут, — эти места и были местом ее рождения или домом.

Эфиопское происхождение не могло не делать ее человеком экзотическим, что, вероятно, весьма беспокоило предубежденных участников миссии Иисуса, таких как Симон Петр. Несмотря на то что политически корректные ревизионисты проповедуют теперь, расизм был изобретен вовсе не в Британской империи: если Магдалина была чернокожей, раскрепощенной, богатой языческой жрицей и ближайшим другом Иисуса (самое малое), двенадцать учеников при ее виде должно было обуревать море эмоций, свойственных необразованным людям, которые возникают при виде чуждого, неизвестного.

На первый взгляд идея чернокожей Магдалины может быть высмеяна — в конечном итоге она хороша для новой постановки рок-оперы «Иисус Христос — суперзвезда», но не подтверждена ни одним историческим фактом. Однако имеются наводящие на раздумья связи между Магдалиной и черным цветом, которые мы рассмотрим с учетом их воздействия на христианскую историю в последующих главах.

Использование имени Марии в Новом Завете интересно обставлено: указывается, что она — «эта Магдалина», что звучит почти дерзко — аналогично тому, как критик писал бы об экс-премьере Англии «эта Тэтчер», вкладывая в слова изрядную долю иронии. В этом свете «Мария, называемая Магдалиной» может быть какого-то рода прозвищем, так же, как Евангелия именуют основателя Церкви «Симон, прозываемый Петром», что, видимо, должно показать, что «Петр» (или на греческом «Петрос» — «камень») имеет шуточный оттенок, намек на его массивность или рост. Некоторые³⁶ предполагают даже, что этот эпитет можно истолковать как «Роки» (по аналогии с прозвищем несгибаемого боксера — героя Сильвестра Сталлоне), как дань репутации Симона-бойца.

Есть вероятность, что «Мария, называемая Магдалиной» — это титул, а не производное от места происхождения. Маргарет Старберд указывает в своем исследовании культа Магдалины «Женщина с алебастровым вувшинчиком»: «На еврейском языке эпитет «Магдала» в буквальном переводе означает «башня» или «нечто возвышенное, великое, великолепно»³⁷. Наше толкование слова «Магдала», разумеется, «башня» — «Принцесса Магдалина», приветствовавшая Карла I в Эдинбурге, имела головной убор в виде зубчатой башни — хотя это слово может быть истолковано и как «возвышающаяся» или «великая». И во многих других языках прилагательное или имя «Магда», строго переводимое как «девушка», несет в себе смысл «великолепная [женщина]», а «Магна» есть просто «великая», как в латинском выражении «*Magna Mater*», титул богини «Великой Матери». Барбара Уокер в своей книге «Женская энциклопедия мифов и тайн» дает следующее определение «*Magna Dea*»: «Великая богиня» Сирии, которой особо поклонялись в Гиерополе, «святом городе». Тот же титул применяли ко всем богиням по всей римской империи, что граничило с концепцией женского монотеизма, когда вторгся в духовную сферу еврейский, персидский и христианский патриархат»³⁸.

Но если «эта Магдалина» есть статус, возможно, указывающий на то, что она была Главной жрицей какого-то древнего языческого культа, или титул, предполагающий величие, то кто удостоил ее этой чести? Явно не авторы Евангелий, которые всю тему Марии Магдалины считали весьма неудобной для себя, и, как мы увидим, такого рода хвала не могла возникнуть в круге двенадцати учеников Иисуса, особенно у Симона Петра, который предпочитал даже не находиться с ней в одной комнате³⁹, не говоря уже о признании ее величия. Однако, хотя можно тщетно перелистывать евангельские тексты

в поисках какой-либо информации, свидетельствующей о «величии» Марии, есть множество других источников, которые говорят не только о том, что она была «великолепна» сама по себе, но и сам Иисус признавал ее женщиной исключительной силы...

Невеста Христа?

Но была ли явно тесная связь между Магдалиной и Иисусом законным браком, как новаторски заявили Бейджент, Ли и Линкольн в своей книге 1982 года «Святая Кровь и Святой Грааль»? Если она была, то в Новом Завете царит очень странное молчание по этому поводу, поскольку, что бы ни думали христиане (особенно католики) сегодня, иудаистские раввины в Святой земле должны были быть женаты, потому что воздержание от продолжения рода считалось (и считается в ортодоксальной еврейской среде) оскорблением Бога. Целибат порицается старейшинами синагоги и вызывает сплетни о неестественных желаниях среди конгрегации. Для еврейского раввина было бы странным, если бы Иисус не был женат, но если бы он имел жену, то, конечно, она была бы упомянута как «Мириам жена Спасителя» или «Мария жена Иисуса». В Евангелиях нет ни единой фразы, которую можно было бы даже притянуто истолковать, как упоминание о законном союзе, но является ли это следствием того, что такой женщины не было, или его жена была известна, но столь интенсивно и в таком масштабе ненавистна, что авторы канонических Евангелий решили ее игнорировать? Или же она была женой по обряду, который евреи не признавали? Но если, как следует из гностических Евангелий, Иисус и Магдалина были преданными и любящими любовниками, почему они не оформили свои отношения официально? Как мы видели, поразительно

храбрые жители Безье страстно верили, что они были неженатыми любовниками. (Многие комментаторы полагают, что свадьба в Кане, где Иисус превратил воду в вино, на самом деле была его собственной свадьбой — главным образом, на том основании, что там он присутствовал со своей матерью. Но, возможно, это было просто свадебное торжество близкого родственника, где они председательствовали: в любом случае, некоторые авторы считают, что чуда в Кане не было, а рассказ основан на мифе об умирающем и воскресающем боге Дионисе⁴⁰).

Помимо возможности какого-то законного запрета на их любовь — например, близкое родство или наличие другого законного брака, — кажется, нет причин для отказа от публичного признания их предпочтения друг друга. Не говорит ли это нежелание связать себя брачными узами о том, что они не были евреями и, следовательно, не могли закрепить брак в синагоге? Знаменательно, что от языческих жриц, даже от тех, кто занимался священным сексом, требовали, чтобы они были во всех иных случаях целомудренными и оставались незамужними.

В любом случае мы знаем из Евангелий, что ученики Иисуса роптали по этому поводу, потому что, хотя последователям Иоанна Крестителя было дозволено вступать в брак, им это было не разрешено. А тем, кто уже был женат, как Симон Петр, предлагали бросить семью и следовать за Иисусом, что несколько противоречит христианской идее о том, что Иисус — бог счастливых семей. Любопытно, что миссия Иисуса не славилась своим пуританизмом: согласно Евангелию от Матфея⁴¹ — и, разумеется, неканоническим источникам — сам Иисус не чурался вина и еды, сравните с воздержанием учеников Крестителя, которые часто постились и молились. Хотя был запрет на брак, с этим движением ассоциируются полутона священной сексуальности, сексуальной или, по меньшей мере, эротической обрядности. Это

указывает на то, что при неодобрении постоянных или законных связей, экстатические — возможно, даже уникальные обряды, такие как *hieros gamos*, имели место. Конечно, если сексуальная связь была непозволительна для всех членов движения, кроме Иисуса и Магдалины (и, может быть, что еще более спорно, для ее брата), то не надо далеко искать объяснения враждебности, с которой к ней относились мужчины.

Мы можем только предполагать, но, может быть, имеет значение то, что граждане Безье таких сомнений не испытывали, будучи настолько уверены в любовной связи Иисуса и Магдалины, что пошли на смерть, защищая то, что считали фактом, простым и чистым. И Леонардо изобразил их в «Тайной вечере» в зеркально идентичных одеяниях, как будто они были взаимными половинками. Как же люди позднего Средневековья и Возрождения узнали столь определенно о взаимоотношениях Иисуса и Марии Магдалины, когда в Церкви не было даже полупешепота об этом? Не было ли у них доступа к тайному Евангелию, которое снова было спрятано, чтобы люди Папы не добрались до него и не уничтожили?

Соблюдая осторожность, чтобы не принять на веру тексты, не согласующиеся с христианским канонem только потому, что они еретические, весьма полезно прочитывать варианты «запрещенных» книг, которые временами всплывают на поверхность. Какой свет могут пролить гностические Евангелия на любовь Иисуса Христа и Марии Магдалины, проживших свои столь важные для нас жизни 2000 лет назад в далекой земле?

АПОСТОЛ АПОСТОЛОВ

В декабре 1945 года арабский крестьянин Мухаммад Али вместе со своими братьями сделал великое историческое открытие: нашел кувшин в лабиринте пещер около города Наг-Хаммади в Верхнем Египте. Отправившись за мягкой горной землей, известной как сабахх — ее использовали в качестве удобрения, — они раскопали большой (1 метр в высоту) глиняный кувшин, к которому сначала побоялись притронуться из опасения, что внутри заключен джинн — злой дух. Однако братья быстро преодолели страх, когда им пришла в голову мысль, что, возможно, в нем хранится сокровище, золотой клад, который поможет семье выбраться из нищеты. Такие мысли быстро прогнали страх перед джином, и они разбили кувшин, но, к своему разочарованию, увидели только груды древних книг: тринадцать обернутых в кожу свитков из испанского папируса.

Многие годы никаких подробностей об этой находке известно не было — хотя ходило много слухов о том, что с ней случилось, — и точные обстоятельства произошедшего сразу после обнаружения книг неизвестны до сих пор. Али позднее признался, что его мать Умм-Ахмад, не понимая ценности того, что держит в руках, сожгла несколько папирусов, поддерживая огонь в своем очаге, что вызвало реакцию академической общественности в виде смеси гнева и изумления от такого невежества. Только подумайте, какое сокровище, какие возможные теологические и исторические откровения предала огню эта крестьянка! Какова ирония того, что самой сенсационной теологической находке была уготована такая судьба!

Но есть в этом рассказе, уже изрядно поизносившемся, нечто вызывающее недоверие. Может быть, и на самом деле матери Али столь срочно нужна была растопка для печи, и эта история есть неприукрашенная правда, но кажется довольно странным, чтобы, даже будучи невежественной относительно исторической ценности находки, она бросила в огонь что-то потенциально ценное на процветающем рынке антиквариата, учитывая стесненные обстоятельства жизни своей семьи. Египтяне, в том числе и беднейшие, всегда с уважением относятся к тому, что может быть продано — достаточно часто можно увидеть у дороги в Каир нищего, пытающегося продать не только мертвого, но уже полуразложившегося, отвратительно пахнущего верблюда. Уверена, что первыми словами Али, вернувшегося с охапкой книг, было нечто подобное: «Мама, позаботься об этих вещах, они могут оказаться дорогими». В жизни случается странное, и люди делают глупости, но в этом рассказе есть привкус весьма удобного мифа. Возможно, Али отдельно продал недостающие папирусы другому покупателю, который не захотел их публиковать, и состряпал оправдание, возложив на мать ответственность за утрату книг. (Нам известно только, что в текстах, называемых сейчас гностическими Евангелиями, упоминаются папирусы, которые должны их сопровождать. Могут возникнуть вопросы; гораздо лучше сказать, что они сгорели.)

Не исключено, что он продал «сгоревшие» книги агенту Ватикана, который решил не открывать их содержания. Разумеется, если эти, как предполагается, недостающие книги были подобны тем, что со временем нашли путь к общественности, то неудивительно, почему их решили не показывать.

Папирусам Наг-Хаммади, насколько нам известно, были уготованы сложные приключения, многие из которых обусловлены страстным желанием Ватикана скрыть само их существование от общества. Хотя заговор с целью

сокрытия определенных христианских текстов от общества был организован еще в III веке, действует он и поныне. Как писали Дэвид Тресемер и Лаура-Ли Кэннон в предисловии к переводу гностического Евангелия от Магдалины, выполненного Жан-Ивом Лелупом (это Евангелие не было найдено в Наг-Хаммади, оно всплыло на поверхность в Каире в 1856 году): «История борьбы с ранними христианскими Евангелиями читается как приключенческий роман — сожжение книг, тайные собрания маленьких сект, раскрытые властями, ссылки, казни и так далее»².

Первые 200 лет существования новой, христианской религии многочисленные варианты текстов и учения ее основателя и его учеников циркулировали по всей Римской империи. Ученые считают, что канонические Евангелия не были первыми христианскими текстами: Матфея и Луку обычно датируют 80 годом, Марка — на десять лет раньше, а Иоанна — 100 годом. Хотя первыми главными частями Нового Завета были письма Павла, датируемые 50 годом, к сожалению, он не интересовался подробностями земной жизни Иисуса или его личными привязанностями, сосредоточив свое внимание на его религиозном учении — и в связи с этим проблемами организации церкви в римском мире.

Женские обряды и гностическая мудрость

Знаменитые четыре Евангелия вовсе не были единственными священными писаниями, распространенными в то время: более того, поскольку сотни свитков переходили от группы к группе, существовало величайшее разнообразие доктрин и обрядов. Были и принципиальные различия между тем, что сейчас мы называем христианским образом жизни, и тем, как жили простые люди в те времена. Для некоторых достаточно удивительным будет тот факт, что в те бурные времена сумятицы среди лидеров

Церкви было очень много женщин. Особенной популярностью в конце второго века пользовались пророчицы — к особому неудовольствию и досаде таких Отцов Церкви, как Ипполит, который писал:

«Дав завладеть собой бесчисленному количеству книг, они поддались обману. Они утверждают, что познали гораздо более через эти книги, чем через закон, пророков и Евангелия. [Хотя некоторые из этого «бесчисленного количества книг» были Евангелиями, Ипполит и его коллеги признавали только те, что поддерживали их точку зрения. — *Авт.*] Но они ставят этих грешных женщин превыше апостолов и каждого дара Божией милости так, что некоторые из них допускают утверждения, будто среди них был кто-то выше Христа... Они вводят новые посты и праздники... заявляя, что им велели женщины»³.

Но имело ли это женское засилье случайный характер или ранняя Церковь была организацией равных возможностей? И если так, не был ли сам Иисус зачинателем такого либерального подхода? Немножко странно, что вся эта шумиха вокруг пригодности женщин-священников и снисходительный тон, которым сопровождается их посвящение в сан, могут представлять собой не новую эру просвещения в Церкви, но робкую попытку вернуться к старым славным временам. Понятно, что широкое распространение этих рукописей в I и II веках позволило женщинам поверить, что и они могут принять участие в поклонении Христу на первых ролях. Однако напрасно вы будете листать Новый Завет в поисках прямых свидетельств того, что это было именно так, поскольку Евангелия очень уклончиво говорят о роли Марии из Вифании/Марии Магдалины — чье имя может быть переведено как «величайшая».

Тресемер и Кэннон объясняют происхождение Нового Завета:

«В 325 году (римский император) Константин созвал Собор в Никее, где было решено, какие тексты станут для Церкви стандартом — теперь мы называем их каноническими Евангелиями — а какие следует изъять. Те, которые не были признаны стандартными, подвергались нападкам уже много лет. Те из епископов Никейского собора, кто не согласился с Константином, были прямо с Собора отправлены в ссылку»⁴.

После предполагаемого сожжения некоторых папирусов из Наг-Хаммади матерью Мухаммада Али оставшиеся «книги» (или рукописи) попали в руки профессора Утрехтского университета в Голландии Гиллеса Квиспела, известного специалиста по истории религии. Переведя первую строчку первого документа, он с изумлением прочитал: «Это тайные слова, которые говорил Иисус, записаны они близнецом Фомой».

Элен Пагельс в своем капитальном труде «Гностические Евангелия» (1979) — многие пытались писать на эту тему, но на ее работу ссылаются наиболее часто и почтительно практически все другие комментаторы — пишет:

«Квиспел знал, что его коллега А.Ш. Пюэш, воспользовавшись заметками другого французского ученого Жана Доресса, идентифицировал первые строчки как фрагменты греческого Евангелия от Фомы, найденного в 1890 году. Но появление полного текста поставило новые вопросы: был ли у Иисуса брат-близнец, как следует из текста? Является ли этот текст аутентичным воспроизведением слов Иисуса?»⁵

(Хотя вопрос об Иисусе как близнеце лежит вне темы этой книги, скажем, что если это правда, то концепция

Иисуса в качестве уникального сына Бога и концепция непорочного зачатия уничтожатся одним ударом.)

Как оказалось, папирусы Наг-Хаммади содержат, по словам Элен Пагельс: «пятьдесят два текста первых веков христианской эры — включая собрание христианских Евангелий, ранее неизвестных. Помимо Евангелия от Фомы и Евангелия от Филиппа, имеются Евангелие правды и Евангелие Египтян, которое названо в тексте «[священной книгой] Великого Незримого [Духа]»⁶. Другую группу составляют тексты, приписываемые последователям Иисуса, такие как «Тайная книга Иакова», «Апокалипсис Павла», «Письмо Петра Филиппу» и «Апокалипсис Петра»⁷.

Углубившись далее в замечательную находку, Квиспел выяснил, что эти тексты представляют собой перевод на коптский (египетский язык I тыс.) еще более древних книг, написанных, как и Новый Завет, на греческом языке. Он отметил, что они принадлежат к тому типу раннего христианства, которое известно как гностическое — термин, который, как уже говорилось, происходит от греческого слова «гносис» — «знание», поскольку гностики особое внимание обращали на познание Бога в себе, в своем собственном сердце и душе, а не обращение к нему через посредство священнослужителей. Они верили, что познание собственного сердца и духа есть существенная часть процесса единения с Богом. Как пишет Элен Пагельс: «Ортодоксальные евреи и христиане утверждают, что пропасть отделяет человечество от его Создателя: Бог совсем иной. Но некоторые из тех, кто писал эти Евангелия, противостоят этому утверждению, говоря: самопознание есть познание Бога, эго и божественное идентичны»⁸.

Профессор Квиспел утверждает, что, хотя тексты Евангелия от Фомы усиливают и пополняют учение Нового Завета, в них присутствует и некий тревожащий —

и сенсационный аспект: информация, которая, несомненно, заставит многих христиан нахмуриться. Хотя обычные верующие могут приобрести книгу Пагельс и некоторых других авторов на эту тему, вряд ли это поощряется их духовными наставниками. Следует отметить, что подавляющее большинство христиан имеют весьма смутное представление об их существовании. Разумеется, невежество в отношении утраченных Евангелий всячески поощряется верхами, поскольку их содержание ставит под сомнение истинность некоторых фундаментальных положений Нового Завета. Имеются среди них и материалы подрывного характера, во всяком случае, в отношении характера связи Иисуса с Марией Магдалиной. Власти, конечно, были правы с самого начала — со своей точки зрения — ни малейшего намека пастве на эти книги, поскольку века воспитания могут пропасть даром за то краткое время, которое понадобится, чтобы прочесть, например, такой отрывок из Евангелия от Фомы:

«...компаньонкой Спасителя была Мария Магдалина. Иисус любил ее больше, чем всех учеников, и обычно часто целовал ее в уста. Остальные ученики были оскорблены... Они сказали ему: «Почему ты любишь ее больше, чем всех нас?» Спаситель ответил и сказал им: «Почему я не люблю вас так, как я люблю ее?»^{9*}

---

* Автор книги здесь ошибается. Приведенный стих не из Евангелия от Фомы, а из Евангелия от Филиппа (55). Приводим перевод этого стиха; утраченные в оригинале слова, замененные предположительными словами, заключены в квадратные скобки: «55. София, которая называется бесплодной, — мать ангелов. И спутница [Сына — это Мария] Магдалина. [Господь любил Марию] более [всех] учеников, и он [часто] лобзал ее [уста]. Остальные [ученики, видя] его [любящим] Марию, сказали ему: Почему ты любишь ее более всех нас? Спаситель ответил им, он сказал им: Почему не люблю я вас, как ее?» — *Трофимова М.К.* Историко-философские вопросы гностицизма. (Наг-Хаммади, II, сочинения 2, 3, 6, 7). М., Наука, 1979, с. 177. (*Прим. ред.*)

Не таким уже и несерьезным было бы предположение, что ответ Иисуса следует произносить с интонацией неверия в наивность своих учеников, с особым упором на слова «Почему я не люблю вас так, как я люблю ее?» Хотя некоторые комментаторы попытались объяснить эту фразу как отражение сложившегося стиля общения между гностиками — для их встреч были характерны объятия и дружеские поцелуи, — все же следует заметить, что это не применимо в случае Марии Магдалины и Иисуса. Есть явные доказательства того, что их отношения не были платоническими — во что столь страстно верили катары и обреченные жители Безье. Слово в оригинале, переведенное как «компаньонка» в этом отрывке подтверждает это. Это греческое слово «κοινωνος», которое означает «супруг/а» или «компаньон/ка сексуального характера», интимный партнер — причем, помимо прочего, и в том смысле, что делит с любовником/цей самые сокровенные мысли, а не просто близкий друг. Если ученики и мужского, и женского пола просто любили объятия, то ревность мужчин трудно понять, но если ученики, такие как Симон Петр, верили, что должны входить во внутренний круг Иисуса — как в то верят все христиане, — в таком случае тот факт, что их учитель проводит время с женщиной, должен был быть унижением для них — и это объясняет все. Они выразили свою обиду, считая, что подобное положение наносит ущерб их миссии. Вдумайтесь, и вы буквально услышите, как они спрашивают: «Кто эта женщина, что знает все секреты нашего Господа и всегда пребывает с ним, день и ночь?»

Всего лишь из одного отрывка гностического Евангелия можно понять странное неприятие Марии Магдалины в канонических текстах. Возникает неприятное подозрение, что если слова из Евангелия от Фомы основаны на факте и Мария на самом деле была постоянной

интимной спутницей Иисуса, то Отцы Церкви намеренно выставили ее кающейся проституткой, не обращая внимания на то, насколько это оскорбительно по отношению как к ее памяти, так и к самому Иисусу. Образ сильного Иисуса был весьма полезен для них, но сильная, умная женщина при нем должна была быть выведена за скобки: слишком сильно она умаляла их роль.

Осуждение еретиков

Хотя тексты Наг-Хаммади были найдены только в 1945 году, в начале христианской эры таких текстов было много, и все они были объявлены Отцами Церкви еретическими в середине II века.

Приблизительно в 180 году епископ Лиона Иринеи написал гневную пятитомную проповедь с нападками на эти книги, обещая, что: «...выставит напоказ мнение тех, кто теперь учит ереси... покажет, насколько абсурдны и несостоятельны их заявления, не соответствующие истине... Я сделаю это так... что вы сможете уговорить всех тех, с кем связаны, бежать от этой пучины сумасшествия и ношения Христа»¹⁰.

Элен Пагельс указывает, что «особо он разоблачает знаменитое «Евангелие истины» как полное богохульство»¹¹, и спрашивает: «Не пишет ли Иринеи о том самом «Евангелии истины», что было найдено в Наг-Хаммади»¹². Была ли находка 1945 года копией рукописи, которая имела широкое хождение в христианском мире в первые века первого тысячелетия, а может быть, даже оригиналом, спрятанным еретиками из опасения, что их священные книги будут уничтожены тем же пламенем, которое пожирало их плоть? В принципе это особого значения не имеет, поскольку один из вариантов такой

рукописи был известен со II века, даже тогда вызывая такую же реакцию церковных ортодоксов, что и сейчас.

Проблема Церкви и веками длящегося сговора для создания собственного образа Иисуса заключается в том, что никто не знает, сколько гностических Евангелий имеется в мире и когда материалы особой разрушительной силы появятся на сцене, подобно привидению на балу. И хотя многие из этих Евангелий сохранились только во фрагментах или же написаны в стиле причудливом и непроницаемо туманном, многие имеют право на равную с Евангелиями Нового Завета аутентичность — какова бы она ни была, — хотя, как правило, под этим подразумевается, что они были созданы во времена и в местах, достаточно близких ко времени и месту миссии Иисуса и придерживаются достаточно серьезного стиля, подобного евангельскому.

Однако есть и различия. Новозаветные Евангелия имеют тенденцию к более или менее хронологически упорядоченному рассказу о жизни Иисуса, с изложением его учения через притчи и описание сотворенных им чудес. Гностические Евангелия в большей степени озабочены духовным посланием, знанием, предназначенным для «внутреннего круга», зачастую тайным, и вопросами усовершенствования души человеческой. Новый Завет проповедует открытое христианство без секретов и тайн (хотя и имеются намеки на частные ритуалы в Вифании, во всяком случае, различные святые и мистики за годы толкования привнесли такие элементы). Гностический вариант получившей широкое признания религии, в сущности своей, основан на серии посвящений, на оккультной иерархии, концепция которой заключается в том, что величайшие секреты поверяются только тем, кто доказал, что достоин их, — как в более поздней катарской религии. Религия Нового Завета, в основном экзотерическая, религия для масс, а гностики оберегали эзотерическую

природу своей веры и относительную исключительность посвященных. Обе группы, разумеется, верили, что они единственные, кто следуют истинному учению Иисуса, что, как это ни парадоксально, было и в том и в другом случае правдой. Взятые вместе канонические и гностические Евангелия соответствуют публично проповедовавшемуся и тайному учению Иисуса. В «запрещенных» текстах особый упор делается на тайном посвящении в своего рода школу таинств, которое было связано с каким-то сексуальным обрядом. В любом случае, то, что делало Магдалину выдающейся фигурой, должно было быть подавлено.

Есть еще одно принципиальное различие между двумя системами: библейская религия, будучи по происхождению еврейской, отличается доминированием мужского начала, и, следовательно, религией победившей, а более космополитическая гностическая — многие были египтянами или африканцами — была эгалитарной с женщинами в роли проповедниц, пророчиц и даже крестительниц¹³. (Многие из них славились своими пророчествами, говорили страстно и цветисто, когда в них вселялся дух, приблизительно так, как говорят сегодняшние проповедники-евангелисты. Обычная Церковь была немало этим раздражена, в чем ей можно только посочувствовать.) Отец Церкви и теолог Тертуллиан, который поставил перед собой задачу вернуть африканских гностиков на прямой и узкий путь ортодоксального христианства, писал: «Эти самые женщины еретиков, как тщеславны они! Ведь они достаточно храбры, чтобы учить, спорить, совершать обряд изгнания бесов, лечить — и даже крестить»¹⁴. Две системы могли с переменным успехом вести спор о многих различиях в догме, при этом и отступать, и добиваться уступок, но вопрос о женщинах-священниках был абсолютно принципиальным, поскольку содержал в себе угрозу расцветающей Римской церкви — и до сих пор таким остается.

Причина такой открытости гностиков по отношению к женщинам заключалась в том, что, в целом, еретики были склонны верить как в женскую, так и в мужскую божественность (хотя здесь следует быть осторожным, потому что некоторые гностики были столь же яростно настроены против женщин, как и основная Церковь). Элен Пагельс пишет:

«...несколько групп гностиков считали божественную Мать частью супружеской пары. Валентин, учитель и поэт, начинает с предисловия, что Бога в силу сути его описать невозможно. Но он вообразил себе божественное как диаду (двойственность), состоящую, с одной стороны, из Невыразимого, Бездны, Первоотца, а с другой — из Добродетели, Молчания, Матки и «Матери всего»¹⁵.

Она продолжает: «Валентин считал, что Молчание есть уместное дополнение Отца, будучи женского рода, а Отец — мужского на основе рода соответствующих слов в греческом языке». Но корень здесь, конечно, гораздо глубже, чем только грамматика: «Он описывает дальше, как Молчание принимает, как в матку, семя невыразимого Источника, отсюда она приносит всю эманацию божественных существ, сгруппированных в гармоничных парах мужской и женской энергии»¹⁶.

Хотя гностики создали фантастически сложную и странную космологию и иерархию ангелов — что регулярно подвергалось высмеиванию, поскольку, когда гностики говорили глупости, это были запредельные глупости, но была в них какая-то простота. Веря, что они получили мандат от самого Иисуса, они старались сохранить духовное равенство женщин, зачастую открыто в пику ранней Римской церкви.

Гностики (сознательно или нет) поддерживали женское начала — видимо, превозносили те качества, которые больше ассоциируются с женщинами, чем с мужчинами. Великий психоаналитик Карл Густав Юнг верил, что это имело большое значение, поскольку они выражали «другую сторону ума», поощряя спонтанные и эмоциональные реакции на жизненные ситуации, которые традиционные христиане старались подавить.

В недавно обработанном тексте Наг-Хаммади «Trimorphic Protennoia» (Тройная формулировка Первичной мысли), божественная женская фигура говорит:

«Я голос. Это я, кто говорит с каждым созданием... Теперь я пришла второй раз в облике женском и говорила с ними... Я выявила себя в мысли о подобии моего мужского начала.

[...]

Я двуполая. Я и Мать, и Отец, поскольку я совокупляюсь сама с собой... и с теми, кто любит меня... Я Матка, которая придает форму всему... Я Мейротея, слава Матери»¹⁷.

По двум причинам кажется странным, что произвело такой фурор¹⁸ недавнее принятие в некоторых английских конгрегациях правила использования «полного языка», что подразумевает, например, такую молитву: «Святой Дух будет находиться среди нас и мы можем распознать Ее присутствие и работать вместе с Ней»: первое, это вряд ли можно назвать новым подходом, поскольку гностики использовали «полный» язык почти 2000 лет назад, и, кроме того, Святой Дух должен быть женского рода — как мы увидим далее.

Многие из гностических текстов, строго говоря, не являются Евангелиями, но поэмами и гимнами — даже

магическими заклинаниями: все они в своем уникальном стиле являются выражением глубочайших эмоций и духовности, прочувствованных сердцем. Одна из поэм «Совершенное сознание»¹⁹ содержит странно волнующую декларацию женской силы:

«Я первая и последняя. Меня чествуют и презирают. Я проститутка и святая. Я жена и девственница. Я (мать) и дочь. Меня зовут Софией (мудростью) греки и Гносисом (знанием) иностранцы. Я та, чей образ велик в Египте, и я та, образа которой нет у иностранцев. Я есть она, чья свадьба грандиозна, и я не взяла себе мужа... Я знание и невежество... Я бесстыдна; Я стыдлива. Я сила, и я страх... Я глупа, и я мудра... я безбожна, и я та, чей Бог велик»²⁰.

Здесь выражена вся парадоксальная натура Первичной богини и суть самой эмоции, это праздник иррационального и противоречивого и приглашение к интеллектуально невозможному, как в дорогу к Богу. Здесь имеется также заявление о важности женского в Египте — «Я та, чей образ велик в Египте, и я та, образа которой нет у иностранцев». В Египте концепция могущественной женщины процветала как нигде в мире того времени, — но, как всегда, среди людей обеспеченных. Была ли она из Таричеи, Магнолума или еще из какого-то более далекого города, но независимая Магдалина, привыкшая к египетской открытости, должна была испытывать огромные трудности с ограниченными и реакционными галилеянами.

Гностики использовали парадоксальную метафору в виде одного из наиболее неприятных символов — физическую форму гермафродита, имеющего оба набора сексуальных особенностей в одном теле, представляя божественный

союз Бога с посвященным, а также соединение в одной личности разделенных «я» — равных, но противоположных полов. Гермафродит для гностиков и для других еретических групп, таких как более серьезные и мистические лажимики, представлял собой не более и не менее как человеческое совершенство. Разве это совпадение, что ум Леонардо не оставляли гермафродиты и его блокнот наполнен соответствующими зарисовками? Как мы убедимся по едва прикрытым образам и символам картин, Леонардо да Винчи не испытывал по отношению к Святому семейству ничего, кроме презрения, избрав объектом особенно злобных нападков Деву Марию — однако, как кажется, с великим уважением относился к Марии Магдалине и Иоанну Крестителю. Возможно, Леонардо имел доступ к каким-то древним гностическим текстам или, по меньшей мере, к тайным преданиям (хотя, несомненно, постарался навести на них собственный глянец). Интересно, что на плакате французских розенкрейцеров Леонардо изображен как «Хранитель Грааля», то есть хранитель священных тайн еретиков. Что знал Леонардо о наследии гностиков? Как он узнал, что Мария Магдалина была не просто «κοινωνος» Иисуса — кстати, слово мужского рода — но также и его «правой рукой»? Вопрос связан с собственной силой Марии Магдалины и подразумевает вероятность того, что великие — и подлинные — секреты выжили в Европе в еретическом подполье.

Женщины и обряд крещения

Но кто и как подал еретикам идею, что женщины могут быть проповедницами и крестителями? Напрасно вы будете искать намеки на это в Новом Завете, который только усиливает иудаистский культурный и религиозный взгляд

на место женщины в жизни общества. Карен Армстронг пишет о иудаистских законах о чистоте в своей книге «Конец молчания: женщины и сан священника» (1993):

«Если доводить анализ до логических выводов, эти законы о чистоте практически выводят женщин за пределы еврейского народа. Это великолепно иллюстрирует Храм, который был завершен во время Христа. Храм определял различные градации святости в виде ряда concentрических кругов. В центре была Святая Святых, куда мог входить только первосвященник один раз в год в День Искупления. Перед Храмом был двор священников, куда не было доступа простым людям. Его окружал двор для всех остальных иудеев, далее шел двор женщин, а за ним место для гоев — неевреев. Во время менструации или ритуальной нечистоты после рождения ребенка женщине не позволялось входить в женский двор, и она официально оказывалась в той же категории, что гои»²¹.

Иудаистские предрассудки в отношении участия женщин в религиозной деятельности нашли четкое отражение в письмах Нового Завета, написанных Савлом из Тарсиса, позднее ставшим Павлом, где — характерная особенность отсутствия биографических подробностей жизни Иисуса — никогда не упоминается Мария Магдалина или его явление ей в саду после воскресения. Павел делает все возможное, чтобы утвердить мужское главенство, говоря:

«...Христос умер за грехи наши, по Писанию. Он погребен был... и воскрес на третий день, по Писанию... явился Кифе, а затем Двенадцати. Потом явился более нежели пятистам братьев в одно время... потом явился Иакову, также всем Апостолам...»²²

Отметьте тщательно подобранное слово «братий» — согласно Павлу, ни одна женщина не видела воскресшего Христа, а подразумевалось, что «все Апостолы» просто означает мужчин — что еще это могло значить, поскольку всем известно, что все апостолы были мужчины? Хотя даже теперь многие христиане возражают против причисления Марии Магдалины и других женщин, таких как Иоанна и Саломия, к основной массе «учеников», согласно гностическим Евангелиям она была не просто ученицей, но лидером апостолов. Гностические еретики часто называют ее «апостолом апостолов» (*Apostola Apostolorum*) и даже с большей точностью «первым апостолом», веря, что именно Иисус присвоил ей этот титул. Более того, согласно текстам Наг-Хаммади и другим гностическим источникам, он пошел дальше, называя ее «Все» и «Женщина, которая знает Все», что подкрепляет утверждение, что она одна из всех последователей, мужчин и женщин, знала его тайны. Не случайно великая египетская богиня любви Исида была известна под именем «Все».

Книги были спрятаны в Наг-Хаммади в IV веке, когда отношения между победоносной Римской церковью и «еретическими» гностиками стали опасно враждебными. Вскоре гностики были до такой степени оттеснены, что их вера и писания высмеивались как глупость, а сами они либо принимали жертвенную смерть (судьба, которой гностики, в отличие от христиан, себе не желали, поскольку считали жизнь даром Бога, а стремление к смерти рассматривали как грех), либо исповедовали свою религию втайне.

Но что сделало гностиков такой серьезной угрозой Римской церкви и почему сегодня их давно утраченные писания обычно игнорируются в проповедях, семинариках и на дискуссиях о Библии?

Ожесточенная вражда

Один из гностических текстов, который стал достоянием обществу задолго до находки 1945 года в Наг-Хаммади, был известен под названием «Пистис София», или «Мудрость веры». Он был куплен Британским музеем в 1785 году. Рукопись выглядела как работа двух разных авторов, один из которых имел отличный почерк с тщательно выписанными буквами, а другой писал дрожащей старческой рукой²³. В этой книге Иисус возвращается через двенадцать лет после своего вознесения на небеса и собирает своих ближайших учеников, чтобы обменяться взглядами на свое учение. Духовную мудрость олицетворяет «София», и ее сложные духовные поиски — всегда в стремлении к «Свету» совершенства — составляют главную тему продолжительных наставлений по вопросам веры Иисуса и вопросов его учеников. Хотя текст в основном посвящен любимой теме гностиков «Мистерии» и сложной реальности небес и ада, что делает ее почти нечитаемой, «Пистис София», тем не менее, остается важной книгой, поскольку дает совершенно иную картину взаимоотношений Иисуса и Марии Магдалины по сравнению с традиционной.

«Пистис София» показывает, как Магдалина — вместе с другими женщинами, такими как ученица Саломия, — постоянно выступает и отвечает на вопросы Иисуса с огромным энтузиазмом, умно и часто имеет отчетливое превосходство над оппонентом. Это не очень нравится мужчинам. Складывается картина, что Магдалина и ее сестры по «свету» оттирают учеников, подобных Симону Петру, из первых рядов, как это делают дети, привлекая внимание учителя. В шестой книге «Пистис София» Петр говорит: «Господь мой, пусть женщины перестанут задавать вопросы, чтобы и мы могли задать вопросы», на что Иисус отвечает приказом, обращенным

и женщинам, позволить и мужчинам высказаться, но ему в голову не пришло запретить им говорить вообще.

Неудивительно, что постоянный триумф женщин раздражал мужчин: Филипп, который был писцом, заносившим на бумагу вопросы и ответы, жалуется, что его обязанности не дают ему возможности активно участвовать в беседе, в то время как Магдалина всегда в центре внимания. (Иисус тут же позволил ему говорить.) Вся книга, как перцем, пересыпана фразой «и Мария снова продолжала...». Петр, в частности, был возбужден, раздражен до крайности ее успехами и сказал: «Господь мой, мы не можем далее терпеть эту женщину, потому что она все время перехватывает у нас инициативу и никому не дает говорить, но сама выступает много раз»²⁴.

В пятой книге «Пистис София» приведен небольшой разговор между Иисусом и Марией, в котором она открыто намекает, что понимает его учение лучше остальных:

«Мария сказала: «Я плохо себя веду, задавая тебе вопросы. Но не сердись на меня, если я буду спрашивать обо всем».

Иисус сказал: «Спрашивай, что хочешь».

Мария сказала: «Мой Господь открыл нам... что и наши братья могут понять это».

Налет снисходительности в ее словах должен показать, что у нее с Иисусом общие секреты, а ее участие в беседе вместе с другими — дань условности, чтобы она могла притвориться всего лишь одной из учениц, столь же невежественной, как и другие.

То, что в сюжете книги дан не просто мимолетный вычок мужскому эго, можно понять из другого отрывка из «Пистис София», где описано, как Магдалина выступает после поучений Иисуса, говоря:

«Господь мой, ум мой понимает, и каждый раз я могу выйти и истолковать слова, что сказал ты, но я боюсь Петра, потому что он угрожал мне и ненавидит наш пол»²⁵.

Эта поразительно живая сцена кажется правдивой, как будто острая ненависть, с которой Петр относился к Марии Магдалине, была столь хорошо известна, что пережила века, даже в том случае, если большая часть остального текста, вероятно, фантазия, состряпанная через много лет после миссии Иисуса. Исходя из этого, вполне обоснованно можно предположить, что любой диалог точно так же будет плодом воображения — скорее всего, сладкой картинкой просветленных учеников Иисуса. Но здесь другой случай: авторы, видимо, свободно обращались со словами Иисуса (почти наверняка в своих собственных интересах), но вражда Магдалины и Симона Петра была слишком хорошо известным фактом, чтобы игнорировать ее или подать в другом свете. Здесь нет банальностей, но есть поразительная сцена реальных напряженных отношений, которые смягчались — только временно — вмешательством Иисуса. (Например, словами, что каждый, «кто полон духом света», имеет равную возможность высказаться.)

Может быть, самым важным элементом жалобы Магдалины Иисусу на Петра было не то, что он ненавидит всех женщин (хотя последствия этого были ужасны, когда Римская церковь начала реализовывать свое женоненавистничество), но его угрозы реальной физической расправы. Помимо того, что во всем этом нет и следа христианской любви и доброй воли, угрозы показывают, сколь хрупкой была ее личная безопасность: она оставалась защищенной, только пока рядом был Иисус. И это кажется слишком сильной реакцией на ее успехи в привлечении внимания Учителя. Ясно, что есть какой-то другой фактор, который сделал ее предметом ненависти

Симона Петра — кто, судя по описаниям и Нового Завета, и гностических Евангелий, был человеком скучным, вспыльчивым и задиристым. Слово «щенок» по отношению к нему вырвалось явно не случайно. В гностических Евангелиях рассказывается, как его постоянное непонимание заставило его раздраженного Учителя, по меньшей мере, один раз остро осадить его. Иисуса просто вывела из себя неспособность Петра понять суть сказанного.

Неприязнь между Магдалиной и Симоном получила отражение и в гностической Евангелии от Магдалины, где она остро реагирует на его предположение, что она придумала явление Иисуса. Там говорится:

«Тогда Мария заплакала и ответила ему: «Мой брат Петр, как ты можешь так думать? Ты веришь, что это всего лишь мое воображение, что я придумала Его явление? Или ты веришь, что я могу лгать о нашем Учителе?» После этого вступил Левий: «Петр, ты всегда был вспыльчив, и теперь мы видим, что ты отвергаешь слова женщины, точно так, как это делают наши враги. А если Учитель считал ее достойной, то кто ты такой, чтобы не признавать ее? Учитель, конечно, знал ее очень хорошо, потому что любил ее больше, чем нас... Давай будет совершенствоваться, как требовал того от нас Учитель, и пойдем по свету распространять Евангелие, не пытаясь изобретать новых правил и законов, следуя тем, что были при Нем»²⁶.

В Евангелии от Магдалины дана также памятная сцена, когда она вдохнула жизнь в угнетенных и полных страха учеников после того, как Иисус вознесся. Там говорится:

«Ученики были в горе, проливая слезы и говоря: «Как мы теперь пойдем среди неверующих и объявим Евангелие Царства Сына Человеческого? Они не пощадили

Его и лишили жизни, почему же они должны щадить наши?» Тогда встала Мария, обняла их всех и начала говорит братьям: «Оставьте горе и сомнения, Его милость да направит вас и утешит вас. Давайте вместо этого восславим Его величие, потому что Он готовил нас к этому. Он призывал нас стать полностью человеческими». Такими словами Мария повернула их сердца к Добру, и они начали обсуждать смысл слов Учителя»²⁷.

Евангелие от Марии Магдалины, в отличие от многих других гностических текстов, написано понятным и превосходным языком и содержит много сложных, но в то же время легко понимаемых понятий учения, таких как ответ учителя на вопрос ученика о том, будет ли жить вечно то, что состоит из физической материи: «Все, что рождено, все, что создано, все элементы природы переплетены и существуют в единстве между собой. Все, что сложено, должно разложиться; все вернется к корням своим; материя вернется к источнику материи. Имеющий уши да слышит».

На вопрос Петра о природе «мирового греха» Учитель отвечает: «Греха нет. Это ты, кто дает греху жизнь, когда действуешь согласно своей порочной натуре; вот где лежит грех... Вот почему ты болеешь и почему ты умираешь: это результат твоих действий; то, что ты делаешь, уводит тебя далеко (от Царства Сына Человеческого)»²⁸.

Это очень близко соответствует современным воззрениям, является прообразом того, на чем настаивают современные сторонники глобального подхода к здоровью (и все в большей степени многие ведущие доктора), а именно, негативные мысли и плохие привычки (что равно «греху» и «порочной натуре») могут реально привести к болезни ума и тела. (Это прозвучит как музыка

и для уха членов протестантской секты «Христианская Наука», которые верят, что причиной всех болезней и даже смерти является «ошибка».)

Конечно, не все гностические свитки обладают такой замечательной ясностью понятий: надо заметить, что большая часть текста «Пистис София» — совершенно непонятная болтовня, которая, возможно, образовалась при переводе или была понятна только другим гностикам того времени и места. (Не исключено, что некоторые стихи были зашифрованы, например, то место, где Иисус дает «слова силы», которыми можно избавиться от боли при пытке, — к сожалению, эта магическая формула представляет собой только бессмысленную цепочку букв. Возможно, что-то подобное использовали египтяне — в этом случае, к счастью, с реальным воздействием.) Но «Пистис София», несмотря на общую тенденцию к замысловатости, которая для современного читателя временами выглядит смешно, все же имеет несколько истинных жемчужин, таких, как очень простое высказывание Иисуса: «Мария, благословенная, тебя я посвятил во все тайны, научил открытости, сердце твое поднялось к Царству Небесному более, чем у всей твоей братии»²⁹.

Позднее в том же тексте Он заявляет: «Где буду я, там будут мои Двенадцать. Но Мария Магдалина и Иоанн, девственник (Возлюбленный Иоанн или Лазарь), будут позышаться над всеми моими учениками и над всеми людьми, кто получит тайны Мои... И они будут справа от Меня и слева. И Я есть они, и они есть Я»³⁰.

Если Иисус действительно объявил о старшинстве Марии и юноши Иоанна в группе — а все, взятое вместе, свидетельствует об этом, — то вы можете вообразить отношение к этому грубых галилеян, которых нелегко было договорить уступить первенство женщине. Особо это касается Магдалины, которая кажется рассеянно забывчивой по отношению к чувствам других, хотя, возможно,

были и другие причины для неприязни. Текст, где говорится об учении, часто оказывается непомерно тяжелым для современного читателя — в некоторых местах кажется даже совершенно нелепым — но как только начинают говорить отдельные люди, выявляя свой характер, текст становится простым и понятным.

Код гермафродита

Знание о внутренних распрях в кругу приближенных к Иисусу людей, видимо, было общим достоянием в гностической общине, поскольку подобные пассажи встречаются и в других утраченных Евангелиях. Враждебность Симона Петра к Магдалине — и к женщинам вообще — отражена также и в Евангелии от Фомы в таких словах Симона Петра, обращенных к Иисусу: «Пусть Мария оставит нас, поскольку женщины недостойны жизни». Для современного глаза это выглядит открытым проявлением крайнего, бесстыдного женоненавистничества, но, возможно, еще более тревожным является ответ Иисуса, который, на первый взгляд, одобрил ненависть Петра к женщинам, сказав, что Магдалина должна «стать мужского пола», чтобы быть «живым духом, подобным вам, мужчинам. Поскольку каждая женщина, которая сделает себя мужчиной, войдет в Царствие Небесное»³¹. Элен Пагельс толкует эти слова не как укор Иисуса лично Магдалине (создается впечатление, что даже Он не рисковал открыто критиковать Марию Великолепную), но как взгляд на сексуальность вообще³². Она может быть права — несомненно, гностики, такие как катары, часто имели жестко пуританский подход к сексу (по меньшей мере, в теории), но есть свидетельства, которые мы приведем в последней главе, что и Иисус, и Иоанн Креститель смотрели на вещи по-разному: для них священный сексуальный

жстаз был категорией совершенно отдельной от обычного распутства.

В любом случае более современное толкование слов Иисуса следующее: Он наделяет женщин силой мужской через медитацию Света. Знаменательно, что несколько египетских богинь, в частности Исида, изображались иногда с бородой, смысл такого символа в том, что, поскольку мужчины сильные, а женщины слабые, то мужская характерная черта автоматически одарит женщину большей силой.

Эта концепция сплава мужского и женского начал встречается и в других тайных религиях. Несколько групп еретиков, в частности тамплиеры, и более серьезные алхимики были зачарованы символизмом гермафродита, человеческого существа с полностью развитыми первичными и вторичными половыми признаками и того, и другого пола. Как мы видели, Леонардо тоже привлекали гермафродиты — он сделал очень много зарисовок их в различных состояниях очевидного возбуждения³³ и, конечно, нельзя не упомянуть его гибрид из Марии Магдалины и святого Иоанна на картине «Тайная вечеря», который может быть связан с такой символикой. Хотя, скорее всего, для него это была глубокая духовная символика, есть в его работах аромат любовно созданной, прежде всего личной, порнографии. Леонардо всегда оставлял себе последнюю каплю личного удовлетворения во всех своих художественных работах.

Он также сделал маленький рисунок, названный «Ведьма с зеркалом», на котором изображена молодая, красивая ведьма, любующаяся собой в ручном зеркальце, но затылок ее имеет формы старика (вероятно, самого Леонардо). Здесь не только сочетание полов, но также и разных возрастных групп, дающее парадоксальный эффект — в едином сплавлены мужской и женский пол, молодость и старость.

Возможно, это сделано для того, чтобы, как в волшебстве колдуньи, создать иллюзию двойственного образа. Подобные типажи можно найти в символике алхимиков, где — в некоторых отношениях подобно катарскому *perfecti* — алхимик в итоге «Великой работы» сплавляет оба пола и смертность в нечто божественное и иное. Но все же остающееся по эту сторону ворот смерти.

Магия, ересь и алхимия процветали в тех областях Франции, где прожили обреченные катары свои короткие, но интенсивные жизни — и это также те самые места, куда, как утверждают, отправилась Магдалина после распятия Учителя и прожила там остаток своей жизни. Какие секреты еще можно обнаружить в малопосещаемых районах юга Франции, где, как верят многие, жила и умерла историческая Магдалина?

МАГДАЛИНА И ФРАНЦИЯ

Есть несколько легенд о путешествии во Францию (или Галлию как она тогда называлась), куда Мария Магдалина отправилась после распятия вместе с большим количеством людей, включая чернокожую служанку по имени Сара, Марию Саломию и Марию Иакова, якобы тетку Иисуса, а также Иосифа Аримафейского, богача, которому принадлежала гробница, в которую положили Иисуса перед воскрешением, и святого Максимиана (Максимуса), одного из семидесяти двух наиболее близких к Иисусу учеников, первого епископа Прованса.

Хотя подробности приводят разные, в целом складывается впечатление, что Магдалина с приближенными была вынуждена бежать из Палестины в ужасных условиях: лодка, не имевшая руля, весел и парусов, протекала, что, как полагают, было устроено намеренно какой-то фракцией у них на родине. Даже принимая во внимание неизбежные преувеличения при распространении мифа — вряд ли лодка была в столь плачевном состоянии, — раздор в отношениях между Симоном Петром и Марией, судя по каноническим Евангелиям, достиг такого накала, что не трудно догадаться, кто был, по меньшей мере, одним из инициаторов, желавших, чтобы Мария и ее спутники отправились прямо на дно моря. В свете рассказа о протекающей лодке уместно вспомнить слова Марии из «Пистис София»: «Я боюсь Петра, поскольку он угрожал мне и ненавидит женщин»¹. Но кто бы ни желал их смерти, они чудесным образом выжили и высадились на диком побережье, там, где сейчас находится Прованс, хотя в те дни это была совсем не тихая заводь, как могут вообразить многие.

В начале I века Прованс был процветающей провинцией Римской империи, где наслаждались всеми благами цивилизации. Судьба сделала это место столь прекрасным и располагающим, что там образовалась колония зажиточных экспатриантов из Иудеи — даже Ирод имел здесь поместье. Может быть, и у богатой и независимой Магдалины была здесь какая-то собственность. Видимо, в те времена здесь было нечто подобное современным летним домам на Майорке, и, разумеется, в самом Провансе. Привлекательность этих мест за прошедшие тысячелетия не потускнела.

В предании говорится, что они высадились (несомненно с облегчением после того, как несколько недель провели в море) там, где теперь стоит город Сен-Мари-де-Ла-Мер в Камарге, на болотах дельты Роны. Три Марии — Магдалина, Мария Иакова и Мария Саломия — святые величайшего почитания в огромном храме, который возвышается, как корабль под всеми парусами, среди окружающих болот. В ее склепе есть алтарь, посвященный Саре Египтянке, предположительно, чернокожей служанке Магдалины, которая теперь стала любимой святой цыган, съезжающихся в город на ее ежегодный праздник 25 мая.

В окружении тысяч преданных поклонников статую Сары проносят к морю, где окунают в воду. Поскольку в Средние века считалось, что цыгане — выходцы из Египта, для них было естественным почитание девушки египетского происхождения. Цвет ее кожи и тот факт, что Египет был известен под названием «Хем» — «Черная страна», возможно, является знаменательным совпадением. По аналогии с Новым Заветом, где одна женщина разделена на три личности — Магдалину, Марию из Вифании и неназванную грешницу, — не исключено, что три женщины в протекающей лодке тоже есть всего лишь разные аспекты одной женщины...² Тем временем

Магдалина, как рассказывают, вела жизнь кающейся отшельницы — нагая, прикрытая только массой спутанных волос — в течение библейских сорока лет в пещере Сен-Баум («святого бальзама» — намек на ее кувшинчик с миром). К сожалению, эта часть предания представляет собой подчищенный вариант легенды V века о Марии Египетской, исправившейся проститутке, которая стала отшельницей в пустыне Святой земли на сорок семь лет: она, будучи довольно практичной женщиной, оплатила свое путешествие, оказывая интимные услуги морякам, что — поразительно! — приблизило ее к Богу. Но снова, легенда о Марии Египетской может содержать некоторые данные об истинном характере Марии Магдалины, которая оказалась закрытой для масс, вероятно, даже для еретиков.

Языческая женская обитель

Как бы там ни было, пещера Марии в Сен-Бауме, должно быть, была довольно людным местом, поскольку была центром поклонения богине Диане Люцифере — Диане, Приносящей Свет, или *Illuminatrix*. Вряд ли Мария Магдалина сделала своей резиденцией эту пещеру (даже хранитель католического храма в этом месте признает, что она здесь никогда не была). Тем не менее, интересно, что в наиболее знаменитом тексте, посвященном Магдалине, а именно в труде архиепископа Генуи, доминиканца Накова де Воргейна, «Золотая легенда» (1250 г.)³ говорится о ней с перечислением тех же самых титулов, которые присущи языческой богине Диане: *Illuminata* и *Illuminatrix* — просвещенная и несущая свет. И гностики заявляют, что она была Мария Люцифера — Несущая Свет, титул величайшей почести, которую они могли оказать.

Кажется, она имела много общего с этой языческой богиней: когда она молилась на ступенях храма Дианы в Марселе, со стороны жриц никаких возражений не было. Ясно, что никаких поползновений по превращению Магдалины в христианскую мученицу не было и ей даже никто не угрожал. Более того, опасность для нее исходила от правой руки Иисуса — Петра, а не от язычников юга Франции. Никто ее не трогал, несмотря на то что она, как утверждают, проповедовала против поклонения идолам (но, что знаменательно, не против языческих богинь). Возможно, она нашла своих поклонниц среди женщин-язычниц.

Хотя считается, что послание Магдалины было неотлично от сказанного в Новом Завете, есть основания полагать, как вы увидите далее, что это было не так. Мы можем даже высказать догадку, что она крестила новообращенных — возможно, в одной и многочисленных речушек Прованса и Лангедока, что носят ее имя, как, например, *La Source Madeleine* (Ручей Магдалины). Теперь, когда она была свободна от угнетающего воздействия Симона Петра и находилась в компании родственников по духу женщин, ничто уже не останавливало ее. И в то время как Петр, Иаков и Павел несли свое послание в большие города Римской империи, апостол апостолов, любовница Иисуса, которую он называл «Женщина, которая знает Все», посвятившая его и помазавшая, ходила в дикой местности юга Франции с глазами, сияющими Его славой, направляя своих сестер к Свету. Вот что могло стать с женщиной, которая знала все тайны миссии Иисуса и Его сердца: хотя она не построила кафедральных соборов, не созывала советов для утверждения непоколебимых догм — все раздвигающей силой своего обаяния и могуществом своей мечты она вдохновила целую цепочку поколений «еретиков», которые ушли в подполье, чтобы уберечь свои секреты

от жестокого внимания Римской церкви, где доминировал Петр.

Вражда, которая началась на уровне отдельных личностей, теперь обрела новое, почти мистическое качество, и два движения: одно — мужское и эзотерическое, и другое женское и экзотерическое, одно — демонизирующее сексуальность, другое — прославляющее его как священнодействие, — оказались по две стороны столь глубокой трещины, что она образовала незаживающий шрам на плоти первоначального движения Иисуса. Какое из них вы бы предпочли? Учитывая все, что мы знаем о «запрещенных» текстах, на этот вопрос нетрудно ответить с большой долей определенности. «Почему бы мне не любить ее, как я люблю тебя?» — скептически сказал Он Петру и всем мужчинам.

Продолжение культа

Нет сомнений, что важный культ неортодоксального, если не прямо еретического, характера, посвященный Марии Магдалине, был распространен в Южной Франции в Средние века. Он был связан с таинственными Черными Мадоннами (о которых мы далее расскажем) и с другими ересями, процветавшими в Лангедоке и Провансе, такими как катарская. Возможно, существовала связь и с тамплиерами, широко распространенными в том же районе, которые (несомненно, под влиянием их патрона Бернара Клервоского) особо почитали Магдалину.

Марии Магдалине на юге Франции и сейчас поклоняются особо, но это уже католический культ святой Марии Магдалины. В данном случае Магдалина соответствует утвержденному Церковью образу кающейся проститутки, образцу для грешниц, которая нуждается в прощении Христа (и Церкви). Даже такой она вызывает

страстную преданность, особенно в Провансе и в официальном центре ее мощей, в Сен-Максимин-Ла-Сен-Баум, что свидетельствует о том, как глубоко она укоренилась в сердцах и умах людей, живущих здесь. Популярность ее католического культа произрастает из того влияния, которое она имела в этом регионе, и из древнего, еретического культа. Существование такого культа столь очевидно, что некоторые исследователи говорят о «Подпольной Церкви Марии Магдалины», которая была распространена на юге Франции. Об этом пишут Ян Бегг («Культ Черной Мадонны»), Энтони Харрис («Священная девственница и святая проститутка») и Петр Редгроув («Черная богиня и Шестое чувство»).

Помимо констатации того факта, что такой культ существовал, был еретическим и не одобрялся Церковью, эти авторы не смогли точно указать, чему он был посвящен, откуда появился именно в этом районе.

Многие комментаторы связывают культ с исторической Марией Магдалиной через основные легенды, такие как легенда де Воргина. Предполагается, что французская «Церковь Магдалины» проповедовала ее собственное учение, может быть, даже учение ее прямых наследников. Но никто не поставил вопрос о характере этого учения и не спросил, почему Церковь столь сильно его боялась.

А также, что было первым? Легенды породили культ и были созданы, чтобы связать его с исторической фигурой, или культ возник на основе движения, основанного или имевшего в качестве центральной фигуры реального человека?

Аналогичный случай — легенды о путешествии Иосифа Аримафейского в Гластонбери. Два предания взаимосвязаны: в некоторых вариантах Магдалина и Иосиф отправляются в путешествие вместе, она остается во Франции, а он продолжает путь до Англии. Обе легенды упоминают о Святом Граале.

Церковь приложила огромные усилия, чтобы подавить культ Магдалины, и они были потрачены не зря: вот почему сейчас, спустя столь долгое время, очень трудно найти данные о ее истинном характере. Однако складывается впечатление, что ее эзотерическое движение уже было устоявшимся во Франции еще до Средневековья, хотя, насколько задолго, сказать трудно.

Каким бы ни был ее культ, он явно не связан с кающейся отшельницей: очень мало аскетического было в группах и отдельных личностях, которые почитали ее. С точностью до наоборот, он породил богатую, полную жизни и толерантную культуру, которая расцвела в раннем Средневековье в Лангедоке — самой просвещенной и культурной части Европы в XI и XII веках. (Лангедок под руководством графа Тулузского был в то время независимым от Франции.) Из-за хищнического опустошения во время Альбигойского крестового похода, в результате которого культура была почти уничтожена, а Лангедок попал под власть короля Франции и малокультурной северной аристократии, данных о золотом веке почти не сохранилось. При всем при этом там сохранилось величайшее уважение к женщине и женственности, зафиксированное в куртуазной любви и эротической поэзии трубадуров, что нашло свое отражение и у их соседей басков, которые поклонялись богине и поддерживали традицию равенства полов, особенно в сексуальных делах.

По какой бы то ни было причине, но лангедокская культура оказалась плодородной почвой для культа, центром которого была Магдалина. Вопрос заключается в том, была ли ее личность взята на вооружение культурой, поскольку она ей подходила, или же поклонение женскому началу было движением, посвященным ей?

Первое, здесь прослеживается связь между катарами и культом Магдалины.

Как мы видели, гностическую доктрину катаров можно проследить до более ранних еретических сект, существовавших на Балканах — за исключением катарских верований, связанных с Марией Магдалиной и ее отношениями с Иисусом. Как утверждают Юрий Стоянов и другие авторы, этот аспект привнесен в результате присутствия таких верований в данном регионе до появления катаров и их ассимиляции. Следовательно, крестовый поход против катаров, который продолжался тридцать пять лет, отчасти был прикрытием для подавления Церкви Марии Магдалины. И ту, и другую ересь выкорчевывали с беспрецедентной свирепостью. Через несколько лет после окончания крестового похода появился самый знаменитый вариант легенды о жизни Магдалины во Франции — «Золотая легенда» де Ворагина, о которой мы упоминали раньше. Знаменательно, что Иаков был доминиканцем, а доминиканцы — это инквизиция. Появление легенды столь скоро после завершения крестового похода явно имело целью отвратить народ от популярных французских преданий о Марии Магдалине, выдвинув в противовес вариант, который в большей степени отвечал церковному образу Магдалины. Отцы Церкви понимали, что с помощью крестового похода ее культ уничтожен как организованная сила, но предания о ней по-прежнему будут циркулировать в еретической субкультуре, поэтому ее имя надо «перехватить». Процесс «недружественного поглощения» ее имени был завершён созданием «официального» культа и центра паломничества в Сен-Максимине-Ла-Сен-Баум, легендарном месте ее смерти. До 1279 года, в канун крестового похода против катаров, Церковь благословила мощи Марии Магдалины в Везелей в Бургундии. Даже этот эпизод связан с югом, поскольку они были доставлены в Везелей графом Руссильонским в IX веке. (Именно из города Везелей Бернар Клервоский призвал ко второму крестовому походу.)

Но в 1279 году под склепом церкви в Сен-Максимине был обнаружен в алебастровом саркофаге скелет — предположительно Марии Магдалины. В документе, найденном в саркофаге, говорилось, что ее тело было перезахоронено здесь 460 лет назад для защиты его от сарацин. (Теперь известно, что документ поддельный — частично потому, что в VIII веке не было вторжения сарацин, но в свое время ему поверили. Естественно, если документ поддельный, то и тело тоже.) Папа официально благословил эти мощи в противовес мощам в Везелей и в 1295 году дал разрешение на постройку базилики, которая будет центром паломничества. От скелета был отделен череп, до сих пор выставленный в базилике. Он ухмыляется из пышного орнамента человеческого тщеславию и эфемерному характеру смертных. Череп под золотой маской и повязкой с блестящими, роскошными блондинистыми волосами ежегодно проносят через весь город в шествии, посвященном Дню Марии Магдалины.

Папа взял базилику под свою прямую юрисдикцию, и не отдал ее, как обычно делалось, в управление местного архиепископа, и заменил бенедиктинцев, которые были здесь, на доминиканцев. То есть культ Магдалины и центр паломничества были поставлены под контроль инквизиции. По этой причине святая Мария Магдалина была назначена покровительницей Ордена доминиканцев (в 1297 г.) и провозглашена «дочерью, сестрой и матерью» Ордена.

Знаменательно, что на месте это распоряжение вызвало такое сопротивление, что с новым доминиканским хозяином, который оправился взять базилику под свой контроль, были посланы солдаты. Ясно, что население Сен-Максимины было недовольно, что храм Магдалины был передан инквизиции. В результате крестового похода во Франции была опубликована одобренная

Церковью версия жизни Магдалины и центр ее культа взят под контроль инквизицией (в которой верховодили доминиканцы). Еретическая церковь была эффективно нейтрализована. Местное население могло продолжать поклоняться Магдалине, но уже только на условиях Церкви, в связи с чем возникают два принципиальных вопроса: что в этом культе так встревожило Церковь? Выжил ли этот еретический культ? Ответ на первый вопрос заключается в том, что Церковь боялась культа, потому что его служители владели чем-то — некоей информацией или доктриной, которая представляла собой реальную угрозу устоявшимся христианским догматам и/или ее власти.

Однако все, что мы знаем, — точнее, то малое, что Церковь позволяет нам знать, — о культе, бытовавшем в Южной Франции, можно сказать двумя фразами. Он был связан с необычными взглядами на отношения между Марией и Иисусом (они были любовниками), и это столь хорошо согласуется с катарской верой, что, должно быть, этот культ есть одна из форм гностицизма. Сказанное справедливо также в отношении гностических Евангелий, связанных с Марией Магдалиной, которые Моххамед Али нашел в Наг-Хаммади в 1945 году.

Только одно объясняет все — гностические Евангелия от Магдалины были широко распространены во Франции до Альбигойского крестового похода. В этом случае становится понятно, почему Церковь хотела уничтожить этот культ и еретические тексты и провозгласить Марию Магдалину своей святой. Есть вопрос, на который к данному моменту ответа не найдено: была ли «еретическая» церковь основана только на этих книгах, как Римская церковь основана на канонических Евангелиях, или же она основана самой Магдалиной? Однако тот факт, что эти тексты были распространены в регионе, в котором, согласно легенде, жила Мария Магдалина, не может не вызывать повышенного интереса.

Выжила ли Церковь Магдалины, уйдя в подполье под давлением Римской церкви, пытавшейся ее уничтожить?

Сам факт того, что эхо еретического культа докатилось до нас, позволяет предположить, что усилия Церкви не увенчались абсолютным успехом. За века, прошедшие с тех пор, поклонение Марии Магдалине во Франции сохранило странный и явно неортодоксальный оттенок.

Рыцари Христа

Наиболее успешным — с бытовой точки зрения — из всех групп французских еретиков был орден Бедных рыцарей Храма Соломона, известный под названием Рыцари-тамплиеры. Основанный в 1118 году Гуго Пайенским вместе с восемью другими рыцарями Орден поставил своей целью охрану христианских паломников в Святой земле, но в течение по меньшей мере девяти лет он насчитывал всего лишь девять рыцарей, поэтому поставленная цель выглядит довольно жалким прикрытием.

По мере того как этот странный орден воинов-монахов рос и распространялся по Европе, тамплиеры заслужили репутацию мужественных и искусных бойцов, равных которым не было. Они были элитными войсками того времени, хотя были связаны обычными обетами нищеты, целомудрия и послушания. Признанные Тройским собором в 1128 году в качестве религиозного и военного ордена — их прошение защищал автор их Устава Бернар Клервоский (позднее канонизированный), — тамплиеры вскоре достигли невиданных высот власти. Официально они подчинялись только Папе, и по мере расширения их империи росли их самонадеянность и высокомерие. Покинув Святую землю, отвоеванную сарацинами, они стали расширяться во Франции к досаде Папы и французского короля Филиппа Красивого. В 1307 году пришло

возмездие. В процессе блестяще проведенной кампании большинство тамплиеров во Франции попали под арест. Многие из них были подвергнуты пытке с целью получения признания в ереси и сексуальной распущенности, но некоторые сбежали. Когда Жака де Молэ, их гроссмейстера, сожгли в Париже на медленном огне, казалось, для них все кончено. Однако тема «Какова была судьба Ордена после полного разгрома» весьма интересна и сложна и является предметом рассмотрения многих книг⁴, но выходит за пределы этой книги.

Нас в данном случае интересует, во что верили тамплиеры. Внешне они были просто рыцарями Христа, простыми монахами-целибатами, но есть свидетельства того, что уцелевшие представители внутреннего круга достаточно долго сохраняли еретические традиции⁵.

Хотя под пыткой возможны самые невероятные фантазии, согласующиеся с представлениями мучителей, все же кажется, что некоторые рыцари действительно поклонялись — может быть, даже молились — бородатой отрубленной голове или изображению такой головы, предположительно обезглавленному Иоанну Крестителю, особо почитаемому ими. Говорили также, что они плевали на крест и топтали его — прямое богохульство, — а некто Фальк де Трой сказал своим обвинителям, что рыцари показали ему крест и сказали: «Особо не верь в него, потому что он слишком молод»⁶.

Символика тамплиеров скрывает необычно глубокое поклонение Иоанну Крестителю. Например, тогда как большинство христиан верят, что «Агнец Божий» — это сам Иисус, поскольку считается, что Иоанн Креститель при виде Иисуса провозгласил: «Глядите, Агнец Божий, который искупит грехи мира!»⁷ — тамплиеры думали именно об Иоанне Крестителе как об Агнце. Они использовали символ Агнца Божьего на своих печатях, что особенно было свойственно югу Франции.

Такое тамплиерское толкование евангельского образа нашло свое отражение в работах Леонардо, что усиливает впечатление о еретических оттенках (если, конечно, это впечатление нуждается в усилении). В его знаменитом эскизе «Этюд» (который теперь выставлен в специальной комнате Лондонской национальной галереи) мы видим, как обычно, ласковую и рассеянную Деву, неловко сидящую на коленях святой Анны, ее матери (которая кажется странно мужеподобной, с огромными руками), в то время как почти по-змеиному изогнувшийся младенец Иисус протягивает руку, чтобы благословить ребенка Иоанна, который невинно смотрит вверх, на небо. Циник или еретик может истолковать эту протянутую пухлую ручонку, которая поднялась, чтобы благословить Иоанна, как руку, наносящую удар, — другая рука явно придерживает голову Крестителя, чтобы прищипать ее.

Это толкование не столь уж далеко от того, что мы видим в окончательном варианте, в картине, эскизом которой был рисунок «Этюд». Это изысканная картина «Дева и младенец со святой Анной» (1501), где младенец Иоанн заменен на ягненка, чью голову готов оторвать Иисус, схвативший ее за уши: его рука как бы разрезает тонкую шейку, как меч. Здесь явно Иоанн, а не Иисус, уподоблен Агнцу Божьему — это тамплиерский символ, хотя Орден был ликвидирован почти за двести лет до того, как Леонардо написал свою работу. Мы видим в этой картине явные признаки иоаннитской символики. Не попал ли Леонардо каким-то образом под влияние тайных остатков Ордена? А если так, то это, скорее всего, были представители высшего звена, а не рядовые члены.

Даже имя, которое носили тамплиеры — «Рыцари Христа» — может быть умным обманом, поскольку титул Христос (что на греческом языке означает «помазанник»)

обычно относят только к Иисусу, но на самом деле первые гностики проводили церемонию крещения, в процессе которой каждый взрослый посвящаемый становился Христом. Возможно, тамплиеры-иоанниты использовали термин «Христос» как иносказательное поклонение Иоанну, а не Иисусу: острый интерес к его жизни отражен во многих действиях тамплиеров, кажущихся загадочными.

Несомненно, рыцари первой волны, прибывшие на Средний Восток, интересовались археологической историей этой земли, и было выдвинуто предположение, что они искали некое религиозное сокровище — возможно, документы, аналогичные Свиткам Мертвого моря⁸, или даже легендарный Ковчег Завета⁹. Однако убедительных доказательств того, что они нашли утраченные Евангелия или священный артефакт, нет. Известно, что они встретились с таинственной «Церковью Иоанна (Крестителя) Востока» во время своих путешествий, представители которой, видимо, вдохнули в них не-христианские верования и научили богохульственным обрядам.

Намек на подпольный тамплиерский иоаннизм можно увидеть в предупреждении испанского провидца Раймонда Луллия¹⁰ — ранее воина Ордена, — который писал во времена расправы над ними, что суды выявили «опасность для лодки святого Петра» и «возможно, есть среди многих христианских секретов такие, что могли бы стать невероятными откровениями, такими же, как сейчас найдены у тамплиеров»...»¹¹.

Внутренний круг тамплиеров не только тайно поклонялся Крестителю, но также — что несколько неожиданно в сугубо мужской организации — испытывал глубокое почтение к женскому началу. Бернар Клервоский, который сыграл определяющую роль в основании и продвижении Ордена, был страстным поклонником черных

мадонн, которые неотделимы от Марии Магдалины. Он также прочитал много проповедей о Марии из Вифании, которая для него была тем же самым лицом, что и Магдалина, а также Невеста из эротической «Песни Песней» Ветхого Завета, которую Церковь всегда ассоциировала с Марией до такой степени, что некоторые отрывки из нее читались в храме в ее день. А когда Бернар призвал ко второму крестовому походу, то сделал это из центра культа Магдалины в Везелей¹².

Женское начало нашло отражение во многих работах тамплиеров, таких как их своеобразные круглые церкви, которые символизировали округлость Матери-Земли, большой живот беременной богини. Знаменательно, что сразу после разгрома Ордена был наложен запрет на строительство круглых церквей, хотя недавно такие здания появились вновь¹³.

Имелось и много других примет особого почитания богини: помимо поклонения отрубленной голове, тамплиеров обвинили также в молитвах, обращенных к некоему Бафомету. Великий ученый, исследователь Нового Завета Хью Шонфильд, убедительно доказал, что это слово представляет собой зашифрованное имя «София», гностическая богиня, которую они приравнивали к Марии Магдалине. Шонфильд также показал, что для кодировки был использован шифр «Атбаш», которым пользовались авторы Свитков Мертвого моря почти за тысячу лет до того, как был создан Орден. Это демонстрирует, что рыцари не только ревностно и изобретательно хранили свои секреты, но и имели доступ к какому-то древнему источнику знаний средневосточного происхождения. Софию также отождествляют с великой языческой богиней Исидой, которую иногда прямо называют этим именем, и, конечно, София была гностическим воплощением Священного Света «Всего», с которым тесно связана Мария Магдалина¹⁴.

Экзотические — и не вполне христианские — склонности тамплиеров отражены в символике готических соборов, которые они проектировали и строительством которых управляли из-за кулис. (Даже каменщики стали рядовыми братьями Ордена.) Эти удивительные сооружения, представляющие собой апофеоз архитектуры, имеют отчетливые следы египетского влияния¹⁵, поскольку построены в соответствии с гармонией пропорций, отвечающей концепции священной геометрии — согласно этой концепции геометрические пропорции резонируют и даже являются выражением божественного ума. Эти внешне христианские церкви были полны языческими и, в частности, связанными с богинями образами — от лабиринта, украшающего пол Шартрского собора (символ богини паучихи, плетущей нити судеб человеческих) до множества черных мадонн¹⁶, и, наконец, драгоценный камень в короне готических кафедральных соборов — замечательные, навевающие определенные ассоциации окна в виде розы. Барбара Уокер пишет:

«Роза, которую в Древнем Риме считали Цветком Венеры, была знаком священной проституции. То, что говорили «под розой», было частью сексуальных таинств Венеры, которые нельзя было разглашать непосвященным...

В великий век строительства кафедральных соборов, когда Марии (Матери) молились как богине в ее «Дворцах Царицы Небесной» или «Соборах Нотр-Дам», к ней часто обращались как к Розе, Розовому кусту, Венцу из Роз... Мистической Розе... Подобно языческому храму, готический кафедральный собор олицетворял тело Богини, которая была также вселенной, содержащей в себе бога-мужчину...»¹⁷.

Вместе с тем роза не везде ассоциировалась с Девой Марией и Непорочным Зачатием, поскольку ее символом была более строгая и не сексуальная белая лилия: другой Марии, полнокровной христианской богине, поклонялись в тамплиерских готических соборах через образ розы. И они не могли не знать, что роза есть анаграмма «эроса» (*rose — eros*), бога сексуальной любви.

Страстная преданность тамплиеров Магдалине в наибольшей степени выражена в их клятве «Богу и нашей Госпоже»: то, что этот конкретный «Нотр-Дам» посвящен не Деве, следует из формы, в которую облечена просьба об отпущении грехов: «Я молю Бога, чтобы он простил мне мои грехи, как он простил их Марии Магдалине и вору, которого распяли рядом»¹⁸.

Защитники Грааля

К наследию тамплиеров — которое в миру включает изобретение современной банковской системы¹⁹ — можно причислить их влияние на большое количество легенд, которые владели воображением многих поколений и стали основой для бесчисленных поэм, пьес, картин и фильмов²⁰. Среди них, разумеется, первое место занимает история Святого Грааля, впервые получившая широкую известность из труда Кретьена де Труа, незаконченной книги «Сказание о Граале» (*Le Conte del Graal*) (около 1190 года). Знаменательно, что город Труа, по названию которого автор взял себе имя, был местом первой тамплиерской штаб-квартиры и его величественный храм посвящен Марии Магдалине²¹.

Хотя большинство представляет себе Грааль как чашу Иисуса на Тайной вечере, в своей первой ипостаси Грааль выступал как блюдо, поскольку рассказ был основан

на кельтском предании о приключениях Передура, встретившего в лесу ритуальную процессию, где было копье, с которого капала кровь, и отрубленная голова на блюде. Как и в большинстве историй о Граале, сюжет построен на ключевом моменте, когда герой не смог задать определенный вопрос, и как сказал Малкольм Гудвин в своей книге «Святой Грааль» (1994): «В данном случае незаданный вопрос касается характера этой головы. Если бы Передур спросил, чья это голова и как она с ним связана, он узнал бы, как снять заклятие с Пустоши»²². (Как во многих средневековых легендах, земля была проклята: ничего на ней не росло, и правила на земле и в сердцах ее обитателей Зима.)

Наиболее явной неортодоксальностью из всех произведений о Граале отличалось произведение баварского поэта Вольфрама фон Эйшенбаха «Персиваль», написанное в 1220 году. Он заявлял, что был намерен улучшить более ранний вариант Кретьена, сделав его ближе к первоисточнику, предположительно, произведению Гийо де Провинс (Прованс), трубадура, симпатизировавшего тамплиерам, которых он называл «крещенные люди», а не христиане — явно тщательный подбор слов с намеком на статус иоаннитов. В этой поэме есть любовная линия: страсть между черной королевой и европейским принцем, чей сын со смешанной кровью, носитель Грааля Репанс де Шой, родит ребенка, продолжающего династию таинственных королей, которые всегда принимают имя «Джон — Иоанн». «Посланица Грааля» Гундри несет кувшин с благовонной мазью, которой она помазывает ноги героя и вытирает их своими волосами. Снова мы встречаем нити Магдалины и Иоанна, вплетенные в общую еретическую ткань. Но почему? Где во всем этом Иисус? Почему внутренний круг тамплиеров игнорировал его и даже богохульствовал по его адресу?

Ответ ясен: культ Марии Магдалины — не говоря уже о более таинственных взаимосвязях с Крестителем — выжил во Франции, несмотря на все усилия Церкви по его уничтожению.

Деревня проклятых

Многие читатели знакомы с одной особо острой вспышкой лихорадки по поводу Марии Магдалины, которая связана со странными событиями в отдаленной деревушке Ренн-ле-Шато, расположенной около города Лимож, в древнем сердце страны катаров, Лангедоке. Тайна Ренн-ле-Шато к настоящему времени стала своего рода блице для людей, предпочитающих альтернативную историю. Об этой тайне написано множество слов — многие из них, следует заметить, истрачены впустую. Есть много книг, форум в Интернете и исследовательские группы энтузиастов загадки Ренн²³, но здесь достаточно краткого резюме.

Немногие на Западе знали бы о существовании Ренн-ле-Шато, если бы не один из принципиальных трудов по альтернативной истории, опубликованный в 1982 году, который положил начало новому поколению любителей альтернативной истории — книга «Святая Кровь и Святой Грааль» Майкла Бейджента, Ричарда Ли и Генри Линкольна, которая оказала возбуждающее действие на многие любопытствующие умы. Головокружительная смесь оккультных обществ и глубочайших секретов — исключительно притягательная идея о тайной династии потомков Иисуса и Марии Магдалины, которых защищает подпольное Братство Сиона, заморозила тысячи, если не миллионы умов и сердец.

История началась с тайны Ренн-ле-Шато, где в конце XIX века приходской священник Франсуа Беранже

Соньер нашел при ремонте старинной церкви Марии Магдалины какие-то зашифрованные пергаменты. Возможно, он нашел и ценности — подобно сказочным катарским сокровищам их природа остается предметом самых разных толкований, — но, как бы там ни было, в мгновение ока он стал очень богатым человеком. Затем он предпринял действия по улучшению собственного жилья и окружающей деревни, построив себе оригинальную библиотеку, названную «Тур Магдала» (Башня Магдалы) с бастионами на вершине холма, на котором расположена деревня. Новый дом Соньера был назван «Вилла Вифания» (Дом Вифании), что еще более усилило тему Магдалины, которая явно овладела им, что открыто проявилось в барельефе перед алтарем, на котором блондинка Магдалина стоит на коленях перед младенцем и черепом: говорят, что Соньер сам завершил эту работу любовными штрихами. Среди многих странных элементов убранства храма есть изображение чернокожего мальчика и женщины в вуали вдовы, не говоря уже о мужчине в килте — на серии «Путь Христа на Голгофу», картина, на которой Иоанн Креститель склонился над коленопреклоненным Иисусом, являющаяся зеркальным отображением корчащегося встревоженного демона, на голове у которого стоит чаша со святой водой. Над портиком сделана латинская надпись «Это место ужасно», которую мало кто сочтет уместной для портала храма.

На протяжении нескольких лет Соньер и его преданная домоправительница, молодая местная девушка Мари Денарно, вели роскошный образ жизни, развлекая многих знатных особ, которые проделали трудный путь в отделенную деревню (даже сегодня, когда дороги стали вполне приличными, туда нелегко добраться), иногда из самого Парижа. Среди них была оперная знаменитость Эмма Кальве, которую, как говорят, Соньер встретил

(и, возможно, стал ее любовником) во французской столице. Она, предположительно, имела сексуальную связь — может быть, и в ритуальном смысле — с несколькими мужчинами, имевшими репутацию оккультистов.

Все это время Соньер вел себя странно: копал на кладбище по ночам, стер надпись на могильном камне, что вызвало ярость у местного епископа, собирал мешки камней в долине и вел активную таинственную переписку с людьми по всей Европе. Хотя потерявший терпение епископ запретил ему проводить службы в храме из-за разрастающегося скандала, связанного со странным поведением Соньера, местные жители отказались подчиниться этому запрету и вместо храма посещали мессу в Доме Вифания. Кем бы ни был Соньер, он всегда пользовался популярностью у местных жителей, возможно, потому, что много делал для деревни. У него были грандиозные планы, которые касались строительства новых дорог, сторожевых башен, большого пруда для крещения, веринца и других повешеств, но большинство из них не было осуществлено, видимо, потому, что его состояние оказалось недостаточным для их реализации.

Вряд ли он сразу получил большую сумму благодаря своей первоначальной находке: у него, видимо, были проблемы с поступлением наличности — временами он вел себя как римский император, но в другое время вынужден был внимательно обращаться с деньгами, хотя никогда не опускался до уровня расходов среднего приходского священника. Он никогда более не жил, как церковная мышь. Откуда же ему поступали деньги? Кто платил ему и почему?

Скептики утверждают, что Соньер просто присваивал себе деньги за мессу — заупокойную молитву, но, хотя он несомненно этим занимался, вряд ли это могло принести такое богатство. От 1896 года до своей смерти

в 1917 году он тратил, по меньшей мере, 16 000 франков в месяц, невероятная сумма для приходского священника в одном из самых бедных районов Франции, который был ранее столь богат и культурен, но со времен катаров пребывал в бедности и отчаянии.

Возможно, ему платили, чтобы он по какой-то причине оставался в Ренн-ле-Шато: когда у него появился шанс покинуть эти места, например после запрета епископа на службы, он остался и никогда не переставал копать землю и обшаривать окрестности, как будто искал что-то особое. Добавьте сюда странную связь гробницы у дороги в Аркю с картиной Николая Пуссена (1593—1665) и таинственную насильственную смерть другого местного священника, который был исповедником Соньера на его смертном ложе и бежал от него в ужас — здесь есть о чем фантазировать. И фантазировали, хотя местные жители — а их осталось совсем немного, деревня опустела²⁴ — теперь придерживаются странной смеси цинизма и гордости за эту доморощенную знаменитость, чья надгробная надпись тоже была стерта с камня.

Домоправительница Соньера Мари Денарно жила в деревне еще сорок лет после его смерти, приводя деревню в ужас тем, что сжигала пачки банкнот. Она уверяла всех, что жители деревни не знают, что ходят по золоту. Она также во всеуслышанье объявила: «Если вы ищете сокровища, то оглянитесь вокруг себя».

Недавние исследования показали, что Соньер не только называл новые строения в честь Марии Магдалины, но и посетил ее культовые центры в Провансе. Он явно хотел доказать свою любовь к ней и поддержать ее культ, если требуется, в одиночку. Но все говорит о том, что были и многие другие с тем же обожанием к женщине, которую, как говорят, целовал Иисус.

Загадочное общество

Таковы голые факты, касающиеся истории Ренн-ле-Шато, которые уже стали банальностью, хотя они были мало известны за пределами Франции, пока не появилась книга Бейджента, Ли и Линкольна. Однако даже тайна Соньера бледнеет в книге «Святая Кровь и Святой Грааль» по сравнению с откровениями о существовании векового секретного общества, названного Братством (или Приоратом) Сиона, члены которого поклялись защищать и поддерживать потомков Иисуса и Марии Магдалины. Утверждается, что их дети положили начало династии полумифических королей франков, Меровингов, которые, хотя и были свергнуты Каролингами, не исчезли — и династия подпольно продолжает существовать до настоящего времени. Был ли Соньер связан с Братством Сиона? Он нашел что-то особенное в склепе своего храма, может быть, ключ к месторасположению какого-то большого секрета? Было ли это, как предполагают некоторые авторы, тело Христа, находящееся в усеянной пещерами холмистой местности неподалеку, называемой Пеще Карду²⁵?

К сожалению, вряд ли Соньер был членом Братства Сиона или просто их инструментом, поскольку исследования показали, что эта организация существует только с 1950 года. А зашифрованные пергаменты, которые якобы были найдены Соньером, были сфабрикованы одним из двух основателей Братства. Братство имеет склонность к фальсификации и тщательной разработке мистификаций, к числу которых относится попытка контрабандой протащить сфабрикованные документы в Национальную библиотеку, чтобы произвести впечатление на людей, подобных Бейдженту, Ли и Линкольну.

В этом отношении Братство имеет много общего с Леонардо, и неудивительно, что его включили в число бывших гроссмейстеров Братства в компании с другими знаменитостями, в том числе Исааком Ньютоном, Виктором Гюго и Жаном Кокто. Выглядит это так, будто они вылавливали самые известные имена в истории и использовали их в своих целях, хотя подбирали они вполне подходящие личности. Знаменательно, что они приписывали предполагаемым гроссмейстерам имя Джон (Жан) — Леонардо был, по их утверждению, Джоном IX. Себя они называли «Меченосцы Церкви Иоанна»²⁶. Поскольку Братства Сиона не существовало во времена Леонардо, должны ли мы просто закрыть эту тему? Судя по иоаннитским симпатиям Леонардо, Братство выбрало себе его в прошлые гроссмейстеры с особым тщанием, и многие другие, названные ими, имели схожие интересы.

В спорных текстах, известных под названием «Секретные досье», помещенных Братством Сиона в Национальную библиотеку в Париже, многократно упоминается Мария Магдалина, которую ассоциируют (без объяснений) с Исидой и черными мадоннами. Затем там приводится любопытная — хотя, возможно, и случайная — ассоциация с женщиной, могила которой как особо важная интересовала Соньера, поскольку могла оказаться ключом к тайне. Это могила последней представительницы аристократической семьи, чья резиденция дала имя деревне Ренн-ле-Шато, и ее звали Мари де Негре д'Эбл, мадам д'Хаутпоул де Бланчфорт из семьи, которая владела Ренн-ле-Шато с XV века и носила титул маркизы де Бланчфорт (небольшая крепость неподалеку от деревни).

Ее имя кажется не случайным, поскольку содержит в себе множество ассоциаций с Марией Магдалиной: Мари де Негре означает «Мария Черная/Мария Тьма» —

«ноул» — на французском сленге «проститутка», то есть «хаутпоул» — «высокая (по положению) проститутка». Если бы не документальные подтверждения ее существования, то можно было бы подумать, что это очередная выдумка Братства Сиона.

Мадам Мари умерла 17 января 1781 года и была похоронена на кладбище церкви Святой Марии Магдалины в Ренн-ле-Шато. Надгробный камень был поставлен священником, предшественником Соньера, аббатом Антуаном Бижу, которому, по слухам, она передала большой секрет. Надпись на надгробном камне, видимо, является центральным пунктом тайны, в частности, потому, что была стерта Соньером столетие спустя (хотя ее уже успели записать члены местного общества любителей древностей).

Надпись содержит множество ошибок — слишком много, чтобы их можно было считать ошибками исполнения, что позволяет предположить наличие какого-то зашифрованного послания (скорее всего, именно поэтому Соньер пытался ее уничтожить). В частности, одна «ошибка» почти оскорбительная. Вместо латинской фразы «RESQUIESCAT IN PACE» («Покойся в мире») написано «RESQUIESCAT CATIN PACE». «Catin» на французском сленге означает «проститутка», что усиливает альтернативное толкование значения слова «хаутноул». Даже ошибка в одну букву в слове «Ables» — на надгробии написано «ARLES» — имеет еретический оттенок, поскольку Арль в стране Магдалины, в Провансе, был в древности знаменитым культовым центром Циды.

Странные имена и титулы мадам Мари могут быть совпадением, но нет сомнений в искренней преданности Соньера Марии Магдалине и том значении, которое приписало ей Братство Сиона (хотя они, что для них типично, этого не объяснили).

Неизвестный Соньер

История Соньера теперь распространилась настолько, что стала для некоторых поклонников «альтернативной истории» своего рода наваждением. Однако весьма интересный аналог этой истории на ту же тему остается почти неизвестным даже во Франции. Это история «монастыря» «Ла Карол» в Арьеже, городе, расположенном в пятидесяти милях от Ренн-ле-Шато, и деятельности другого священника, старшего современника Соньера отца Луи де Кома (1822—1911)²⁷.

Когда в 1842 году де Кома учился на священника, ему предложили место в семинарии Святого Сульпиция в Париже²⁸, но его епископ предложил ему продолжить учебу в провинциальной епархии. Тем не менее он выбрал Дом Сульпиция в Исси. Два года спустя под влиянием своего наставника иезуита Густава де Ривигнана он перевелся в иезуитскую семинарию в Амьене, а в 1846 году изучал теологию в Бельгии. Он был рукоположен в Нотр-Дам де Лисс в 1850 году, в важном центре черных мадонн и многих других эзотерических ассоциаций. Ян Бегг пишет: «Лисс был самым важным местом паломничества французской королевской семьи с 1414 года... Легенда: три рыцаря Святого Иоанна (возможно, тамплиеры) принимали участие в первом крестовом походе... были взяты в плен и привезены в Каир. Успешно противостоявшие всем попыткам отвратить их от веры, они преуспели... в обращении в свою веру дочери султана Исмери (Исида+Мария)... Близлежащий замок Марчейз, где обычно останавливались паломники королевской крови, до сих пор принадлежит семье Лоррейн (потомки Меровингов)...»²⁹.

Отец де Кома в процессе службы обнаружил у себя талант проповедника. В канун Рождества 1855 года его отец Жан-Бонаventura де Кома умер, оставив в наследство

шромное имение с лесами и полями, называемое Ла-Карол, около деревни Балу в предгорьях Пиренеев. (Приходская церковь в Балу, как и в Ренн-ле-Шато, была посвящена Марии Магдалине.)

С 1860 по 1885 год (год прибытия Соньера в Ренн) де Кома занимался строительством религиозного центра в Ла-Карол — проводил работы, которые значительно превосходили строительство Соньера по размаху и затратам. По завершении работ комплекс включал в себя святилище со склепом (где похоронили де Кома и его близких), подобное гроту в Гефсиманском саду, вокруг которого он насадил оливковые деревья и другие экзотические растения; базилику, явно в подобие базилики в Лурде; храм, который был назван Гефсимания, и монастырское здание с аркадами. Вверх по склону холма были установлены металлические статуи, изображающие Крестный путь, а завершался он небольшой часовней на вершине холма. С наибольшей любовью де Кома построил подземный грот, где стояла статуя Марии Магдалины в натуральную величину. Мария в задумчивости смотрит на пруд с фонтаном, который де Кома считал чудодейственным. Все строения были спроектированы старшим братом отца де Кома Фердинандом, провинциальным архитектором.

Церковь Гефсимания была необычно, но намеренно ориентирована на северо-восток, а не на восток. Это было сделано для того, чтобы объединить в архитектурное целое все главные сооружения имения — церковь, вход в склеп, грот Магдалины и часовню на вершине холма в конце Крестного пути, причем не только друг с другом, но и с церковью Марии Магдалины в Балу.

В целом де Кома истратил на эту работу полмиллиона золотых франков, по современным меркам около двух миллионов фунтов стерлингов. Но в отличие от истории Соньера никакой загадки в происхождении этих денег

нет: он создал фонд «Работа над Гефсиманией», в который собирал деньги за заупокойные мессы, пожертвования и плату за отпущение грехов. Талантливый проповедник, он организовал регулярные туры по всей Франции.

Помимо платежей за мессы, де Кома получал большие пожертвования от отдельных лиц. Как и Соньер, он был монархистом, который поддерживал претензии на трон графа Шамбора. Как мы упомянули, Нотр-Дам де Аисс где он был рукоположен, был давно устоявшимся центром паломничества французской королевской семьи, а она имела связи с Меровингами. Граф пожертвовал Фонду 4000 золотых франков, а его вдова позднее сделала подобный же дар в 3000 золотых франков Соньеру, который собирал пожертвования на первые реставрационные работы для церкви в Ренн-ле-Шато.

Тот факт, что источник благосостояния отца де Кома известен, а Соньера нет, является единственным различием между ними. Однако несмотря на легенды о найденных сокровищах, наиболее вероятным объяснением богатства Соньера являются аналогичные пожертвования, большие и малые. Во всяком случае, так Соньер сказал об этом своему епископу, назвав своего брата Альфреда, тоже священника, который, подобно де Кома, был путешествуящим проповедником и посредником, принимавшим дары. Соньер тоже довольно часто отправлялся в путь с проповедями.

Де Кома хотел организовать в монастыре религиозную общину, но встретился с непредвиденными трудностями при поисках подходящего Ордена. Отцы Святого Духа приняли его предложение, но пробыли в монастыре всего год — по причинам неизвестным. После этого монастырь так и оставался пустым.

В 1890 году де Кома, которому уже было под семьдесят лет, был назначен приходским священником церкви Святой Магдалины в Балу. Мэр жаловался вышестоящим

на де Кома, что он предпочитает проводить мессы в Ла-Карол, а не в приходской церкви (так же, как Соньер предпочитал проводить мессы на «Вилле Вифания»). Постепенно имение пришло в упадок. В последние годы жизни де Кома стал «отшельником Ла-Карол» — его часто видели прибирающимся в саду в одеждах его матери. Он умер 14 ноября 1911 года в возрасте восьмидесяти девяти лет и был похоронен, подобно другим членам своей семьи, в склепе в Ла-Карол. Имение отошло его сестре Клэр, которая в 1913 году передала его Церкви. Оно оставалось в запустении более сорока лет. Несколько раз склеп де Кома вскрывали, наиболее варварски в 1958 году, когда были вскрыты гробы и разбросаны кости.

Акт вандализма заставил епархию продать Ла-Карол. Однако Церковь поставила странное условие покупателю, обязав его полностью снести все строения, кроме монастыря. Соответственно, практически все строения были взорваны в ноябре 1956 года. (Возможно, это совпадение, но в 1956 году начала распространяться история о Ренн-ле-Шато. Первые газетные статьи о Соньере появились в провинциальной печати в январе, а Братство Сиона официально было зарегистрировано в июне.) Сегодня в Ла-Карол остались только монастырь, часовня на вершине холма и подземный грот со статуей Магдалины.

Показывают ли удивительные истории Ренн-ле-Шато и Ла-Карол, что «еретическая» Церковь Марии Магдалины выжила в подполье за более чем 600-летнюю историю после того, как инквизиция попыталась стереть ее с лица земли? Собирались ли Соньер и де Кома — возможно, и другие неизвестные священники — восстановить монархию Меровингов и вместе с ней старую религию тамплиеров, которые поклонялись Магдалине и Крестителю при равнодушном отношении к Христу?

Требуются дальнейшие исследования, само существование в прошлом культа Магдалины может помочь

в решении дела Соньера. В книге «Откровения тамплиеров» мы сделали вывод, что источником состояния Соньера было не найденное сокровище или владение великим секретом, который был использован для шантажа Церкви, но платежи, которые были вознаграждением для него и других священников за исследование этого района. Другими словами, он на самом деле ничего не нашел, но ему платили за то, что он искал нечто, что, возможно, никогда не найдут.

Во времена Соньера наблюдался бурный всплеск интереса к древним текстам и книгам, связанным с происхождением и первыми днями христианства, с тем, что не нашло отражения в Новом Завете. Многие из таких текстов сохранились только в виде отдельных фрагментов. (Таков, например, текст Евангелия от Марии Магдалины, который был со временем найден в полном составе в Наг-Хаммади, — ранее было всего несколько фрагментов, показывающих, что такой текст существовал, но до 1945 года было неизвестно, что в нем сказано.) Может быть, кто-то осознал, что такие книги могли сохраниться на юге Франции — вот почему Соньер проявлял такой интерес в Магдалине и легендам, с нею связанным.

В отсутствие достоверных доказательств нам остается только гадать. Но спекуляции на эту тему получили любопытную поддержку при последнем развитии событий в деле Ренн-ле-Шато. В 2000 году мэр Ренн-ле-Шато получил письмо от Генибреля, американца французского происхождения, который живет в Калифорнии. Генибрель заявил, что дед его дяди руководил строителями, возводившими домен Соньера, и заявлял, что помогал священнику укладывать сундук под фундамент Башни Магдала.

На основе заявления Генибреля группа американцев под руководством доктора Роберта Эйзенмана, профессора археологии Университета Лонг-Бич в Калифорнии,

известного как ученый, который нарушил эмбарго академического мира на публикацию Свитков Мертвого моря, прибыла в Ренн-ле-Шато для проведения исследования с помощью радара, высвечивающего подземные объекты. Группу финансировала американская организация Фонд Мерила, которая обычно финансирует изыскания, связанные с библейской тематикой.

Помимо того, что был найден склеп (наличие которого давно подозревали на основании архивных данных), группа подтвердила, что имеется в наличии сундук или коробка площадью три квадратных фута (около 1 кв. метра), закопанная на глубину около 12 футов (4 м) под полом Башни Магдала.

Во французской прессе поднялся шум — вместе с многочисленными спекуляциями, связанными с недостаточностью информации. Наибольшие споры вызвало присутствие теолога доктора Серены Тайе. В некоторых из приписываемых ей заявлений были, по утверждениям газет, следующие слова: «Возможно, мы нашли вещи, связанные с мифом об основании Церкви», и еще более поразительное: «Все это связано с документами, которые ставят под вопрос историю Католической церкви!.. Если только это не материальный след присутствия в этом месте (присутствия, засвидетельствованного святыми текстами) судьбы Иисуса, того самого Ирода Антипы, который останавливался здесь по дороге в ссылку в компании некой Марии Магдалениан». (Довольно странные слова: Ирод Антипа был судьей не Иисуса, но Иоанна Крестителя. Здесь больше подошло бы имя Понтия Пилата. Возможно, она сказала в своем заявлении вовсе не «Иисус», но, подобно тщательно выбиравшим выражения тамплиерам, «Христос» (в смысле помазанный)).

Однако еще один комментарий доктора Тайе затмил эти заявления. Французская пресса раструбила, что по словам мэра Ренн-ле-Шато, она сказала ему: «Церковь

возложила на меня миссию уничтожить любые компрометирующие документы, если мы найдем их». Позднее это было представлено как шутка, сказанная за обедом в ресторане. Были составлены планы по извлечению сундука, назначенному сначала на сентябрь 2001 года, затем на февраль 2002 года, но и в том и другом случае раскопки были отложены.

Ренн-ле-Шато продолжает оказывать свое странное магическое воздействие, но есть еще много тайн, связанных с исторической Магдалиной, которые имеет смысл расследовать. Марию ассоциировали с культом, сложившимся вокруг «высокой проститутки» Марии де Негре, или Марии Чернокожей/Марии Темноты, черной египтянки, с темной богиней Исидой и странными черными мадоннами...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ТЕМНЫЕ ТАЙНЫ
И ЧЕРНАЯ МАГИЯ

«ЧЕРНАЯ, НО ПРИГОЖАЯ...»

Для человека верующего, искренне отвергающего все легковесное и поверхностное, покажется необычным то обстоятельство, что вопрос о внешнем облике Марии Магдалины может оказаться решающим фактором при анализе значения ее как личности — и, может быть, даже позволит понять смысл молчания Церкви относительно ее истинной роли.

Некоторые христиане и все члены движения Новый Век считают Марию Магдалину образцом зрелой женской красоты и — не без причины — личностью божественной, поскольку, судя по запрещенным текстам, сам Иисус несомненно считал ее, по меньшей мере, полубогиней: считал «Всею» и ассоциировал с Софией, олицетворением мудрости, всячески поднимал свою *koínonos*, или интимную партнершу, над уровнем обычной женщины. Хотя считается, что она была еврейкой из Таричеи, стоит посмотреть, как трактовали ее образ христианские художники в процессе веков. Естественно, воспаленное воображение одевало ее, как правило, только частично, в красные одежды — фирменный знак сексуального греха, чувственной страсти и готовности к боли, что соответствует такому «падению». Иногда (хотя и редко) она изображена прикрытая только спутанными волосами и/или шкурой (трудно сказать, где кончается одно и начинается другое) и выглядит как Иоанн Креститель в женском облике, вида дикого и шаманствующего, граница между обычной женщиной и мифическим существом из тех мест, где властвует Пан, размыта. Но в большинстве случаев христианское искусство изображает святую

покровительницу кающихся в образе блондинки любого оттенка — от мышинового до ярко-белого — которая, пребывая в агонии ненависти к самой себе, все же находит силы сквозь слезы дотянуться до бутылочки с перекисью.

Хотя полагают, что у нее могут быть те же самые корни, что у Давида, Исаака и Симона Петра, — все они редко считаются темными.

Как мы уже упоминали, в день ее праздника 22 июля по улицам южного французского города Сен-Максимин перед экзальтированной толпой проносят страшный череп, который, как все верят, является черепом самой Марии Магдалины. Для того чтобы представить ее перед людьми в более пристойном облике, на череп надета золотая маска, а сверху — обязательный парик блондинки. Это очень странно, поскольку светлый цвет волос Марии Магдалины — традиция давняя: еще в Средние века зародился обычай изображать знаменитых иностранцев как местных жителей. Вместе с тем женщины Южной Франции должны быть столь же черноволосы, как и еврейские женщины из Палестины. Почему священники из Сен-Максимиана решили сделать Марию Магдалину блондинкой? Только ли потому, что хотели подчеркнуть экзотичность ее натуры? Возможно, но особый упор на такую поразительную и маловероятную блондинистость вызывает некоторые подозрения: не слишком ли далеко зашли в своем протесте церковники? Может быть, они знают или знали, что эта женщина была прямой противоположностью блондинки, и отчаянно пытаются скрыть этот весьма неудобный для них, но очень важный факт?

Аббат Соньер тоже изображал свою, столь любимую им Магдалину как прекрасную юную блондинку — на алтарном барельефе, который он раскрасил лично, ее никак нельзя назвать типичной красавицей средиземноморского

гипа. Возможно, это говорит всего лишь о его личных пристрастиях: несомненно, в центре его симпатий была Магдалина, которая ему, нормальному мужчине, нравилась. (Хотя он и был священником-целибатом, по всей вероятности, он был любовником и Эммы Кальве, и Мари Денарно, а это означает — ему не были чужды удовольствия плоти.) Видимо, в этом отношении Соньер следовал вековой церковной традиции. Магдалина никогда не была представлена в образе экзотической темной женщины.

Такая трактовка касается не только образа Марии: практически в каждой церкви на Западе сам Иисус изображен блондином или рыжеватым, с тонким, очень белым лицом. (Влиятельные прерафаэлиты написали лицо, похожее на лицо голодающей девушки с приклеенной бородой, что, по всей видимости, является отражением той модели, которой они пользовались.) В некоторых церквях люди видят образ рослого голубоглазого арийского героя с белыми волосами: таков предпочтительный образ, например, в церквях Иисуса Христа Святых Последнего Дня, члены которых известны как мормоны, где нет напских украшений в виде статуй или витражей, но такого рода картины висят в каждом вестибюле.

Деву Марию тоже часто изображают блондинкой — иногда даже глуповатого вида, как на любопытном гобелене, который висит над алтарем церкви Нотр-Дам де Франс в Лондоне. Здесь такой образ не может быть объяснен даже невежеством: блондинки были в моде, когда украшали и освящали эту церковь в 1960 году. В ней нет и следа семитского.

Разумеется, в обычае людей лепить Бога по своему образу и подобию, и если общепринятый образец женской красоты — тонкая блондинка, то, естественно, что Мать Бога — не говоря уже о его подружке — должна соответствовать принятому стандарту привлекательности.

Но такой подход работает только в одном направлении: никто не требует от церкви, чтобы внешность женщин, связанных с Христом, была западной, но изображения с ярко выраженными еврейскими чертами считаются безвкусными. (Подруга, любовно нарисовавшая прекрасную, но очень еврейскую Деву в школе искусств при монастыре получила отпор: монахиня в ярости разорвала рисунок, обвинив ее в «богохульстве». Это случилось совсем недавно, в 1980 году.)

Как мы упомянули — и вернемся к этому еще, — есть четкие показания к тому, что Магдалина не имеет отношения к Таричеи, но пришла из-за границ Палестины, вероятно из отдаленной и экзотической земли. Она, вероятно, оскорбляла расовую чувствительность Церкви не только из-за того, что была женщиной, была умной, независимой и близка к Иисусу, но из-за своей внешности тоже. Политкорректность позволяет — и даже требует — чтобы актриса, играющая Марию Магдалину в мюзикле «Иисус Христос — суперзвезда», была чернокожей. Церковь позволяет африканским христианам изображать Иисуса и его семью по своему подобию. Однако же существует отчетливый оттенок снисходительности, подспудное ощущение, что им позволено, пока никто на самом деле не верит — никто из тех, с кем считаются, — что живые святые были кем-то иным, а не людьми белой расы. Отчаянные попытки Майкла Джексона стать белым могут вызывать насмешки или сочувствие, но его усилия ничто по сравнению с тем громадным трудом, который проделала Церковь, чтобы отмыть добела Марию Магдалину, женщину, чье имя — парадокс — она же и очернила. Есть свидетельства — признаем, фрагментарные и разбросанные по разным источникам, — что она, возможно, была не женщиной левантийского типа с оливковой кожей, но цветной. (Африканской женщине, конечно, трудно высушить ноги мужчине своими волосами, но

ничего невозможного в этом нет.) Следствия этой, пусть даже гипотетической идеи, по меньшей мере, интересны. Была ли Мария Магдалина, женщина, которую целовал Иисус и утрашал Симон Петр, по происхождению египтянкой или эфиопкой, выходцем с Черного континента? Может ли это объяснить то, что она стала предметом столь безжалостного искажения образа и почему ее связь с Иисусом затушевывали и отрицали так долго? Что касается Церкви, то ей невыгоден Иисус, который столь сильно любил Марию, что сделал ее Апостолом Апостолов и соединился с ней в священном сексуальном обряде, но если в результате такого смешения рас были еще и отпрыски, то об этом страшно даже подумать. Африканцы могут изображать на иконах чернокожего Иисуса, но есть предел терпения Церкви в этом отношении. У Церкви всегда была заноза в боку из-за того, что Иисус не был чистых белых кровей — что дало повод для бесконечных погромов «убивших Бога евреев», — поэтому даже предположение, что он мог пренебречь негласными правилами апартеида и полюбить черную женщину, есть идея, за которую надо немедленно сжечь. Но была ли Мария Магдалина на самом деле чернокожей? Каковы же намеки и свидетельства этого, рассеянные по уцелевшим жемчужинам еретической литературы?

Мадонны с грязными лицами

По всей Европе рассеяны небольшие культовые центры, где стерта грань между язычеством и христианством, где имеются свидетельства не только истинного происхождения христианства, но также того, какова была реальная Мария Магдалина. Это дома Черных Мадонн, или Черных Дев, — в большинстве случаев точно таких же статуй Мадонны с ребенком, за исключением того, что

и Богоматерь, и ее младенец изображены с черными лицами и руками. Где бы они ни находились, они являются предметом страстного поклонения местного населения, которое смотрит на них, как на нечто отличающееся от бледнолицых христианских святых — даже полностью отличающихся от обычной Девы с младенцем. Это подчеркнутое отличие не избежало внимания Католической церкви, которая всегда несколько дистанцировалась от Черных Мадонн.

В 1980 году английский писатель Ян Бегг предпринял несколько путешествий для исследования явления «черные мадонны» и выпустил в 1985 году ставший классическим труд «Культ Черных Мадонн». В нем он констатировал: «Враждебность была неприкрытая, 28 декабря 1952 года, когда Американской ассоциации развития наук был представлен доклад о Черных Мадоннах, каждый священник и монахиня в аудитории покинули ее»¹. Год 1950 — год далекий, особенно с точки зрения восприятия культуры, поэтому можно было предположить, что с тех пор эти странные статуи нашли свой путь в широкий круг Католической церкви вместе с аналогичными статуями святой Терезы из Лизье и святой Бернадетты в Лурде. Но, хотя известно, что Папа Иоанн Павел II навестил с частным визитом некоторых Черных Мадонн, ни один из этих культов не был официально признан, и поклонение им по-прежнему не поощряется. Что же такого неправильного в Черных Мадоннах, что клирики продолжают относиться к ним с отвращением? Может быть, дело просто в том, что эти символы всегда олицетворяют раздражающее Церковь провинциальное поклонение, слишком независимое с точки зрения церковной иерархии, а может быть, есть причина более веская.

Передвигаясь по Европе от одного места к другому, Бегг заметил любопытное явление: хотя статуи Черных

Мадонн часто выставлены на видных местах в местных церквях, даже приходские священники ничего о них не знают. На настойчивые вопросы следовал ответ, что Черная Мадонна стоит в церкви уже более пятисот лет, а чернота ее связана с накоплениями вековой грязи — ответ, бросающий тень на чистоплотность прихожан, — и довольно странный, поскольку некоторые из них покрашены сравнительно свежей черной краской.

Как бы там ни было, почему несколько особенно злобствующих и потерявших цвет статуй вызывают столь странное поклонение в течение сотен лет?

Бегг рассказывает, как один коллега спросил священника, почему Мадонны черные, и получил ответ: «Сын мой, она черная, потому что черная»². В книге «Откровения тамплиеров» мы упоминали об этом эпизоде, чтобы проиллюстрировать отношение Церкви к этой теме. Хотя священник просто отделался от неприятного вопроса, его слова послужили толчком к этому расследованию, поскольку истолковать их можно и в прямом смысле. Может быть, снова торжествует принцип «лезвия Оккама», согласно которому самый простой и очевидный ответ, скорее всего, ответ правильный. Если не трактовать ответ священника как реакцию на бессмысленный вопрос: «Почему лошадь белая?», то его слова можно понять в их изначальном смысле: она (статуя) черная, потому что она (сама Мадонна) была черной.

Есть и другая сторона явления Черной Мадонны: где бы она ни находилась, это место всегда было местом древнего языческого поклонения. Церковь всегда стремилась христианизировать древние священные колодцы или священные пещеры, которые были местом проведения языческих ритуалов или поклонения богине. Хитрые церковные старейшины сознавали, что люди по-прежнему любят эти места и будут поклоняться им, несмотря на официальные проклятия, поэтому они брали их под свою

опеку, превращая языческих богов в мифических святых. Хотя следует отметить, что в общем случае в самых значимых языческих святынях Европы Черные Мадонны начали появляться позже. Изображения темнокожих Дев с младенцем были почти полностью католическими, хотя по сути оставались языческими идолами.

Большинство мест с Черными Мадоннами ранее традиционно ассоциировались со старыми богинями, такими как Кибела, Диана и Исида, — все они всегда изображались темнокожими. Они вместе с другими подобными им богинями были сначала богинями Луны, божественными женскими образами, проявления которых отражали три главные фазы Луны: новая Луна, или фаза девы; полная Луна, или фаза плодородного материнства; и темная Луна, когда богиня достигает апофеоза, как воплощение мудрости, как старуха-колдунья.

В своей книге «Женская энциклопедия мифов и тайн» Барбара Уокер пишет об универсальности веры в богинь, которые были воплощены в Луне:

«Народ ашанти имел общий термин для обозначения всех божеств: «Бошун» — «Луна». На языке басков для обозначения бога и луны используется одно и то же слово. Индейцы сиу называли ее «Вечная». Правители эритрейской зоны Южной Африки брали себе имя бога «Луна». Гэльское слово, обозначающее Луну «*dealach*» происходит от имени Гала или Галата, Луна-мать гэльских и галльских племен. Второе название Британии — Альбион, молочно-белая богиня Луны. Персы называли Луну Метра (Матра, мать), «чья любовь проникает повсюду»³.

Жрицы культов богинь принимали участие в женских мистериях, посвященных соответствующей фазе Луны, делились секретами менструации, физической любви,

деторождения — и смерти, поскольку женщины, носительницы жизни, всегда признавались и в качестве хранительниц тайны смерти. Подобно Марии Магдалине с ее кувшинчиком мира, они обихаживали смертные останки тех, кого любили и по кому горевали после того, как они уходили из этого мира, хотя на примитивном уровне сознавали, что жизнь вернется, как возвращается весна после зимы.

Уокер пишет далее:

«Ношение полумесяца было видимым знаком поклонения Богине. Вот почему пророк Исаия осуждал женщин Сиона за то, что они носят лунные амулеты (Исаия, 3—18). «Полумесяц, который носит Диана и используется при поклонении другим богиням, считается ковчегом или сосудом типа лодки, символом плодородия, в котором находится эмбрион всей жизни». Этот же Ковчег нес в себе богов, таких как Осирис, в смерть»⁴.

Из всех лунных богинь есть одна, непосредственно связанная с Черными Мадоннами — и, в конечном итоге, с Марией Магдалиной, — прославленная египетская богиня-мать Исида, в чьем ведении находится исцеление и волшебство. Как и Магдалина, она связана с кораблями: она плывет в своей великой божественной лодке, перевозя души человеческие, и вечно ищет свою потерянную любовь и горюет по нему, по Осирису. Подобно любовнице Иисуса Исида связана с Францией: считают, что Париж, город любви, ранее назывался «Para Isidos» — на греческом языке «около Исиды» — и был посвящен именно ей, как и храм, на месте которого был построен знаменитый собор Нотр-Дам. Более того, в церкви Сен-Жермен-де-Пре сохранилась ее статуя, которую в XV веке разбил кардинал Бриконне, оскорбленный тем, что

женщины ставят перед ней свечи и поклоняются точно так же, как Богородице⁵.

Можно было бы предположить, что богиня из отдаленного Египта не окажет существенного влияния на языческие культурные центры Франции, но культ распространился на удивление широко, особенно во времена римского владычества.

Мартин Бернал в своем труде «Черная Афина» (1991) так описывает распространение культа Исиды в Древнем мире:

«Египетской богине-матери Исиде... поклонялись в Афинах с V века, и не только египтяне, но и урожденные жители Афин. Ко II веку до нашей эры около Акрополя уже стоял храм Исиды, и город Афины поощрял культ Исиды в зависимых городах. Даже в Делосе, городе, посвященном Аполлону, был официально признан культ Исиды и Анубиса (ее спутник, бог с головой шакала), хотя город не был связан с царством Птолемея, который к этому времени уже потерял контроль над островом. Во II веке Павсаний, у которого нет упоминаний о других восточных культах, сообщает о египетских храмах и святилищах в Афинах, Коринфе, Тебесе и многих других местах»⁶.

Однако, как пишет Бернал: «Греция испытала только часть волны, захлестнувшей Римскую империю. Например, наиболее важные храмы, найденные в Помпее 79 года — когда город был погребен под слоем вулканического пепла Везувия — были «египетские»... покойные императоры... были страстными поклонниками египетских богов»⁷.

Исиду часто изображали в образе зрелой молодой чернокожей женщины, ее статуэтки всегда вырезали из черного камня. Никаких сомнений относительно цвета

ее кожи нет, никаких торопливых псевдообъяснений о нерадивых уборщиках и копоти от свечей. В одной из своих ипостасей египетская богиня была чернокожей и прекрасной, ее величие неоспоримо верховное.

Хотя Исиде поклонялись как девственности — ученые признают, что от нее Церковь заимствовала идею Марии Богоматери, — для многих тысяч ее поклонников в ней было заключено значительно большее, чем только это. Все древние богини считались таинственной текучей меняющейся сутью женского начала, которая и Девственница, и даже Девственница-Мать — считались олицетворением невозможной, парадоксальной природы всемогущества — но также и естественной матерью, и знающей сексуальные тайны, и олицетворением мудрости пожилой женщины.

Когда мужчины Церкви начали приспособливать и маргинализировать женские аспекты христианства, они обнаружили, что никакие усилия, никакие угрозы не могут отвлечь простого человека от любви к богине — они полностью отвергли явную «христианскую Исиду», Марию Магдалину. Она была слишком губительной для их концепций, слишком могущественной и, возможно, слишком черной. Она должна была исчезнуть или же, поскольку была слишком хорошо известна и любима, превратиться в нечто жалкое, абсолютно бессильное.

Новая Исида

Довольно странно, что мать Иисуса чествуют как полубогиню⁸, поскольку, как насмешливо заметил профессор Мортон Смит в своей книге «Иисус волшебник» (1978): «Нигде не сказано, что Иисус любил ее. Любой герой, который всего дважды говорит со своей матерью и обращается к ней только «Женщина», представляет собой

довольно трудную фигуру для сентиментального биографа»⁹. Но ранняя Церковь столь отчаянно нуждалась хоть в какой-то богине, чтобы уболаготворить массы и привлечь тех, кто испытывал искушение со стороны более эгалитарного гностицизма, что выбрала в качестве нового представителя безопасную утешительницу — женщину, которую Иисус, видимо, не любил, а не более опасную жрицу, которую, как всем было известно, он обожал.

Из двух главных женщин в жизни Иисуса именно Марии-Матери придали не только общий стиль, но и титулы богини Исида. (Обожествление матери лишает спокойствия еще в большей степени, если принять многочисленные слухи о ее реальном статусе, как мы увидим позднее. Возможно, Леонардо в картине «Дева в скалах» был и не так уж не прав.) Поскольку римский мир привык к Исиде в образе женщины с ребенком Гором на руках, то постепенно в течение первого тысячелетия Мария-Мать была вылеплена именно в таком образе, причем совершенно намеренно. Подобно Исиде ее называли Царицей Небесной и Звездой морской (*stella maris*), представляя со звездами вокруг головы и полумесяцем у ног. Но в отличие от Исида, она была исключительно и навсегда Девственница, невзирая на тот факт, что, во-первых, это маловероятно, а, во-вторых, она не девственница даже в соответствии с Новым Заветом, потому что у Иисуса были младшие братья. Апологеты католицизма могут заявлять, что это недоразумение, что его так называемые братья и сестры были на самом деле его учениками, но один отрывок из текста полностью опровергает это:

«Когда же Он еще говорил к народу, Мать и братья Его стояли вне дома, желая говорить с Ним. И некто сказал Ему: вот Мать Твоя и братья Твои стоят вне, желая говорить с Тобою. Он же сказал в ответ

говорившему: кто Матерь Моя? и кто братья Мои? И, указав рукою Своею на учеников своих, сказал: вот матерь Моя и братья Мои; ибо, кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат, и сестра, и матерь»¹⁰.

Здесь он не только молчаливо признает существование своей семьи, но и с гордостью заявляет, что игнорирует семью, поскольку его семья — ученики. По меньшей мере, один из его кровных братьев «Иаков, брат Иисуса» был знаменит сам по себе, став первым епископом Иерусалима¹¹. (И есть вероятность, что он был братом-близнецом.) Но даже сегодня католические авторы отвергают такое толкование Священного Писания — теолог Карл Барт говорит от имени миллионов, когда заявляет: «Для истинной христианской веры весьма важным является согласие с доктриной непорочного зачатия». Сомнение в том, что Мария не была девственницей, считается «оскорблением Богоматери», а это с иронией перекликается с отвращением еретиков катаров к сексуальности и продолжению рода.

Однако в пылу полемики при защите статуса Девы Марии забывают про тот факт, что еврейское слово «*almah*», переведенное как «девственница», в Библии короля Иакова означает всего лишь «молодая женщина». Конечно, даже при правильном переводе этого слова вряд ли кто-нибудь, кроме церковников, узнал бы о различии терминов вплоть до XIX века, поскольку неграмотность была всеобщая, а Церковь к тому же тщательно оберегала священные книги от прочтения, сохраняя их только на латинском языке, массам недоступном. И в наши дни Церковь не поощряет самостоятельное чтение Библии. (Группы обсуждения Библии свойственны только протестантам и независимым Церквям.) Даже в том случае, когда человек читает Священное Писание,

психологическая слепота, следствие многолетнего внушения — явление, которое столь хорошо понимал Леонардо — не дает ему увидеть то, что он видит у себя перед глазами. Мозг отвергает концепции, которые видит глаз, поскольку они считаются неприемлемыми. Как мог Иисус иметь братьев и сестер, если его мать была Святой Девой? Оскорбительные фразы подсознательно вычеркиваются, а та легкая паника, что возникает при столкновении с неудобными фактами, быстро стихает, не оставляя следа в сознании.

Другое наследие тамплиеров

Можно было бы предположить, что культы Черных Мадонн были частью религиозной жизни Франции с тех времен, когда религия Исида процветала в Римской империи, или, по меньшей мере, с первых двух веков христианской Церкви, когда она еще не полностью утвердилась, но это было не так. До появления рыцарей-тамплиеров во Франции существовало очень мало культовых статуй, которые можно назвать Черными Мадоннами. Однако в числе этих немногих статуй одна, как считалось, была привезена самой Магдалиной, хотя не исключено, что это была попытка усилить привлекательность культа задним числом. Или же статуя Черной Мадонны с ребенком просто была изображением Исида с младенцем Гором. Фактически явление Черных Мадонн совпадает с расцветом Ордена тамплиеров с середины до конца XIII века и практически связано с их влиянием.

Рядовые члены Ордена были преданными поклонниками Девы и Иисуса — воплощения, как они верили, сексуальной чистоты, — но внутренняя, эзотерическая группа принадлежала, видимо, к иоаннитам и особо симпатизировала Магдалине. Именно члены этой теневой

эзотерической группы были хранителями секретов Ордена — которые они скрывали в символике великих готических кафедральных соборов, таких как Шартрский. В связи с этим возникает вопрос — какие эзотерические тамплиерские предания воплощены в Черной Мадонне?

Теперь признают, что Исида/Черная Мадонна привязана к одной из христианских Марий: не к Марии Богоматери, но скорее к Марии любовнице — Магдалине. Ян Бегг установил, что не менее пятидесяти центров, посвященных якобы бывшей проститутке, также имеют храмы с Черной Мадонной. В своей книге «Леонардо да Винчи и Братство Сиона. Откровения тамплиеров» мы отметили: «Например, знаменитая черная статуя Святой Сары Египтянки установлена в Сен-Мари де Ла-Мер — в том самом месте, где, как говорят, Магдалина высадилась на берег, прибыв из Палестины. И в Марселе имеется не менее трех Черных Мадонн: одна в склепе базилики Святого Виктора, сразу перед подземной часовней, посвященной Марии Магдалине. Другая стоит в церкви Магдалины в Аи-эн-Прованс (рядом с тем местом, где, как считается, она была похоронена), и еще одна в главной церкви города — Святого Савояра»¹². Есть еще две статуи в приходской церкви деревни Монсежюр, в тени последней крепости катаров.

Исследование Яна Бегга выявило поразительное сосредоточение Черных Мадонн в районе Лион/Виши/Клермон-Ферра на холмах, известных как Монтс-де-ла-Маделин (холмы Магдалины). И повсюду в восточных Пиренеях и Провансе, где бытуют легенды, связанные с ее реальным присутствием, имеется множество статуй Девы с черным лицом и детьми. Ясно, что французы долгое время верили и, возможно, знали что-то, соединяющее Магдалину с языческой богиней и черным цветом кожи.

Хотя эти статуи ассоциируют с Магдалиной, а не с Девой Марией, знаменателен весьма неудобный факт: все они представляют собой изображение матери и ребенка. Образа отдельной женщины нет, как можно было бы предположить для случая Магдалины. С большой долей вероятности эти статуи подтверждают еретическую веру в то, что она родила детей от Иисуса. Одного этого достаточно для того, чтобы Церковь отвергла этот культ.

Большинству людей, не посещающих храмы (и даже некоторым либерально настроенным прихожанам), уже не кажется невероятным то, что у Иисуса и Магдалины могли быть дети. Но гипотеза о том, что она могла быть чернокожей, а ее дети, соответственно, мулатами, несомненно, еще выглядит абсурдной.

Есть еще одна интригующая традиционная ассоциация с Черными Мадоннами, которая, возможно, имеет отношение к этому исследованию. Согласно данным Яна Бегга, важный римский бог Янус, «два лица которого являются обозначением не только его роли как бога начала, смотрящего и в прошлое, и в будущее, но и символом двойственности изначального бисексуального хаоса и тех форм, которые этот хаос породил». Не исключено, что время и обычаи трансформировали Януса в Жана (Джона—Иоанна), «одного из компаньонов Черной Мадонны»¹³. Снова мы видим любопытную подспудную связь Магдалины и фигуры, называемой Иоанн. Поразительно также то, как много церквей, посвященных Марии Магдалине и Крестителю, расположено вблизи друг друга на юге Франции — а в несколько меньшей степени и в других регионах, например на западе Англии. Этот дикарь из пустыни тоже имеет косвенную связь с черной кожей: день усекновения главы этого святого 29 августа — это также день эфиопского вора, ставшего монахом, святого Моисея Черного, окончившего свои дни в дельте Нила;

кроме того, палача Крестителя традиционно изображают негром¹⁴.

Конечно, сами по себе эти ассоциации могут быть случайностью: возможно, праздники двух святых в один день есть простое совпадение, не исключено, что палачом Крестителя действительно был негр, а если это не так, то Церковь могла очернить неизвестного злодея, обезглавившего предтечу Иисуса, изображая его черным в знак черной его души¹⁴.

Если бы не было других причин, вызывающих подозрение, то все это можно было бы отбросить, посчитав домыслами, но — как мы увидим позднее — Церковь взяла на себя грех, совершив преступление против Иоанна Крестителя, по меньшей мере, столь же тяжкое, как и против Магдалины. Они были намеренно задвинуты в тень, эпизоды, связанные с ними переписаны, но при этом с особым тщанием авторы постарались, чтобы читатели Евангелий никогда не могли связать их между собой. Почему? Какая связь была возможна между Магдалиной и Крестителем — особенно такая, что каким-то образом представляла собой угрозу зарождающейся Церкви, — хотя, согласно Новому Завету, нет никаких доказательств того, что они когда-либо просто встречались?

Но снова и снова встречаются следы чего-то тревожного, связывающего их вместе, чего-то такого, в чем авторы Евангелий и старейшины Церкви чувствуют себя виноватыми, выдвигая тщательно обработанную версию своего деяния, как преступник на допросе в полиции. Мы видели, как Леонардо поклонялся, даже любил и Магдалину, и Крестителя, при этом презирая Деву Марию и Иисуса, что, по всей видимости, нашло свое отражение в тайных взглядах внутреннего круга рыцарей-тамплиеров. Хотя Братство Сиона и является современным изобретением, не гнушающимся розыгрышами и шутками —

подобно самому Леонардо, — масонские и квазимасонские группы, действующие под прикрытием Братства, тоже с исключительным почтением относятся как к Магдалине, так и к Крестителю, а к Святому семейству — несколько двусмысленно.

Итак, мы обнаружили, что существует устойчивая, хотя и подспудная, традиция, наделяющая Марию Магдалину черной кожей, а также есть намеки на то, что Креститель тоже относится к той же категории. Напомним, что Магдалину есть основания связывать с черной Исидой, великой египетской богиней эротической любви и волшебства, которая хоронит своего супруга Осириса, умирающего и воскресающего бога, — кстати, его тоже часто изображают черным, — и даже оживляет на время волшебством его мертвое тело. Все это предполагает наличие египетских корней: в Египте Иисус и его семья, как известно, жили (сбежав от избиения младенцев царем Иродом), а там есть город под названием Магдолум.

Хотя Египет — это страна североафриканская, его редко ассоциируют с Черным континентом, однако, разумеется, у него всегда были устойчивые торговые связи с окружающими странами — на наш взгляд уже типично африканскими, — такими, как Эфиопия, где много лет имелась крепость под названием Магдала...

«Темна я, но красива»

Самые ранние — датируемые II веком — христианские комментарии восхитительной ветхозаветной эротической поэзии «Песни Песней» ассоциируют главную героиню легендарную царицу Савскую, царицу Эфиопии (что означает «обожженные лица»), с Марией Магдалиной¹⁵, и эта связь сохранилась до наших дней: вызывающая

воспоминания, проникновенная, но едва понятная. Учитывая чувственный характер этой древней книги, странно, что нижеприведенный отрывок читают в храмах прихожанам каждый год в День Марии Магдалины:

«На ложе моем ночью искала я того, которого любит душа моя, искала его и не нашла его. Встану же я, пойду по городу, по улицам и площадям, и буду искать того, которого любит душа моя; искала я его и не нашла его. Встретили меня стражи, обходящие город: «Не видали ли вы того, которого любит душа моя?» Но едва я отошла от них, как нашла того, которого любит душа моя, ухватила за него и не отпустила его, доколе не привела его в дом матери моей и во внутренние комнаты родительницы моей¹⁶.

Какая связь между кающейся еврейской грешницей и жалобой влюбленной? Не является ли мостом между ними снова богиня Исида? Ведь в легенде о великой египетской возлюбленной/матери рассказывается, как ее возлюбленный Осирис, бог подземного мира (рожденный в день зимнего солнцестояния), был жестоко убит, тело разрублено на куски, которые были разбросаны по всему Египту. Исида в поисках этих частей обошла всю страну, причитая по поводу смерти мужа. Жрица, которая изображала богиню в ежегодной мистерии Исиды, бродила в смятении, плача и причитая: «Они взяли его! Они спрятали его от глаз моих! Молю, скажите мне, где лежит его тело!» Точно так же Мария Магдалина должна была сказать «садовнику», что они украли ее Господина и забрали его в неизвестное место. (Кстати, жрецов Осириса иногда называли «садовниками».)

Но есть еще один подтекст в таинственной связи между эротической «Песнью Песней» Ветхого Завета и Марией Магдалиной Нового Завета. Невеста в «Песне

Песней» говорит о себе: «Темна я, но красива» (в Библии короля Иакова — «Черна я, но красива»); хотя есть некоторые противоречия относительно используемых в переводе слов в негритянских сообществах — некоторые считают, что следует использовать менее обидное «темна я и красива» — но в целом перевод выглядит достоверным¹⁷.

Однако само по себе все это никакого значения не имеет: в еврейском языке для «но» и «и» используется одно и то же слово, поэтому альтернативные переводы являются взаимозаменяемыми. Разумеется, возможно, что изначально виновен был автор, намеренно подразумевая, что привлекательность для чернокожей женщины вещь необычная — «черная, но пригожая» — несмотря на тот факт, что сам Моисей имел жену-эфиопку (или «из Куша») ¹⁸. Еврейский историк Иосиф Флавий утверждает, что великий пророк когда-то жил в Эфиопии¹⁹, хотя о царице Савской он говорит как о «Царице Египта и Эфиопии», ссылаясь на тот знаменательный факт, что древняя Эфиопия была обширной империей, занимавшей большую часть долины Нила, простираясь от Средиземного моря до маленького клочка земли, занимаемого Эфиопией современной, большая часть которого когда-то принадлежала Египетской империи. Эфиопия имеет давнюю традицию могущественных женщин-монархов, цариц-девственниц, которых иногда называли Кандис, включая легендарную царицу-воительницу, имевшую блестящий талант полководца. В 332 году до н. э. она нанесла такое поражение Александру Великому, прервав непрерывную цепь его побед — не говоря уже об ущербе его мужского эго, — что он предпочел остановиться на границе этой страны, не рискуя быть униженным женщиной. Другая царица Кандис вела войны против римлян и была в конечном итоге разгромлена Петронием в столице Напата в 22 году до н. э. Плиний пишет, что во

время экспедиции Нерона через Нубию царица Кандис правила островом Мери, добавив, что «такое имя присваивалось всем царицам этой страны»²⁰. Гораздо позже в Деяниях Апостолов рассказывается, что святой Филипп обратил в христианство и крестил черного казначея царицы Кандис эфиопской, проложив тем самым христианству путь в эту страну²¹.

Считается, что Невеста в «Песне Песней» — это царица Савская Суламифь, царица-девственница, которую соблаговолит царь Соломон, бывший во времена написания этого текста на вершине своей популярности²². Но почему эта ветхозаветная царица должна быть столь тесно связана с новозаветной Марией Магдалиной? Ясно, что здесь мы имеем дело с осознанием, хотя, возможно, и подсознательным со стороны Церкви, что высокая эротичность «Песни Песней» — якобы описывающей страсть царицы Савской к Соломону — находит отзвук в отношениях между Магдалиной и Иисусом. Однако ввиду того, что это объяснение явно неприемлемое, апологеты Церкви из себя выходят, пытаясь объяснить этот текст — некоторые заявляют, что Соломон символизирует Иисуса, тогда как Невеста символизирует его Церковь, хотя вопрос, почему образы должны быть столь чувственны, остается без ответа. (Действительно ли столь необходимо, чтобы Иисус целовал свою Церковь в губы или воспевал ее груди «как двойни молодой серны, пасущейся между лилиями»?) Как мы видели, в словах Суламифи чувствуется отчетливое эхо того, что произносится в мистериях богини Исида, которая отчаянно ищет своего пропавшего возлюбленного, точно так — завершаем цепочку связей, — как Магдалина говорит воскресшему Иисусу, что она не знает, куда они дели его тело.

Имеется также подспудный оттенок черного, подозрение, что этническая принадлежность Марии была несколько иной, чем усердно пытаются нам внушить те, кто

не хочет, чтобы на столь полезный для них образ Спасителя бросила тень ассоциация с ней. Каковы же другие возможные связи с могущественной и загадочной царицей Савской, возлюбленной Соломона и матерью его ребенка?

Царица Юга

История о том, как «черная, но пригожая» царица встретила и полюбила царя Соломона (или, по меньшей мере, безропотно была совращена им, в зависимости от толкования этой истории) в его великолепном дворце в Иерусалиме, рассказана в «Песне Песней», в Первой книге Царств*, и Паралипоменоне Ветхого Завета, и в эфиопской саге XIV века «Кебра Негаст» («Слава царей»).

Самый ранний вариант истории сохранился в Ветхом Завете. Там описывается, как царица, привлеченная ставшей легендарной репутацией Соломона, прибыла в его дворец с великолепным караваном из 797 верблюдов. Каждый верблюд был нагружен пряностями и драгоценными ароматными маслами, которыми столь славилась Эфиопия, а также подарками, поразившими как царя, так и его придворных²³. Считается, что только золота в караване было в современном исчислении на 3 690 000 долларов²⁴.

Эта прославленная царица, усыпанная драгоценностями, источающая роскошные ароматы, сопровождаемая огромной свитой, явно была сенсацией, быстро превратившейся в легенду не только при дворе царя Соломона, но и в других странах Среднего Востока. Сила этой легенды такова, что до сих пор ее именем пользуются, чтобы

---

* На самом деле царица Савская упоминается в Третьей книге Царств 10:1—13. (Прим. пер.)

продать тысячи продуктов, призванных обеспечить красоту миллионам женщин по всему миру, как всегда, страстно желающих приобщиться к ее чарам.

Свидетельством ее поразительного обаяния служит тот факт, что она упоминается в Коране, на нее ссылаются Иисус и, по крайней мере, четыре современные страны пререкаются по поводу доказательств, чья история может ею гордиться. Даже в наше время мужчины бьются из-за нее.

Археологи и историки сошлись на мнении, что Савская не было именем собственным, но названием страны — Сава — на юго-западе Йемена, где великая царица правила в X веке до н. э. Некоторые заявляют даже, что нашли в пустыне руины древнего города Савы, сказочного Мариба, хотя политическая напряженность в этом регионе не позволяет вести продолжительные раскопки. Есть много доказательств, что там правила эта легендарная женщина, империя которой датируется библейскими временами, — ее имя предположительно было Балкис, хотя полной определенности в этом утверждении нет. Тот факт, что царица Савская в I веке ассоциируется с Аравийским полуостровом, нашел отражение в пророчестве Иисуса о ней: «Царица южная восстанет на суд сыном сим и осудит его, ибо она приходила от пределов земли послушать мудрости Соломоновой; и вот, здесь больше Соломона»²⁵. Ссылка на Соломона с достаточной легкостью позволяет судить, о какой царице идет речь, а Югом во времена Иисуса называли Йемен.

Хотя ее царство в пустынях Аравии было могущественным, судьба ее была связана с путешествиями, и не только на север ко двору царя Соломона. Как утверждает «Кебра Негаст»²⁶ — в которой она названа «Македа», или же, знаменательно, «Магда», что может означать просто «Великая», — она вернулась в Эфиопию, где обнародовала, что носит в себе ребенка Соломона, которого

после рождения она назвала Менелик («сын мудреца»). Согласно арабскому варианту, по прошествии нескольких лет мать с ребенком оставили Йемен и отправились в Эфиопию, где исчезли из поля зрения письменных источников. Считается, что ими основана династия Давида, которую многие считают святой. Свергнутая в XIII веке полуязычником Адоисом, который вел свой род от Моисея²⁷, династия Давида/Соломона через несколько лет была восстановлена на троне великим царем Аалибела, самым прославленным монархом династии, который построил поразительную группу храмов, высеченных в цельной скале в городе, который теперь носит его имя.

Все это было отдаленным будущим в то время, когда царица Савская исчезла в пыли Эфиопии. Ее дальнейшая судьба окутана тайной, хотя команда британских археологов из университета в Борнемауте, работавшая под руководством археолога доктора Патрика Дарлинга, считает, что обнаружила место ее возможного захоронения — запрятанное в джунглях Эредо, недалеко от столицы Лагоса, рядом с древними руинами величественных сооружений²⁸. Эти сооружения, не столь изысканные, как всемирно известные пирамиды Гизы, потребовали от строителей перемещения 3,5 миллиона кубометров земли для постройки массивных валов — на один миллион кубов больше, чем было использовано при сооружении Великой пирамиды.

Патрик Дарлинг восторженно говорил перед аудиторией Би-би-си: «Мы не утверждаем, что нашли город, но это явно пограничный вал огромного царства». Этим царством было Иэби, которым одно время управлял Авуаль, великий духовный лидер, чье слово было законом. Размеры сооружения поражают: доктор Дарлинг говорит: «Ров с вертикальными стенками протянулся по кругу на сто миль и был создан более тысячи лет назад. Это является самым ранним свидетельством существования царства, основанного во влажных джунглях Африки»²⁹.

Эта команда археологов выдвинула увлекательную гипотезу об исторической связи между этими руинами в нигерийских джунглях и легендарной царицей Савской, или Балкис. Патрик Дарлинг говорит, что аборигены, живущие около Эредо, связывают это место с Бианкиси Сангбо — так они называют царицу Савскую — согласно местному преданию великая царица соорудила неподалеку обширное место погребения. Даже сейчас тысячи людей совершают паломничество к месту, которое считают могилой царицы Савской и которое описывают как «волшебную храмовую рощу под высокими деревьями»³⁰.

Хотя Африка постоянно фигурирует в легендах о царице Савской, но в них нет упоминания о том, какого цвета была ее кожа. Обитатели Нигерии, разумеется, отличаются исключительной чернотой, в Эфиопии живут люди с темной кожей (темно-бронзового цвета), но если родиной царицы Савской была Аравия, то, вероятно, сама она имела семитскую внешность: блестящие черные волосы, нос с горбинкой, пышная фигура и оливковая или светло-бронзовая кожа. Тем не менее в «Песне Песней» она недвусмысленно говорит о себе как о чернокожей («темная, но пригожая»). Кроме того, царицу Савскую — по причинам, которые еще только предстоит выяснить, — связывают с Черными Мадоннами через Марию Магдалину. Как эта арабская царица оказалась черной — может быть, авторы Ветхого Завета перепутали ее пребывание в Эфиопии с местом ее рождения? В любом случае, ученые всегда категорически утверждали, что государство Сивы оказывало существенное влияние на Эфиопию, а не наоборот (хотя это может быть всего лишь очередным примером сложившегося в академических кругах отрицательного мнения о достижениях Черной Африки).

Хотя обитатели Савы происходили из Аравии, предполагается, что многие из них эмигрировали в Эфиопию между 690 и 590 годами до нашей эры³¹ и вернулись, по

меньшей мере, двумя волнами, состоявшими уже из потомства от смешанных браков. Конечно, эти даты не имеют отношения к царице Савской, которая жила на пять сот лет раньше и не могла быть связана с этими волнами эмиграции, но даже мимолетный взгляд на географическую карту показывает, что Баб-эль-Мандебский пролив представляет собой самое узкое место Красного моря между Аравией и Эфиопией и не мог быть серьезным препятствием для торговцев и мигрантов. Поэтому, несмотря на устойчивое мнение западных ученых, что движение было только в одном направлении, даже простой здравый смысл позволяет считать, что здесь веками могла идти взаимная торговля в обоих направлениях. Основываясь хотя бы только на географической близости, можно сказать, что царица Савская вполне могла быть чернокожей.

Свидетельства в историях о Граале

Некоторые данные содержатся в «Персивале», истории Грааля, созданной в XIII веке Вольфрамом фон Эйшенбахом, самым ревностным тамплиером из всего благородного сословия. Но, как установил Грэм Хэнкок в процессе поиска сказочного Ковчега Завета в Эфиопии в 80-х годах, в «Персивале» тоже содержатся завуалированные намеки на легенду о царице Савской. В своей книге «Ковчег Завета»* (1992) этот британский писатель указывает, что в одной из начальных глав истории Грааля упоминается отдаленная земля, называемой «Зазаманк», где люди «черны как ночь»³². Далее в этом произведении говорится о том, как французский дворянин

---

* На русском языке эта книга выходила в изд-ве «Эксмо» в 2006 г. (Прим. ред.)

Гамурет из Анжу отправился в эту экзотическую страну и влюбился в царицу Белкан, чье имя кажется Хэнкоку сплавом имен Македа и Балкис, что, вероятно, отражает любовь Вольфрама к неологизмам. В любом случае, как заметил Хэнкок, «поэт называет ее «темной царицей»³³.

Вольфрам постоянно подчеркивает расовое различие между героем и его возлюбленной. Французский рыцарь «белокур» — факт, который слегка тревожил Белкан, поскольку она говорит своим служанкам: «Его кожа по цвету отличается от нашей. Я надеюсь, что это не поссорит нас с ним». Если ее темная кожа и была проблемой, то она была устранена раз и навсегда, когда она «разоружила его своими темными руками» на огромной, устланной мехами кровати, и они соединились в страстной любви, «хотя столь разной по цвету была их кожа»³⁴.

Хотя любовники поженились и «темная леди была ему дороже жизни», Гамурет покинул ее, когда она была беременной, якобы потому, что она не была христианкой. Явно оправдываясь, он заявляет: «Как много невежественных людей подумает, что бежал я от ее темной кожи, но в моих глазах она была столь же сияющей, как солнце!» О ребенке, который родился от этого союза, сказано, что кожа у него была «пестрая», поскольку «Господу было угодно сделать из него чудо, поэтому он был одновременно и черным, и белым...». Далее рассказывается, как Белкан целовала «белые пятна» своего сына, у которого «волосы и вся кожа были окрашены по-разному, как у сороки», — наглядный способ метафорического описания ребенка с разными расовыми признаками. Подчеркивает это и имя ребенка: его назвали Фейрфиз, от французского словосочетания «*vair fils*», которое имеет двойное значение «истинный сын» и «пегий сын» — и то и другое толкование приемлемо. Герой Персиваль, сводный брат Фейрфиза, сын Гамурета и французской (и, следовательно, белой) королевы, что может быть

поклоном расовой чувствительности европейских читателей Вольфрама. Как иронически пишет Хэнкок:

«Меня... не удивил тот факт, что не Фейрфиз был избран на роль искателя Грааля, не Фейрфизу выпала честь найти драгоценную реликвию. Такой исход был бы слишком прямым и очевидным указателем. И, кроме того, Вольфрам не мог позволить себе возвести полукровку, сына черной царицы, в сан героя в поэме, созданной для развлечения европейских христиан Средневековья»³⁵.

Подобно большинству произведений тамплиерской литературы о Граале, героический эпос Вольфрама можно читать на нескольких уровнях. Первый уровень, и это очевидно, экзотерический приключенческий роман, поиск Грааля Персивалем — предтечей Индианы Джонса — и его приключения на этом пути. Но есть и не связанная с основным сюжетом побочная линия — о любви его родителей, представляющая собой явное эхо легенды о союзе Соломона и царицы Савской и о рождении их сына Менелика, основателя великой царской династии в Эфиопии.

Хотя царица Савская была известна в Европе как библейский персонаж еще до XIII века — когда поэма Вольфрама получила распространение среди грамотных людей, — только после ее написания связь царицы с Эфиопией стала известна во Франции и других странах. Произошло это, как показал в своей книге «Ковчег Завета» Грэм Хэнкок, потому что тамплиеры часто путешествовали в отдаленные страны в поисках Ковчега Завета и других священных сокровищ. Они оставили следы своего присутствия в виде нескольких характерных круглых церквей и привезли с собой в Европу эфиопские образы. Две статуи царицы Савской украшают внутреннее

убранство великого готического кафедрального собора в Шартре, вершине священной архитектуры Запада, созданной под влиянием тамплиеров: одна статуя над южным портиком изображает ее с цветком в руке, другая — над северным портиком — стоящей над склонившимся «негром» или «эфиопским рабом»³⁶, хотя сама она имеет внешность европейскую, что с почти стопроцентной уверенностью следует отнести за счет расовой дипломатичности.

Приблизительно в то же время, когда строился Шартрский собор, начали появляться статуи Черных Мадонн во Франции... Видимо, во время своего пребывания в Африке тамплиеры узнали, что царица Савская была не только черной эфиопкой, но также главной фигурой в неких эзотерических знаниях — стала известной ее связь с языческими богинями, в частности с Исидой, и с Марией Магдалиной.

В «альтернативной» литературе и трудах еретиков есть и другие свидетельства связи между легендой о царице Савской и тайной отворачивания Церкви к семейству из Вифании. Знаменательно, что авторы книги «Святая Кровь и Святой Грааль» привлекают наше внимание к запутанной родословной потомков Персиваля и отмечают, что, согласно «Perlesvaus», она восходит к «Laziliez», «чьими родителями были Мазадан и Терделашой» [Земля обетованная]. Это заводит нас довольно далеко, поскольку для свежего взгляда Мазадан выглядит почти анаграммой «Зазаманк» Вольфрама, страны темнокожих, где Гамурет встретил свою возлюбленную черную невесту, но Мазадан — особенно если прочитать вслух — напоминает также о «Македа», эфиопском имени царицы Савской.

Мать «Laziliez» Мазадан, по всей вероятности, символизирует черную страну, которая — как отражение легенды о Соломоне и царице Савской — соответствует

имени отца «Земля обетованная». Однако есть еще более интригующие связи между линиями: сын Мазадан и Терделашоя назван «Laziliez», что позволяет предположить еще одну линию символики. Вне сомнений, это очевидный вариант еврейского имени Елиазар — в греческом варианте — Лазарь, другими словами, зашифрованная ссылка на возлюбленного Иоанна, брата Марии Магдалины, который жил с ней в Вифании, тот, личность которого Церковь столь старательно пыталась скрыть. Даже сегодня разные имена Иоанна (особенно на еврейском языке) известны только теологам, студентам и исследователям, которые посвящают свое время изысканиям необычных фактов, поэтому возникает вопрос: каким образом в те дни, когда создавались истории о Граале и дисциплина «исторические исследования» была неизвестна, эти авторы узнали о них? Может быть, для «глаз, которые хотят видеть», имелись «потерянные» Евангелия, запрещенные тексты — или, по меньшей мере, интересная тайная информация? Тот факт, что даже еретики считали нужным зашифровать подобным образом имя Иоанна, позволяет предположить, что они понимали: нечто, касающееся его самого и его семьи, не следует делать общедоступным.

Нельзя забывать, что легенда о Граале в изложении Вольфрама была по сути пропагандистским материалом тамплиеров, и Вольфрам вряд ли упустил малейшую возможность представить, хотя бы подспудно, собственное мнение Ордена о мифах и религии. Зная о пребывании тамплиеров в Эфиопии и в Святой земле и их поклонении тайной христианской богине, можно предположить, что средневековая поэма Вольфрама представляет собой умный сплав легенды о царице Савской и Соломоне и истории Иисуса и Марии Магдалины. А может быть, он воспользовался ветхозаветной легендой в качестве литературной основы, с помощью которой можно было

выказать глубоко еретические идеи о двух совершенно разных религиозных персонажах? За увлекательной историей царицы Савской скрывалось тайное знание тамплиеров: Христос, царевич из Земли обетованной, имел невесту или возлюбленную из страны, где жили черные люди. И эта женщина не была простой: она была царицей или, по меньшей мере, благородного происхождения. Не намекал ли Вольфрам и его сподвижники на высокий статус Марии Магдалины? Ее высокое положение объясняет наличие богатства, необычную уверенность в себе и нежелание радостно подчиняться дуракам. В этой романтической истории заложено и другое предположение: если Мария действительно была чернокожей и благородного происхождения, тогда ее брат Иоанн Возлюбленный — он же Лазарь, он же Елиазар — должен иметь те же расовые признаки и голубую кровь.

Даже в Новом Завете встречаются намеки на статус Магдалины. Обратите внимание, если царицу Савскую называли «Македа» или «Магда» в Эфиопии, то в Новом Завете использовано любопытное определение «Мария (называемая Магдалиной)». Может быть, обе женщины, разделенные тысячелетием, имели, по сути, один и тот же титул, означающий в Эфиопии «величие» женщины? Можно считать, что Магдалина и другие женщины финансировали деятельность Иисуса, что подразумевает их высокое благосостояние. Действительно, при иерархической культуре мышления имя Марии всегда стоит на первом месте, даже при том, что другая женщина из этого списка, Иоанна, была замужем за главным управителем царя Ирода Чузой³⁷. Из этого мы делаем вывод, что Магдалина занимала более высокое социальное положение по сравнению с супругой наивысшего по рангу придворного, но также с финансовой точки зрения не зависела от какого-либо мужчины. Видимо, она была достаточно щедрой по отношению к своему возлюбленному:

Иисус, хотя и «не задумывался о завтрашнем дне», живя за счет гостеприимства своих учеников, когда путешествовал по стране, был достаточно обеспечен, о чем свидетельствует тот факт, что центурионы играли в кости на его одежду — значит, она того стоила, на тряпки странствующего бродяги римляне играть бы не стали. Конечно, на Иисуса произвела впечатление легенда о царице Савской, и он считал ее имеющей отношение к своей миссии, поскольку сказал: «Царица южная (Савская) встанет на суд с родом сим и осудит его, ибо она приходила от пределов земли послушать мудрости Соломоновой; и вот, здесь больше Соломона»³⁸. Если Иисус говорит о себе — а, видимо, так оно и есть — «больше Соломона», то кто же среди учеников царица Савская? Кто, подобно царице Савской, посетившей Соломона, пришла «от пределов земли» послушать мудрости Его? Возможно, сравнение с царицей Савской не было простой лестью по отношению в женщине, сидевшей по правую руку от него, когда он говорил; может быть, Иисус действительно видел в Марии другую царицу Савскую? Если верить гностическим Евангелиям, ученикам требовалось резкое напоминание о том, что к ней надо относиться всерьез. О легендарной ли царице говорил Иисус или угрожал ученикам «судом» Магдалины? В другом случае он назвал себя женихом, что для его еврейской аудитории означало сравнение с Соломоном из «Песни Песней». Снова он намеренно сравнивает себя не просто с царем, но с царем, имеющим отношение к черной царице.

Гностики предоставили и другие данные о характере взаимоотношений Иисуса и Марии, а также, вероятно, об ее этническом происхождении. Одним из самых позорных имен в истории ранней Церкви было имя Симона Мага, который был заклеямен как «первый еретик», шарлатан, пытавшийся купить Святой Дух, чье дешевое языческое волшебство одолела божественная сила святого

Петра. Не исключено, что это еще один пример кампании Церкви по дискредитации соперника, поскольку Симон во многих аспектах был зеркальной копией Иисуса, творил чудеса и ему поклонялись, как богу. Церковь любыми средствами должна была разделить во мнении людей Иисуса, Сына Бога, и Симона, олицетворение зла.

Маг Симон путешествовал с женщиной по имени Елена, которая, как утверждается, была проституткой. Он называл ее «Первая Мысль» («Еρποία»), Мать Всего или земное воплощение Софии — точно так же, как Иисус присвоил Марии Магдалине титул «Все», и в гностической книге «Пистис София» о Магдалине говорится как о воплощении мудрости. Джен Ромер в своей книге «Завет» прямо указывает на эту параллель: «Елена проститутка», как называли ее христиане, была «Марией Магдалиной» Симона Мага³⁹.

Симон основал собственную секту, основанную на концепции, что Мудрость была женщиной — и при этом проституткой, — а человек может найти спасение через священнодействие ритуального секса. Но Елена Симона интересна нам и по другим причинам. Как пишет Хью Шонфильд, «Симонианцы поклонялись Елене как Афине (богине Мудрости), которая, в свою очередь, в Египте отождествлялась с Исидой»⁴⁰. Его поддерживает профессор Карл Ракерт, который прямо заявляет, что концепция Симона «Первая Мысль», воплощенная в Елене, восходит к Исиде⁴¹.

Более того, в апокрифическом источнике (датированном около 185 года) дано описание Елены, этого зеркального отражения Марии, в сексуально чувственном, манящем виде «танцующей в цепях...»⁴². (Такой спектакль должен был оказывать возбуждающее действие в однообразных, ведущих монотонную жизнь деревнях Среднего Востока — возникает искушение предложить гипотезу, что и группа Иисуса практиковала подобные

же методы для того, чтобы привлечь внимание.) Однако главное в другом: о ней говорится, что она была «черна, как эфиопка»⁴³. Возникает вопрос: насколько точным было подобие между Еленой и Магдалиной? Количество других намеков и гипотез дает возможность предположить, что подобие распространялось и на цвет ее кожи.

(Согласно не-каноническим источникам, у Мага Симона был и другой сюрприз — некоторые сочтут его шокирующим, — мы его обсудим в следующей главе.)

Мария из Магдалы

Веками церковная пропаганда внушала поколению за поколением, что нельзя подвергать сомнению считающееся словом Бога Священное Писание, которое никогда не лжет и никогда не искажает правды. Но как только возникло понимание того, что Новый Завет представляет точно такой же образец политической и религиозной пропаганды, как любой другой древний — или даже современный — текст, то немедленно стали появляться альтернативные толкования. Из фрагментарных, зачастую намеренно отодвинутых в тень отрывков возникает наводящая на размышление гипотеза о Магдалине из Эфиопии, а не о проститутке с берегов Галилейского озера, как это принято считать.

Великий арабский город царицы Савской назывался Мариб, что включает корень имени великой богини — Мари — любимое имя для девушки на Ближнем и Среднем Востоке. Возможно, царица назвала свой город в честь богини моря — может быть, оно было одним из ее собственных первых имен или титулов, подобно тому, как римские императоры присваивали себе титулы богов. Но связь между именами «Мари — Мириам — Мария» и классической богиней для некоторых очевидна. Барбара

Д. Уокер верит: ни Мария, Богоматерь, ни Мария Магдалина на самом деле не существовали, поскольку они слишком точно укладываются во все мифические требования, предъявляемые богине:

«Отцы Церкви всегда сопротивлялись поклонению Марии, поскольку отлично знали, что она представляет собой собирательный образ Марианны, семитской богини-матери и Царицы Небес; Афродиты-Мари, сирийского варианта Иштар; Юноны, благословенной Девственницы; Исиды как Стеллы Марис, Звезды Моря; Майи, восточной Девственницы-Матери Испупителя; трех Мойр или триединства Судьбы, и многих других ипостасей Великой Богини»⁴⁴.

Но нет сомнений, что Магдалина действительно существовала, иначе зачем творцы мифов создали образ такой необычно вздорной женщины и поместили его в нетерпимую к женщинам среду Палестины I века в противоречие тому, что можно было бы ожидать от этой культуры? Зачем гностикам было изобретать неудобный факт враждебности Симона Петра к ней? Выглядит совершенно естественным, что реальная женщина была названа в честь богини, но ей также была оказана честь стать «Магдалиной», «великой» или «великолепной» вследствие собственных деяний и слов. Но откуда появилась Мари-богиня, Мария — черная царица Юга? Как мы уже отметили, есть другая, возможно, побочная линия связи между Марией Магдалиной и Эфиопией. Многие годы отдаленный скалистый холм в районе Амхара в центральной Эфиопии называли Магдала — и даже после переименования осталась некоторая память о возлюбленной Иисуса, поскольку это место теперь называют Амба-Мариам. Хотя современные жители Эфиопии поклоняются, как правило, Марии-Богоматери, но сопоставление

древнего и современного имени позволяет предположить связь этого места с другой Марией. Хотя очень трудно узнать что-либо об истории этого места до середины XIX века⁴⁵, видимо, оно имеет давнюю ассоциацию с Магдалиной. В связи с этим возникает вопрос: а не было ли это место родиной «царицы Юга» Иисуса, которое она оставила по каким-то личным причинам, чтобы перебраться в Вифанию — через Египет — вместе с братом Лазарем и сестрой Марфой?

Процесс извлечения связной картины из материала, который подвергался многолетней цензуре, и из подпольных еретических текстов может принести неожиданные плоды, но в равной степени на этом пути могут оказаться и ловушки, которые ведут в тупик. Соединение Эфиопии с Магдалиной и с поэмой о Граале, с легендой о царице Савской, увлекательная магия топонимики — очень интересное построение, но в нем могут оказаться уязвимые места. Черные Мадонны могут указывать на расовую принадлежность Марии Магдалины, но с равной вероятностью могут оказаться пережитком культов языческих богинь, особенно египетской Исиды. Вместе с тем эфиопские легенды — хотя, что знаменательно, не Ветхий Завет — твердо указывают на то, что Соломон уговорил царицу Савскую отказаться от язычества в пользу иудаизма, поэтому как эфиопская Магдалина могла стать столь любимым еретиками воплощением Исиды? Хотя древняя Эфиопия включала в себя часть той территории, которую мы теперь называем Египтом, трудно понять, как можно примирить поклонение языческой богине с легендой, в которой сказано, что царица Савская была обращена в иудейскую веру.

В таких эфиопских легендах, как «Кебра Негаст», прямо говорится, что царица Савская сначала молилась солнцу и луне, но была обращена в иудаистскую религию Соломоном.

Кажется, это разрушает одним ударом гипотезу о том, что Магдалина была частью предания об эфиопской богине, которое связано — или даже включает в себя — Македу/Магду, великую царицу Савскую, и отвергает всякую духовную общность с египетским культом Исиды. Однако все не так, как кажется на первый взгляд, поскольку, углубившись в материалы, встречаешь поразительный факт: даже великий царь Соломон поклонялся богине...

ВОЗВЫШЕНИЕ И ПАДЕНИЕ ЖЕНЫ БОГА

Образ неизвестной Магдалины, который постепенно возникает при анализе различных источников — гностических и еретических текстов, французских легенд о Граале, легенды о царице Савской, рассказов о Черных Мадоннах и даже преданий церковных, — конечно, интересен и даже волнующ, но зачастую противоречив. То она кажется своего рода языческой жрицей, связанной в умах тамплиеров и последователей ее культа во Франции с такими древними богами, как Исида, и в то же время у нее, несомненно, были и еврейские корни. Ее роль жрицы, посвящающей через сексуальный ритуал в таинства, а также центральной участницы «hieros gamos» находится в противоречии с эфиопской легендой, согласно которой царица Савская была обращена Соломоном в иудаизм, — и, разумеется, в противоречии с гипотезой о Магдалине — Апостоле Иисуса, еврейского Мессии в центре земли Храма Иерусалимского. Как можно примирить язычницу, поклоняющуюся богине Магдалину со столь патриархальной религией?

Прежде всего следует сказать, что обращение царицы Савской в иудаизм не отражено в Ветхом Завете, хотя могло бы стать предметом гордости, знаком превосходства Яхве над языческим поклонением солнцу и луне — однако в Книге Царств мы читаем: «Царица Савская, услышав о славе Соломона во имя Господа, пришла испытать его загадками»¹, это показывает, что целью ее путешествия было обретение религиозной мудрости и знаний о путях Яхве — и в этом она разочарована не была,

поскольку «...объяснил ей Соломон все слова ее, и не было ничего незнакомого царю, чего бы не изъяснил ей»². Очевидно, Соломон убедил царицу Савскую и обратил в иудаизм той формы, которой придерживался сам, поскольку мы читаем в «Кебра Негаст», как царь страстно повествовал иностранной языческой царице о своем Боге в такой речи:

«Истинно говорю, правильно, что человек должен молиться Богу, Кто создал Вселенную, Небеса и Землю, Море и Сушу, Солнце и Луну, Звезды и яркие тела Небес, деревья и камни, зверей и пернатых, ДОБРО и ЗЛО. Ему одному мы должны поклоняться со страхом и трепетом, с радостью и восторгом. Поскольку ОН есть Владыка Вселенной, Творец Ангелов и Людей. Это Он, кто убивает и дарует жизнь, наказывает и проявляет милосердие, кто возвышает и свергает. Никто не может возразить Ему, поскольку ОН есть Владыка Вселенной, и нет никого, кто бы мог сказать Ему «Что же Ты сделал?». Правильно, что к Нему должна быть обращена хвала и благодарность от ангелов и людей. Истинно говорю, дан был нам Храмовый Шатер Бога Израиля, который был создан до Сотворения по его чудесному совету. И Он даровал нам Его Заповеди начертанные, чтобы знали мы Его законы и приговор, что предписал Он на Святой Горе Его»³.

Искренность и гордость, сила и ясность характерны для этой речи: ни один имам столь полно не восхваляет Аллаха, ни один христианин-фундаменталист не исполняет гимна Иисусу на небесах с такой страстью, идущей от сердца. Более того, ответ царицы Савской выглядит однозначным:

«С этого момента я не поклоняюсь солнцу, но молюсь Творцу солнца, Богу Израиля. И этот Храмовый Шатер

Бога Израиля для меня, и моего потомства после меня, и для всех царств, которыми повелеваю я. И благодаря этому я заслужила благосклонность твою, и Бога Израиля моего Творца, кто привел меня к тебе, дозволил мне услышать голос твой, показал лицо твое и даровал мне понимание заповедей твоих»⁴.

Судя по тону, в котором произносится гимн Богу Израиля Соломоном и царицей Савской, возможность какой-либо связи между иностранной царицей и Марией Магдалиной быстро тает без следа. Но относительно этой частной линии расследования, вероятно, еще не все потеряно. Возможность снова возникает при открытии, что, несмотря на все свои монотеистические речи, даже великий царь Соломон был также и поклонником богини и не таким уж страстным приверженцем «одного истинного Бога», как уверяют нас и Ветхий Завет, и «Кебра Негаст». Представляется, что более поздние авторы Евангелий не имели монополии на использование письменного слова в целях религиозной и политической пропаганды.

Забывтое женское начало

Точно так же, как главное течение христианства отвергло женское начало (за исключением своей выхолощенной богини, женщины-евнуха в форме Девы Марии), так и иудаизм предпринял активные действия, чтобы полностью отвергнуть и изгнать своих древних богинь. В своей книге «Еврейская богиня» (1990) американский академик Рафаэль Патая суммировал подозрения многих объективных исследователей, которые возникали при рассмотрении явной аномалии древней религии, не имеющей богини: «В связи с общей физиологически обоснованной предрасположенностью человека к вере и поклонению богиням, странно, что еврейская религия, иудаизм, которая

веками процветала в регионе популярных культов богинь, осталась ими не затронутой»⁵. Оказавшись перед лицом образа, в котором иудаизм предпочитает подавать себя, Патай пишет далее:

«Вот картина, которая предстает перед человеком, когда он начинает рассматривать еврейскую религию через поляризующую призму Моисеевых законов и поучений пророков. Бог явил себя последовательно Адаму, Ною, Аврааму, Исааку и Иакову и дал свои заповеди Моисею на горе Синай. Библейская религия выглядит универсальным монотеизмом, отлитым в жесткую юридическую форму»⁶.

Патай указывает⁷, что Бог, будучи чистым духом, стоит над земным разделением на мужской и женский пол, но израильтяне постарались ограничить природу Яхве агрессивно и бескомпромиссно мужскими терминами. Единый истинный Бог стал «Властелином Вселенной», «Владыкой толп» и «Воителем», в результате чего роль женщины в религиозном поклонении была сведено к нулю, и — поскольку любовь и уважение к великой женщине вызывает такие же чувства по отношению к женщине земной — при исчезновении богини все женское становится подозрительным и нечистым. Когда Моисей готовил израильтян к восприятию слова Бога, он отдал недвусмысленный приказ: «не подходить к какой-либо женщине»^{8,9}, что означало: женщины это не только изначальное табу, но и откровения Бога не предназначены для женщин племени. Карен Армстронг пишет в своей книге «Конец молчания. Женщины и духовный сан» (1993), «святости Бога было предопределено быть несопоставимой с присутствием женщины» и затем спрашивает: «Разве еврейские женщины были на самом деле включены в Завет?»¹⁰.

Однако, судя по открытиям при раскопках в Угарите (современное название Рас-Шамра) в северо-восточном

углу Средиземноморья, против всех ожиданий оказалось, что женщины занимали достойное место в ранней еврейской религиозной практике, поскольку, согласно надписям на табличках XIV века до н. э., все верили, что у Яхве была невеста. Названная прямо «женой Эля» (Владыки) и даже «Прародительницей Бога», она таким образом как бы хронологически предшествовала Богу и метафорически была выше его по статусу — богиня плодородия Ашерат (или Ашерах) занимала особое место в сердцах и умах своей еврейской паствы. Без сомнения, она правила рядом со своим супругом как равная верховная богиня целых 600 лет после появления израильских племен в Ханаане¹¹, хотя в пантеоне были и другие бесстыдно языческие священные особы, включая бога Ваала, который часто предстает в Ветхом Завете как чужестранная мерзость.

Ашерах правила многими близлежащими землями под различными именами: табличка XIV века до н. э. из Амарны (письмо ханаанского чиновника своему господину фараону Египта) показывает, что она и более знаменитая богиня Астарты были богинями взаимозаменяемыми¹². Она столь сильно укоренилась в культуре того времени, что Элат на южном побережье Акабского залива, возможно, был назван в ее честь¹³, и она прокралась даже в Ветхий Завет Яхве — например, в «Бытии» Лия называет сына своей служанки Зилпах Ашер¹⁴, хотя ассоциация с Великой богиней намеренно затушевывается.

Секрет Соломона

Будучи далеко не тем прозелитом Яхве, каким представляет его пропаганда иудаизма (израильская или эфионская по происхождению), Соломон был явно оболыщен тайнами языческих богов, включая Великую богиню.

Современник упрекает царя за то, что «сердце его не было полностью отдано Яхве, Богу его»¹⁵, потому что царь «делал то, что было злом в глазах Яхве, не был столь полно ему предан, как его отец Давид»¹⁶ — образ, значительно отличающийся от того, что проповедует «Кебра Негаст» или современные еврей-ортодоксы. В противовес тому, что Соломон обратил царицу Савскую в монотеистическую религию, одна из его языческих жен, видимо, сделала обратное — это была жена по «удачному политическому браку», дочь фараона, связанная с городом Сидоном, раскрывшая ему глаза на прелесть поклонения «богине Сидона» — или Ашере, вскоре появившейся рядом со своим супругом Яхве. Как пишет американский ученый Уильям Дж.Денвер:

«Недавние археологические открытия дали в первый раз текстовое и изобразительное подтверждение идентификации Ашеры в качестве супруги Яхве, по меньшей мере в некоторых кругах древнего израильского общества... Мы можем сделать вывод, что культ Яхве был связан с культом Ашеры и в некоторых кругах богиня считалась его супругой»¹⁸.

То, что простым верующим иудеям был известен образ жены Бога, нашло свое отражение в обычном благословении времени Соломона: «Да будет благословенен (имя) Яхве и его Ашерой»¹⁹, а это предполагает, что культ богини был распространен достаточно широко и был близок сердцам израильтян. Даже через несколько веков «цари IX века до н. э.» вводили официальный культ плодородия в ее честь в полном составе со «священными жрицами»²⁰.

Доказательства того, что сам Соломон поклонялся другим богам и особенно Ашере — если в них еще есть необходимость, — можно найти в убранстве его

легендарного Храма, который, как считается, был построен в честь одного только Яхве. Тогда как у отдельных людей были амулеты в виде статуэток Великой богини плодородия, которые держали в домах или в храмах, на вершинах холмов или в священных рощах, в официальный пантеон она вошла через две огромные колонны внутри Храма, на которых было также изображение священного солнца и много «странных алтарей»²¹. Несмотря на тщательно вычищенный образ, Соломон, видимо, не был монотеистом и ни психологически, ни духовно не чуждался любви к Великой богине.

Ашер была столь могущественной богиней, что предполагают, будто два священных камня, которые, как говорят, содержались в легендарном Ковчеге Завета, изначально «символизировали Яхве и... его супругу»²².

Страстный яхвист царь Аса в гневе удалил эти свидетельства поклонения Богине, но они появились снова даже в Храме и были окончательно уничтожены царем Иезекией (727—698 гг. до н. э.) столетие спустя. Несмотря на яростные нападки ревностных женоненавистников, Богиня сохраняла свои позиции удивительно долгий срок, как отмечает Рафаэль Патай:

«Из 370 лет существования Храма Соломона в Иерусалиме не менее 236 лет в нем присутствовала статуя Ашеры, и поклонение ей было частью официальной религии, одобренной и возглавляемой царем, двором и жреческим сословием. Ей противостояли только немногие пророки, выступавшие через относительно длительные промежутки времени»²³.

Поразительно, но в Храме Соломона была экзотичная группа мужчин-проституток — предположительно, евнухов, представлявших собой группу, альтернативную по отношению к более привычным «храмовым

проституткам-женщинам». Их вместе с их Матерью Божией тоже изгнал фанатичный яхвист царь Аса. В Ветхом Завете говорится:

«Аса делал угодное пред очами Господа, как Давид, отец его. Он изгнал блудников из земли и отверг всех идолов, которых сделали отцы его, и даже мать свою Анну лишил звания царицы за то, что она сделала истукан Астарты; и изрубил Аса истукан ее и сжег у потока Кедрона. Высоты же не были уничтожены. Но сердце Асы было предано Господу во все дни его». (3 Царств 15:11—14)²⁴

Даже фанатик Аса не посмел тронуть обожаемые народом храмы в сельских местностях — точно так же христиане будущего тысячелетия будут строить свои церкви на древних священных местах европейских язычников.

Конечно, были и другие веские причины для «свержения» Великой матери, которые, предположительно, связаны с политикой и борьбой за влияние.

Царица Савская и ведьма

Тогда как главное течение иудаизма всячески искореняло Богиню, еретики искали пути восстановления ее могущества, и этот процесс аналогичен тому, как еретики христианские сохраняли значимость Марии Магдалины. Главным персонажем в этой кампании была Лилит, которая считалась первой женой Адама, но яхвисты быстро отвели ей роль ведьмы и суккуба, а в руках каббалистов Средневековья она достигла апофеоза в роли жены Бога. Рафаэль Патай утверждает: «Ни один демон в женском облике не имел столь фантастической карьеры, как Лилит, которая начала свой путь женщиной самого низкого

происхождения, потерпела неудачу в качестве предназначенной для Адама жены, стала любовницей похотливых духов, поднялась до высот невесты царя демонов Самуила, правила как царица Земаргад и Савская (*курсив мой*. — Л.П.) и завершила свой путь супругой самого Бога»²⁵.

Это фантастическое и запутанное жизнеописание предполагает некоторые знания о связи между царицей Савской и языческими мистериями, хотя ему и придан обычный иудео-христианский оттенок поклонения демонам. Естественно, Лилит всплыла в центре еретиков на юге Франции в контексте, который наводит на размышления.

В своем известном труде о культах «Священная сексуальность» (1995) А.Т. Манн и Джейн Лайл пишут: «В Кафедральном соборе города Сент-Бернар-де-Комминджес в Пиренеях Лилит нашла свое место: там имеется резьба, изображающая женщину с крыльями и птичьими лапами, рожаящую персонажа, связанного с Дионисом, — зеленого человечка»²⁶. Как утверждает еврейский историк Иосиф Флавий, маленький городок Сент-Бернар-де-Комминджес стал последним прибежищем персонажей Нового Завета — включая царя Ирода, его жену Иродиаду и царевну-танцовщицу, его падчерицу Саломею, которая потребовала голову Иоанна Крестителя на блюде. В этом может быть и толика правды, поскольку многие богатые иудеи имели недвижимость в южной Галлии. Ирод исчезает из истории после сообщения о том, что его не принял галльский город Лугдунум Конвенарум. Саломея утонула в горной речке (достаточное наказание для той, что уничтожила Крестителя), а Иродиада превратилась в особо заразную форму ночного кошмара — другими словами, в Аилит. В книге «Леонардо да Винчи и Братство Сиона. Откровения тамплиеров» мы писали: «Другая красочная лангедокская легенда

связана с Королевой Юга («Reined u Midi») — так называли графиню Тулузскую. Народная молва считала графиню Тулузскую «La Reine Pedaque» — «Королевой с гусиными лапами». Это может быть каламбуром, эзотерическим местным «птичьим языком», но французские исследователи установили связь этой фигуры с сирийской богиней Аннах, которая в свою очередь связана с Исидой²⁷. Есть и очевидная ассоциация с Лилит «на птичьих лапах»²⁸.

Прослеживается и ассоциация с другой Королевой Юга — царицей Савской, — которая появляется во внешнем убранстве Шартрского собора и которая тесно связана через Черных Мадонн с Марией Магдалиной. При свойственных Лангедоку еретических секретах, зашифрованном языке и эзотерическом символизме там никогда не упоминали об историческом персонаже без весомых на то причин. Сложная, но интригующая цепь ассоциаций — Лилит — Иродиада — царица Савская — Магдалина — видимо, отражает некие тайные знания о поклонении богиням в этом районе, включая могущественных женщин из Африки и палачей Иоанна Крестителя.

Подруга Бога

Хотя официально и проклятая, Богиня спокойно не сдавалась, превратившись в ангелов или Шехину, термин, используемый в Талмуде для определения проявлений Бога на Земле в осязаемой форме, хотя изначально в литературе Шехины были отдельными женскими божками, которые символизировали мудрость. В этом отношении они были эквивалентом греческой Софии, которая в гностических Евангелиях превратилась в Марию Магдалину. Подобно Апостолу Апостолов в «Пистис София», где Магдалина настойчиво вопрошает Иисуса о судьбе тех,

кому по его учению уготован рай или ад, одной из функций Шехины было выступление «перед Богом в защиту мужчин», «обусловленное тем, что она была сострада-тельна по своей природе»²⁹. Любопытно, что здесь Магдалина следует еврейской традиции, хотя это редко упоминается в кругу ортодоксов.

Хотя термин «Шехина» не упоминается в Библии, аналогичные фигуры появляются там в разной форме, например, как персонаж «Мудрость», провозглашающая исступленно: «Господь имел меня началом пути своего, прежде созданий своих, искони; от века я помазана, от начала, прежде бытия земли... Тогда я была при нем художницей, и была радостью каждый день, веселясь перед лицом Его во все времена, веселясь на земном кругу Его, и радость моя была с сынами человеческими»³⁰.

Осторожно названная «подругой»³¹ Яхве Шехина резвится и скачет в Царстве Божьем и «имеет мнение, ум, волю и собственную личность»³². Она выполняет роль адвоката дьявола, пытаясь повлиять на Бога и изменить его настрой, точно так же, как Мария Магдалина гностических Евангелий уговаривает Иисуса быть более милосердным по отношению к грешникам, которым уготован ад³³. Этих подруг очень любят божества, чья доктрина подвергается испытанию огнем их уникальной логики. От этого многовекового предания отказались и еврейские, и христианские патриархи, что, вероятно, было отражением их боязни за мужское эго Бога, угрозой которому является слишком толерантное отношение к агрессивной ведьме, находящейся рядом с ним. Возможно, постоянные вопросы раздражают: в конечном итоге, неудобно, чтобы Бог выглядел подкаблучником. Но с маргинализацией богинь Бог потерял многое в своей уникальности: иначе и быть не могло, когда Он был подвергнут целе направленному процессу создания чисто мужского образа. Парадоксально, но с потерей Женского Начала Бог

потерял и Мужское, поскольку сказано в древнеиндийском эпосе: «Если Шива соединен с Шакти, он может доказать свою доблесть Владыки, если же нет, то Бог не в состоянии и пошевелиться».

Как только исчезла жена, Бог стал одиноким родителем в состоянии постоянного стресса, страдающим припадками беспричинного гнева и выдвигающим тиранические требования. Вместо любви и сочувствия он вызывает страх и дрожь, как в сердцах сжавшихся детей, которые в разгар игры слышат шаги пьяного отца с ремнем в руках.

Но Шехина выжила как «Дух Святой» — как в иудаизме, так и в христианстве, добавив Женское Начало в полностью мужскую триаду «Отца, Сына и Духа Святого». А в тот момент в иудаизме она превратилась в херувима, чей образ в виде младенца с крыльями столь мил викторианской эпохе, хотя не имеет ничего общего со своим реальным происхождением. Если бы истинный образ был широко известен, то отношение к иудаистским торням — и даже происхождению — христианства могло быть совсем иным.

Под их крылом

Слово херувим (на еврейском языке к'рубх), как сейчас считают, произошло от аккадского слова «карибу», что означает посредник между Богом и человечеством, хотя Патай, возможно, был ближе к истине со своим описанием женщины-джинна, пусть оно и уводит слегка в сторону. Традиционно Яхве едет верхом на херувиме — особенно в его проявлении сварливой кобылы — отличный пример до-фрейдистской, но тем не менее недвусмысленной эротики. Конечно, херувимов ассоциировали с сексуальностью, поскольку даже в Храме Соломона

имелись гравированные образы двух херувимов, которые сплелись в страстном объятии — как представители великой священной тайны. Само их присутствие действовало как квазипорнографический раздражитель на жителей, которые, как сообщали, прелюбодействовали до оргазма после мимолетного взгляда на бесстыдную сексуальную вольность, когда херувима проносили по улицам в ритуале, имевшем все признаки языческого. Американский ученый Нельсон Глаек пишет о подобных волшебных религиозных сценариях: «Возбуждение при языческом поклонении и участие в праздниках священных даров часто приводило мужчин и женщин к единению в лихорадочном исполнении ритуала плодородия»³⁴.

Воплощения херувимов постоянно имеют поразительное сходство с теми богами, чье присутствие ощущается под поверхностью этого исследования. Во время раскопок дворца царя Ахаба Израиля (873—852 гг. до н. э.) в Самарии была найдена табличка из слоновой кости с изображением двух женских форм, предположительно херувимов, держащих в руках лотосы и в египетских головных уборах. Помимо этого, на головах этих фигурок изображены солнечные диски, а на руках — крылья; та же иконография, что и у египетской богини Исиды. Мы знаем уже, что Ашере в Египте поклонялись под именем Анат, ученые привычно подразумевают, что египтяне заимствовали еврейскую богиню, а не наоборот.

Эта слепота по отношению к египетскому влиянию в Древнем мире столь укоренилась среди историков и археологов — и что почти невероятно, среди египтологов, — что выглядит не только пятном на академической мантии, но и на современном отношении к расовому вопросу. Каким бы удивительным это ни показалось, но это широко распространенное неприятие реального места Древнего Египта в мире косвенно привело к совершенно неправильному толкованию христианства в целом и роли

Иисуса, Иоанна Крестителя и Марии Магдалины в частности, помимо подавления здорового сексуального инстинкта и распространения тезиса о превосходстве белой расы во всем мире.

И в наибольшей степени эта глубокая и опасная ошибка связана с маргинализацией Матери Бога, первой Звезды Моря, Царицы Небесной и оригинала Черной Мадонны — Исиды, супруги и сестры умирающего и воскресающего бога Осириса и матери волшебного зачатого ребенка-бога Гора. Близко связанная с черной богиней Нефтидой, богиней любви и материнства Хатор и верховным отправителем вечной справедливости Маат, Исида была прямой предшественницей Девы Марии, решение о святости которой было принято Ватиканом. В истории похищения (заимствования) Исиды и отрицании мощи египетской культуры есть и одинокая фигура Марии Магдалины, которая как настоящая богиня ведет бой за признание белых европейских патриархов, имеющих холодное сердце.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ЕГИПТА

Сегодня многие образованные люди уверены, что цивилизация — такая, какой мы ее знаем, — зародилась в Древней Греции с ее протодемократией, знаменитыми философами, великими поэтами, писателями и ораторами и разумеется, с ее влиятельным, прекрасным языком. Греческая культура, составив неотъемлемую часть европейской, представляется настолько уникальной и великолепной сама по себе, что этот тезис практически не подвергается сомнению. Однако этот золотой век не возник внезапно по велению богов: даже сами греки признавали, что их собственная культура возникла в результате колонизации финикийцев и египтян приблизительно в 1500 году до нашей эры — действительно, греческий язык имеет много заимствований из египетского, а в нескольких греческих пьесах есть ссылки на изначальную землю-мать¹.

Историческое царство фараонов с его бессмертным чудом света, пирамидами Гизы, до сих пор считается страной отсталой (где, тем не менее, умудрились построить пирамиды, используя самые примитивные орудия труда), не оставившей после себя достойного культурного наследия, с довольно нескромной религией, обращающей особое внимание на вопросы смерти и загробной жизни. Однако, как мы видели, религия эта оказала существенное влияние на иудаизм с подобными Исиде херувимами и сопутствующими богинями, которые столько лет украшали Храм Соломона. Как указывали многие исследователи², иудаизм должен быть благодарен своим бывшим рабовладельцам, поскольку Яхве, давая

Моисею³ десять заповедей, явно читал их по египетской «Книге Мертвых». Строфа 125 содержит так называемую «Исповедь отрицания» или «Заявление о невинности», которое произносит дух умершего человека перед богами в Зале Высшего Суда. В этой исповеди звучат такие слова:

«Я не обманывал... я не воровал... я не убивал... я не творил несправедливости... я не прелюбодействовал... я не делал ничего плохого. Я не видел зла... я не богохульствовал... я не имею имущества, кроме моего собственного... я не клеветал на Бога в моем собственном городе...»⁴

Бог, конечно, решил улучшить египетскую добровольную исповедь, превратив ее в приказ свыше. Хотя в ученых кругах и наблюдается общее ощущение того, что в песках Египта таится еще много сокровищ, только доверчивые поклонники альтернативной истории заинтересованы в том, что еще может сказать древняя земля.

Несмотря на несправедливое общее мнение о египетской культуре, его религия в наиболее чистой форме, которой придерживались жрецы Гелиополя⁵, имеет массу поразительных тайн — факт, который неохотно признают даже те исследователи, работа которых выводит их прямо к Древнему Египту. Вместе с Клайвом Принсом мы писали в своей книге «Заговор звездных врат» (1999):

«Жрецы Гелиополя были прославлены своими знаниями и мудростью. Двумя их величайшими достижениями были медицина и астрономия — главный жрец носил титул «Величайший провидец», который обычно понимали как «Главный астроном»⁶. Жрецы эти считались мудрейшими и наиболее образованными

людьми в Египте во времена Геродота (пятый век до н. э.), и на них ссылались при Страбоне, уже в первом веке. Жреческое сословие пользовалось такой славой у греков, что, помимо других, в Гелиополь ездили учиться Пифагор, Платон, Евдокс и Талет. Хотя нам известно мало имен великих египтян из этого жреческого сословия, мы знаем, что Имхотеп, гений, создавший первую пирамиду — Ступенчатую пирамиду в Саккара — и провозглашенный позднее богом за свои медицинские познания, был Верховным жрецом»^{7,8}.

Далее мы писали: «Знаменательно, что членами жреческого сословия, вероятно, были и женщины. В надписи времен Четвертой Династии, то есть приблизительно времен строительства пирамид Гизы, упоминается женщина в Храме Тота, имеющая титул «Хозяйки Дома Книг»⁹. Фактически, хотя по современным понятиям женщины Древнего Египта и были ограничены в правах, но вместе с тем были самыми свободными женщинами в известном тогда мире. Они считались отдельными от мужчин личностями — как юридически, так и с точки зрения морали, — им было дозволено иметь собственность и обращаться за разводом. Это была идеальная среда, в которой такая умная и независимая женщина, как Мария Магдалина, могла жить и действовать, будучи образцом диаметрально противоположного самосознания женщины, даже в таком космополитическом районе, как Галилея.

Жрецы и жрицы Гелиополя считали знание не просто желательным, но богоданным. Для них — как и для их наследников в Европе времен Ренессанса — не было различий между занятиями магией и наукой и теологией. Всякая информация собиралась вместе во славу человека

и богов. Из массы накопленных знаний выросла великая астрономия, что нашло свое отражение в Текстах Пирамид. (Первый из которых, Текст Пирамиды Унаса, датируется 2350 годом до н. э., хотя есть вариант этого текста, датируемый 3100 годом до н. э.¹⁰, что делает его старейшим из обнаруженных священных текстов в мире¹¹.)

Центральной в гелиопольской теологии была история сотворения мира, в которой первый бог Атум путем масгурбации произвел взрывную эякуляцию, в результате чего появились звезды и планеты. Миф, долгое время считавшийся примитивным — не будем уж говорить о его нескромности, — для объективного современного человека содержит довольно близкую к современным воззрениям интуитивную дедукцию или даже поразительное гайное знание. Как мы с Клайвом Принсом указали в нашей предыдущей книге:

«Объективное чтение Текстов Пирамид позволяет увидеть в них нечто большее, чем просто поэтическую символику. Например, система сотворения мира во многом подобна современной физической концепции возникновения и эволюции Вселенной, по которой вещество взрывается в центре черной дыры, затем расширяется и разворачивается, становясь все более сложным по мере возникновения фундаментальных сил и взаимодействий, и в итоге достигает уровня элементарного вещества... Эта система включает в себя и концепцию многомерной Вселенной, представленной разными уровнями сотворения через различные формы богов»¹².

То, что эти воззрения являются бóльшим, чем просто совпадение с современным знанием космологии, было

выявлено, когда группа ученых НАСА под руководством Луи Алламандола опубликовала в конце 90-х годов свои открытия по происхождению жизни во Вселенной и требованиям, ее обуславливающим¹³. Было многократно доказано, что невозможно соединить базовые составляющие, чтобы создать даже самую примитивную форму жизни в земной лаборатории, но оказалось исключительно легко получить необходимые для лабораторного процесса сложные молекулы, подобные тем, что найдены в облаках межзвездного газа. Не скрывается ли в мифе о взрывном оргазме Атума знание высокого уровня о «осеменении» Вселенной из центра черной дыры, в которой уже имеются все ингредиенты?¹⁴ Может быть, египтяне не были столь примитивны, как считается, а наоборот, обладали знаниями космологии и были выдающимися мыслителями? Нет сомнений, что это именно так, но вместо того чтобы прославлять замечательную древнюю мудрость, академические ученые игнорируют ее, предпочитая многословие греческой литературы, хотя сооружение пирамид остается в значительной степени необъясненным и, безусловно, несравненным достижением. Почему? Какова причина такого неприятия Египта и его достижений, которые выглядят чудом?

Секрет, вызывающий беспокойство

После того как археология стала признанной наукой процесс, начавшийся в Европе XVII века, — Египет, несмотря на величие пирамид, которое не заметить нельзя, не получил должного признания и своей доли восхищения в академической среде по одной простой, отвратительной причине. Как пишет Мартин Бернал в своем монументальном труде «Черная Афина»: «Для романтиков и расистов восемнадцатого и девятнадцатого

исков было просто невыносимо отказаться от Греции в качестве воплощения Европы и ее чистого, незамутненного детства и согласиться с тем, что эта культура есть результат смешения европейских аборигенов, колонизированных африканцев и семитов...»¹⁵

Другими словами, поскольку Египет был по сути африканским явлением, ему не было дозволено иметь интеллектуальные достижения, которые стоило бы изучать, тогда как «белая» патриархальная Греция была для европейских историков своим домом, культурой, достойной того, чтобы признать ее родоначальницей. (Хотя большинство современных ученых яростно отрицают наличие даже малейших элементов расовой предрасположенности в своих работах, факт остается фактом, современная историография построена на многовековых трудах с расистским оттенком.) Какова бы ни была правда, факты отбирались, приемлемые с расовой точки зрения, хотя, как пишет Бернал: «Египетская цивилизация явно основана на до-династической культуре Верхнего Египта и Нубии, африканское происхождение которой никем не оспаривается»¹⁶.

Даже в тех случаях, когда к Египту относятся серьезно, его черные корни отсекаются, как в случае Р.А. Шваллера де Любиза, восточноевропейского египтолога, которого до сих пор почитают альтернативные историки и соответствующая публика. В 1920 году он писал в основанном им журнале «Les Veilleurs» («Наблюдатели»): «Существует непреодолимая стена между одной расой и другой»¹⁷, категорически отрицая наличие, помимо немногих заметных исключений, «черных, которых с полным основанием можно было бы назвать таковыми (в династическом Египте)»¹⁸. Это утверждение абсурдно, поскольку археологические данные неоспоримо свидетельствуют: египетский народ состоял из нескольких разных рас, включая тех, кого можно назвать явно негроидными¹⁹.

Объективные туристы видят отчетливые признаки африканского происхождения даже на лице Сфинкса.

Шваллер де Любиц был убежденным расистом, который оказал существенное влияние на мистика Рудольфа Гесса, соратника Гитлера, — он даже помог разработать форму предтечи СС организации СА, с помощью которой Гитлер пришел к власти. Несмотря на это, де Любиц и его коллеги оказали огромное влияние на современное мышление в отношении Египта, основанное на том, что эта страна заслуживает ученого внимания только при условии отсутствия черных лиц в зале славы Древнего мира.

Элементы египетской жизни и мышления, которые, несомненно, являются благородными, были втоптаны в грязь учеными-расистами, считающими загрязнением любое африканское влияние. Хотя даже при беглом знакомстве с египетской религией становится понятно, что, несмотря на многобожие, по сути своей, то была система монотеистическая. «Культ животных» невежественно отвергается как «негритянский фетишизм»²⁰, хотя как писал Мартин Бернал, в литературе «восемнадцатого или двадцатого века он не смог найти ни одного простого предположения, что «негритянские фетиши» могут иметь характер символический или служить аллегорией...». Он с печалью добавляет: «Такова сила расизма!»²¹

Даже в этом египтяне не были столь примитивными, как могут казаться, поскольку их боги были просто разными ипостасями Единого Истинного Бога — прямая аналогия пантеона католических святых, освящающих разные стороны деятельности человека. Взывая к разным богам (некоторые из них совершенно непонятны), главный персонаж египетской «Книги Мертвых» пересыпает свою загробную речь такими фразами, как «Единый Бог...», «Великий Бог, живущий по правде» и «Великий Бог», а в «Заявлении о невиновности»,

процитированном выше, говорит, что «...не клеветал на Бога в городе». Ясно, что средний египтянин без труда примирил этот громадный пантеон с одним абсолютным Богом.

До сравнительно недавнего времени ученые принимали на веру утверждения о превосходстве белых, присущие типам, подобным предшественнику де Любица из девятнадцатого века графу де Гобиньи, который писал:

«Черная разновидность (человечества) есть самая низкая и находится у основания лестницы. Животный характер, свойственный базовым формам черных, предопределяет их судьбу с момента зачатия. Они никогда не выходят за пределы строго ограниченных зон по интеллекту. Если способности к мышлению у них средние или отсутствуют вообще, то в желаниях и, как следствие, в стремлении к их исполнению они проявляют интенсивность, которая временами бывает ужасна. Чувства у них развиты до высочайшего уровня, который неизвестен двум другим расам: а именно, вкус и обоняние. Именно в жажде ощущений таится наиболее разительное отличие, свидетельствующее о том, что они люди чуждые»²².

Бернал воспользовался психологическим правилом большого пальца применительно к отношению ученых до XX века к идее черного Египта. Он пишет: «Весь девятнадцатый век европейцы не считали негров людьми. Благородные представители белой расы не могли так обращаться с человеком»²³. Точно так же «благородные» представители арийской расы пытали, обрекали на голодную смерть, уничтожили миллионы евреев, цыган, славян и других расово неполноценных на том основании, что они «недочеловеки» и поэтому гуманность или сострадание к ним неприменимы.

Затем Бернал суммирует извращенную логику ученых-расистов следующей фразой: «Если научно доказано, что негры биологически не способны создать цивилизацию, как можно объяснить Древний Египет — который столь неудобно появился на Черном континенте?»^{24,25} Проблема черной древнеегипетской цивилизации имела только три решения.

Первое — полное отрицание, что египтяне были черными; второе — отрицание того, что древние египтяне создали «истинную цивилизацию». И последнее — двойное отрицание и того, и другого. Именно последнее решение предпочитали историки XIX и XX веков²⁶.

Ситуация изменяется очень медленно при непременном чувстве изумления по мере того, как на свет после долгой зимы забвения европейцами начинают появляться великие достижения Африканского континента. Точно так же, как австралийские аборигены, как говорили, не заметили корабли Кука потому, что не могли их заметить по причине особенностей устройства мозга, который не мог истолковать такую картинку, так и академики не заметили существования такой вещи, как черная цивилизация.

Приятно отметить, что доктор Патрик Дарлинг, который возглавлял британскую группу на раскопках места захоронения царицы Савской в Эредо, Нигерия, сказал: «Меня в этом деле больше всего волнует то, что мы выявляем огромные политические и культурные достижения черной Африки»²⁷, и добавляет, что Эредо может стать первым в Нигерии местом культурного наследия общемирового значения, наряду с такими монументами, как Стоунхендж в Британии и пирамиды в Египте.

Царица Савская была связана не только с Аравией, но также с Эфиопией и Нигерией. (Некоторые считают,

что у нее был дворец и в Зимбабве.) И, разумеется, еврейский историк I века называет любовницу Соломона «царицей Египта и Эфиопии» — что означает двойную связь с черной культурой, которая еще раз отразилась в жизни Марии Магдалины... из обрывков и намеков и по древним преданиям мы видим, что все дороги, в конечном итоге, ведут в великолепный, но пагубный Египет бурного I века.

Египетская миссия

В Новом Завете рассказывается, что Мария, Иосиф и младенец Иисус бежали от преследований царя Ирода в соседнюю страну Египет. Мы ничего не знаем об их жизни там, но они могли чувствовать себя в Египте как дома, поскольку там было несколько процветавших иудейских общин в разных частях страны. Единственный храм вне Иерусалима был построен в Леонтополе в дельте Нила — в великом плавильном котле древнего морского порта Александрия, где евреи занимали два из пяти главных районов города. Это был бурлящий город-космополит, в театральной аудитории которого, по словам Диона Хризостома Оратора: «...были не только греки и итальянцы, но и сирийцы, ливийцы, сицилийцы и другие из еще более дальних, темных стран — эфиопы, арабы, а также бактрийцы, скифы, персы и немного индусов». Еврейская община располагалась в восточной части города, и в ней был, что вызывает некоторое удивление, — предтеча самого Христа Иоанн Креститель. Возможно, одна из эфиопок, которые поселились в Александрии, была «Марией (называемой Магдалина)» — еще одна из черных жриц, такая же как Елена Симона Мага, исполнявшая шаманские танцы в цепях.

Религия римского Египта отличалась от древней, поскольку ее магия, как и ее великолепие, в целом были давно утрачены, а заклинания превратились в непонятный набор слов. В том, что со временем древняя религия угасает, заложен глубокий смысл, как явствует из «Элегии», одного из текстов герметиков:

«Придет время, и станет ясно, что тщетно египтяне чувствовали своих богов. Напрасным станет святое поклонение. Боги, оставляя землю, вернутся на небеса, они покинут Египет, эта земля, что была домом религии, осиротеет, лишившись своих богов, и будет обездолена. Чужестранцы заполнят страну, и не будет более тщания в соблюдении религиозных ритуалов. Более того, так называемыми законами будет запрещено под страхом наказания поклоняться богам. Скиф, или Индус, или иной сосед-варвар воцарится в Египте».

Ясно, что существовал великий страх перед временем, когда любимые старые боги уже не будут желанными в Египте, хотя автор «Элегии» и не мог знать, что новая гибридная религия продлит жизнь древним богам в совершенно ином будущем. После смерти Александра Великого в 323 году до н. э. Птолемей I Сотер, первый из македонских царей Египта (323—283 до н. э.), ввел нового бога, сочетание Осириса и Аписа, бога с головой быка, культовый центр которого находился в Мемфисе. Это новое божество было названо Сераписом, и его стали ассоциировать с богом-врачевателем Асклепием, а также с подземными умирающими и воскресающими богами Плутонем и Дионисом. Хотя Серапис был циничным изобретением для того, чтобы объединить греков и египтян в Александрии под покровительством общего бога, он вскоре стал очень популярен, главным образом

потому, что его видели в компании с древней богиней Исидой. Религии, органичной частью которой она являлась, была обеспечена популярность. Макробий писал: «В городе на границах Египта, который гордится своим основателем Александром Македонским, Сарапису и Исиде поклонялись со страстью, почти фанатичной...»²⁸

Сераписа изображали мускулистым речным богом с пышными волнистыми волосами и бородой и с корзиной — экзотерически, с зерном, а эзотерически, с тайнами. Корзину он держит на голове, посвященный может почерпнуть из нее великие тайны. На житейской уровне Серапис неотделим от славы хранителя знаний, поскольку Серапиум, нависавший над узкими улицами греческих кварталов Александрии, был всемирно известной библиотекой, в которой было собрано свыше 42 тысяч свитков и множество других предметов. Это чудо света пало жертвой конфликта между христианами и язычниками, в результате чего в 389 году был разрушен храм Сераписа. Вслед за этим в 391 году по приказу римского императора Феодосия была уничтожена Александрийская библиотека. Четырнадцать лет спустя убийством математички, принадлежавшей к школе неоплатоников, последнего преподавателя Библиотечной Школы (Мусейона), талантливой женщины по имени Гипатия, была поставлена точка в истории язычества в Александрии.

Отношение к знанию как язычеству и отношение к таким женщинам, как Гипатия, явились предзнаменованием долгих бесцветных годов темного Средневековья, когда поощрялось невежество, а ставшее законом угнетение женщин привело к ужасам средневековой охоты на ведьм. Стоит отметить, что первая европейская женщина на законных основаниях вошла в колледж в конце XIX века, а перед этим женщина окончила университет двенадцать веков назад. Мы отступили назад со времен Гипатии

и даже более ранних, с эры анонимной «Хозяйки Дома Книг» в теологическом колледже языческого Гелиополя. Когда пламя взметнулось над Серапиумом, это был огонь, пожиравший надежды многих будущих поколений.

Все это было еще крошечным черным пятнышком на горизонте, когда был изобретен Серапис. Сначала новый бог и его спутница в полной мере купались в море славы и обожания. Верили, что Серапис и Исида приходят к своим поклонникам во сне. Луций Апулей, страстный поклонник Богини, пишет, как Исида благословила его, явившись в таком сне:

«Всеми благовониями Аравии пахнуло на меня, когда приблизилась Богиня и сказала мне: «Ты видишь меня здесь, Аудий, в ответ на мольбы твои. Я Природа, всеобщая Мать, владычица всех элементов, изначальный ребенок времени, владычицы всего духовного, царица мертвых, царица бессмертных, единая ипостась всех богов и богинь, что имеются... Хотя мне поклоняются, называя многими именами с помощью разных ритуалов, но все же вся круглая земля поклоняется мне... называй меня моим истинным именем, а именно, Царица Исида»²⁹.

В этой речи, которую говорит во сне автору сама Царица, интересно отметить две концепции. Она называет себя «единой ипостасью всех богов и богинь сущих» — что может быть проявлением божественного тщеславия, но является и выражением базового египетского монотеизма. Ясно, что такое божественное женское начало устроило бы даже наиболее воинственных феминисток современности, поскольку Богом названа Мать, причем названа прямо и с гордостью, а не полуизвиняющимся словами, как в молитвеннике Англиканской церкви.

Но Исида говорит также, что она «царица мертвых», вековая женская функция, которая находит отражение в посещении Магдалиной мертвого Иисуса, чтобы умягчить его тело для погребения. И, разумеется, она уже помазала его как Святого Царя драгоценным миром в ритуале, который был непонятен мужчинам-ученикам Христа.

В египетской «Книге Мертвых» Исида заявляет: «Я хозяйка Эннеиды (девять главных богов), Владычица Всего»³⁰, «женщина, освещающая тьму»³¹ и «хозяйка Свега»³², то есть называет себя всеми теми титулами, которые приписывают Марии Магдалине в ее роли Черной Богини.

Как ни парадоксально, но новый культ Сераписа вернулся к жизни древнее поклонение Исиде, и в Египте возник совершенно новый подход к религии, поскольку впервые в истории Египта за его пределы посылали миссионеров, чтобы несли слово о Сераписе и Матери Богине. Меркельбах писал в оригинальной работе «Человек, Миф и Магия» (1970): «Ясно, что перед «церковью» Исиды стояли особые задачи в имперский период... Нет сомнений, что ее активно пропагандировали»³³. Но не случайно это религиозное явление совпало во времени с эрой миссии Иисуса, Магдалины и Крестителя, каждый из которых имел связи с Египтом.

В частности, Иисус, как предполагается, был связан с этой страной — разве не сказал Яхве: «из Египта вызвал сына Моего»³⁴.

Эта фраза снова всплыла на поверхность в Евангелии от Матфея, что усиливает важность путешествия Святого семейства в Египет³⁵ и подчеркивает роль Иисуса как избранного Мессии, о котором было столько пророчеств — несмотря на то, что использование прошедшего времени указывает, что фраза та не была пророчеством,

поскольку не направлена в будущее. Не была ли эта фраза намеком на более глубокие египетские корни? Американский профессор Карл Ликерт спрашивает:

«Было ли это короткое добавление к преданию о рождении Иисуса Христа намеком на широкое хождение христианской теологии в Египте? Может быть, первые христиане действительно ощущали, что их теология склонна сдвигаться в египетском направлении? Поворотный пункт в священной еврейской истории, исход в обратном направлении из Палестины в Египет, ощущается даже при беглом взгляде на историю»³⁶.

Даже в том случае, если Матфей придумал бегство в Египет, чтобы Иисус обрел связь с Ветхим Заветом, есть множество доказательств, что Иисус провел довольно много времени в этой стране — даже в том случае, если он этнический еврей, умонастроение его в целом было не иудейским, как верят практически все, но египетским в своей основе. Когда он пишет на песке, ходит по водам и воскрешает из мертвых; когда он говорит «придите ко мне, страждущие, и я утешу вас», когда его изображают умирающим и воскресающим, то сомнений нет: все это эхо верований и религиозной практики Египта, а не преданий Иерусалимского Храма.

Прослеживая подлинные корни Христа, восстанавливая их по случайным обрывкам и кропотливыми трудами добросовестных ученых, были вскрыты некоторые поразительные и глубоко шокирующие секреты. Внезапно человек, который, возможно, был Богом или, по меньшей мере, воплощением человеческой любви и сочувствия, предстает в виде не весьма достойном и явно не образцом для всеобщего подражания. Если мы думали, что знали Христа, то образ человека, который вырисовывается

далее, совсем иной, причем написано это по тем же источникам, по которым миллионы преданных христиан пришли к убеждению, что он Бог, умерший за нас. Отличие в том, что верующие настроены так, что не видят того, что угрожает их убеждениям. Мы же осветим этот образ чуть другим светом, который превратит сияющую картинку из воскресной школы в нечто более темное и тревожное. Будьте готовы увидеть Христа, вам неизвестного.

РАЗОБЛАЧЕНИЕ МИФА ОБ ИИСУСЕ

Либеральные христиане постепенно возвращаются к некой форме поклонения Богине после изобретения «включительного» языка Библии и молитвенников.

Многие образованные прихожане не верят более в непорочное зачатие и воскресение Христа из мертвых в буквальном смысле, но было бы ошибкой считать, что такая же общая картина превалирует в Церкви в целом. Для миллионов христиан — особенно для миллионов католиков — за прошедшие века практически ничего не изменилось: Иисус есть ипостась Бога, рожден от Девственницы, какой она и оставалась всю жизнь, пребывая в теле еврейки. Его приход есть оправдание всей жизни Иоанна Крестителя вплоть до того момента, когда они встретились на берегах реки Иордан. Иисус имел при себе двенадцать учеников, был предан, осужден и распят на кресте во искупление грехов наших, чудесным образом воскрес два дня спустя. Считается аксиомой, что он никогда не вступал в сексуальные отношения, не был женат, не имел детей и представляет собой воплощение апофеоза всего, что противостоит язычеству, оккультизму и магии. Вопросы не поощряются, даже абсолютно очевидные, например, возникающие из христианской концепции искупления: если Иисус умер, чтобы спасти нас от грехов наших, почему мы все еще должны креститься, чтобы смыть их, а затем еще и отвечать за них в Судный день? Как повлияла смерть Иисуса на наше личное чувство вины? Все христианство построено на столь же ненадежном фундаменте, что и «логика» «искупления», и на откровенно бездоказательной пропаганде в защиту определенных церковных интересов.

Вопрос истории

Возможно, кто-то думает, что так называемые еретические книги являются единственными хранилищами альтернативной точки зрения на Иисуса.

Однако четыре канонических Евангелия Нового Завета содержат множество достоверных данных об истинном происхождении человека, который назван в них Господом, начиная с трогательной истории Рождества — одной из самых известных и любимых. В ней рассказывается, как Иосиф и его молодая жена Мария (которая была на сносях) оказались на пути в Вифлеем, чтобы принять участие в римской налоговой переписи, и, не найдя места для ночлега, были вынуждены переночевать в хлеву, где и родился Иисус. Ангелы известили пастухов о рождении Младенца, и три волхва, ведомые новой звездой, пришли к хлеву, где, упав ниц, выразили свое обожание, принеся дары золотом (но не у Леонардо да Винчи в «Поклонении волхвов», где оно отсутствует), благовониями и миррой. Затем они ушли другим путем, чтобы не привлекать внимания Ирода. Эта теплая сказка всегда освещает и согревает промозглые холодные дни конца декабря своим посланием надежды и радости, выраженных в незамысловатой поэзии и трогательных мелодиях рождественских хоралов. Какой христианин забудет то чувство прикосновения к чуду, которое он испытал ребенком, глядя в церкви на сцену Рождества в усыпанном соломой хлеву с безмятежной Богородицей, непроницаемым Иосифом, благоухающими животными, пастухами и волхвами, вставшими на колени в благоговейном поклонении? Свечи, благовония и глубокое чувство спокойствия вместе с ощущением того, что время остановилось, мгновенно объединяют всех католиков всех возрастов в счастливой невинности их. Вся сцена окружена сиянием, в котором есть что-то древнее, надежное, чему

можно доверять. К сожалению, во всем этот нет ни слова правды.

Как сухо заметил Десмонд Стюарт в своем труде 1981 года «Чужестранец»: «Направляющая звезда может быть хороша на рождественской открытке, но никак не может служить указателем пути к одному конкретному дому. И другие детали, очаровательные, или странные, или противоречивые, иллюстрируют только темперамент или намерения авторов Евангелий»¹. Мы знаем, что день рождения в день зимнего солнцестояния Иисус делит с другими умирающими и воскресающими богами, хотя, ко всеобщему изумлению, Папа Иоанн Павел II недавно объявил, что Иисус Христос в конечном итоге родился все-таки не в этот день. Объявлено это нам было в 1994 году. Однако подробно на эту тему Папа распространяться не стал по причинам очевидным: его пастве совершенно незачем знать, что Осирис, Таммуз, Адонис, Дионис, Аттис, Орфей и (в некоторых вариантах) Серапис не только родились в день зимнего солнцестояния, но и матери этих богов оказались в аналогичных нищенских условиях в таких местах, как пещеры, где их и нашли пастухи и мудрецы, приносящие дорогие символические дары. Этим языческим богам были даны знакомые нам титулы «Спаситель человечества» или «Добрый Пастырь» — хотя они и не были прерогативой только богов. Эти титулы носила Исида, позднее ими наградили и Богоматерь. Некоторые элементы рождественской истории были позаимствованы даже из легенды об императоре-боге Нероне².

Столь отчетливые и частые совпадения между христианской историей и мифами о многих древних богах неизбежно вызывают подозрения: а была ли миссия Иисуса вообще? Есть ученые (такие как Тимоти Фрейк и Питер Канди), которые считают тысячи совпадений христианской и языческих историй доказательством того, что

христианская история была полностью сфабрикована на базе старых мифов — новая версия умирающего и воскресающего бога³. Но эта идея не нова. Концепция мифа об Иисусе была очень популярна у немецких ученых XIX века и время от времени продолжает всплывать на поверхность. Одним из наиболее серьезных трудов на базе этой концепции была работа Дж. М. Робертсона «Язычники Христа», опубликованная в 1903 году, которую недавно в сокращенном виде опубликовали вновь с предисловием Гектора Хьютона, который пишет: «Никто всерьез не утверждает, что Адонис, Аттис и Осирис были историческими личностями... почему же тогда сделано исключение для предполагаемого основателя христианства?»⁴

Робертсон писал:

«Христианский миф рос за счет поглощения деталей языческих культов... Подобно образу бога-ребенка в культе Диониса, его изображали в пеленках в плетеных яслях. Он родился в хлеву, как Гор в храме-хлеву у Девственной богини Исиды, Царицы Небесной. Снова, как Дионис, он превращает воду в вино; подобно Асклепию, он воскрешает мертвых и возвращает зрение слепым; как по Аттису и Адонису, по нему скорбят женщины и радуются его воскресению. Воскресает он, как Митра, из склепа, вырубленного в скале...»⁵

Удивительно, что радикальные взгляды Робертсона не произвели особого впечатления в 1900-е годы, но они и сейчас могут поколебать устоявшееся мнение многих. Он пишет: «Подобно Христу, подобно Адонису и Аттису, Осирис и Дионис страдают и воскресают. Мистическая страсть их поклонников заключается в том, чтобы стать единым целым с богом. Все эти боги едины в том,

что могут даровать бессмертие. От митранизма Христос взял ключи от небес и принял на себя функцию рожденного девственницей Саошаянта, победителя Зла... В своей сути, таким образом, Христизм есть язычество в новой форме»⁶.

Затем Робертсон поворачивает нож в ране, категорически заявляя: «Нет ни одной концепции, связанной с Христом, которая не была бы свойственна какому-нибудь одному или всем античным культам Спасителя». Он мог бы добавить к этому, что даже в храме Соломона в дни Иезекииля у северных ворот сидела женщина, оплакивающая умирающего и воскресающего бога Таммуза⁷, которому через несколько лет поклонялись так, что даже один из учеников Иисуса, может быть даже его двоюродный брат Фома, был назван в его честь.

Писатели Тимоти Фрек и Питер Ганди начали свою книгу «Тайны Иисуса» с подзаголовком «Был ли Иисус языческим богом?» со списка аналогий между жизнью и учением Иисуса и другим умирающим и воскресающим богом, под обобщенным именем «Осирис-Дионис». Подобие следующее:

- Его отец Бог, а мать смертная девственница;
- Он триумфально въезжает в город на осле, а люди машут пальмовыми листьями, приветствуя его;
- Он умирает в Пасху как жертва во искупление грехов мира⁸.

Для этих авторов связь между Иисусом и всеми другими богами слишком тесная, чтобы допустить какое-либо иное объяснение, кроме того, что он никогда не существовал и был соткан из мифов о языческих богах.

На первый взгляд кажется, что языческие корни говорят против исторического Иисуса — умирающего и воскресающего бога, рожденного богиней в ипостаси Девы,

жизнь которого является почти зеркальным отображением жизни древних богов. Однако против этой теории есть несколько серьезных возражений: первое, зачем изобретать еще одного бога, если культ Сераписа успешно заполнил эту нишу? Зачем создавать Бога, имеющего живых учеников, которые заявляют, что встречались с ним? Не все из них были лжецами и циничными создателями мифов. Почему был создан еще один умирающий и воскресающий бог, но без супруги? Хотя Магдалину ассоциируют с Софией в гностических текстах, первыми христианскими пропагандистскими материалами были творения Павла, которому приписывают честь создания религии в целом — а в его материалах нет ничего похожего на фигуру богини. И, последнее, кому вздумается создавать фигуру бога, столь противоречивую и далеко не идеальную?

Хотя Иисус во многих аспектах, конечно, был богом, взаимозаменяемым другими умирающими и воскресающими богами, знакомство с языческими мифами могло вдохновить его на заимствование их особенностей, чтобы выглядеть более могущественным и привлекательным — он провел некоторое время в Египте и, предположительно, был хорошо образован. Помимо этого, возможно, стоявшее за ним семейство из Вифании толкало его именно в этом направлении, обеспечив ему осла для въезда в Иерусалим. Видимо, и Иисус, и те, что были рядом с ним, — а все говорит о том, что двенадцать учеников к его внутреннему кругу не принадлежали, — были в своих отношениях язычниками, во многом благодаря своим египетским корням. Реальный Иисус и языческий бог попеременно говорят с нами со страниц Нового Завета, что производит временами странное впечатление.

В некоторых местах Нового Завета слышен голос древнего бога, но в других — голос человека, странствующего

вождя культа. Реальный человек прячется среди трясины языческих ассоциаций, и этот человек становится — сознательно или бессознательно — человеческим воплощением божественного. В то время как Бога помнят, любят и ему поклоняются, человек игнорируется из опасения, что он разрушит тщательно сконструированное здание Церкви. Но он там, скрытый в словах Нового Завета, упрямо выбивающийся из-под глянца божественного образа снова и снова. Христос в качестве предмета веры противоречит Иисусу как исторической личности.

Помимо этого, определенная группа, у которой в чести был Иоанн Креститель, фигурирующий в трудах Иосифа Флавия, знала Иисуса (Иешуа) — реального человека, и одобрением у нее он явно не пользовался: как мы увидим в следующей главе, последователи веры этих людей до сих пор ненавидят Иисуса... В конечном итоге, видимо, все же существовал человек по имени Иисус, чья жизнь в известной степени соответствует жизни мифических богов. Отвергая заявление христианских апологетов, что все это произошло потому, что он пришел как Бог-Спаситель, представляя собой в то же время пародию на таких богов, как Осирис, есть и другие причины для подозрительно языческого поведения Иисуса. И первой среди них можно считать то, что он сам был язычником и намеренно разыгрывал совсем нееврейскую мистерию, освященную временем историю жизни богов. Есть также свидетельства того, что он включил элементы мессианства в свой образ действия (например, въезд на осле во исполнение пророчества Ветхого Завета). Это был человек, который не был богом, но был полон решимости сделать свою жизнь такой, чтобы она соответствовала древним мифам о богах.

Почему он решился на это и тем самым подверг опасности жизнь своих последователей, мы можем только догадываться. Может быть, он действовал по приказу

некой теневой группы, которая лепила из него священно-го царя, он же бог-искупитель, он же мессия. Вполне возможно, что это была богатая и влиятельная семья из Вифании, как предполагают некоторые исследователи⁹. Или же, историческая личность Иисус страдал комплексом мессианства — сочетание мании величия со стремлением к жертвенности, — как и сотни других людей, которые кончали свою жизнь на кресте от рук римлян или под градом камней от евреев. Он, возможно, пришел из Египта в качестве миссионера Сераписа и Исиды, как и многие другие, но только именно в этот крошечный промежуток времени вместе с богиней Марией Магдалиной и другими. Вернувшись в землю своих предков, он не устоял перед искушением предстать перед народом человеком великим и был пойман в головокружительную паутину из смеси мессианских ожиданий и религиозной славы, выпутаться из которой было невозможно. Как Бог, он требует любви и поклонения, но, как человек, он заслуживает нашей жалости и сочувствия.

Мария — изгой

Главной в католической вере является концепция, заключающаяся в том, что матерью Иисуса была девственница, которая чудесным образом зачала от Духа Святого (что само по себе интересно, поскольку, как мы видели, Святой Дух есть форма иудейской Шехины, которая представляет собой женское начало), но и это не является уникальной идеей в анналах божественных мифов Рождества. Во многих греческих мифах боги получают извращенное удовольствие от смертных женщин, поэтому этот аспект истории не был удивителен для язычников того времени, хотя многие, конечно, были поражены тем, что Мария — реальная женщина, настолько реальная,

что ее можно встретить на улице. Если Иисус реально существовал, а, видимо, так оно и было, он вполне мог иметь мать по имени Мария (или Мириам). Но была ли эта живая, обычная женщина девственницей, причем, как уверяет Церковь, всю жизнь?

Ее предполагаемый сексуальный статус был полезен для подтверждения божественности ее сына, поскольку Исайя в своем пророчестве предопределил условие рождения Избранного: «Итак, Сам Господь даст вам знамение: се, Дева во чреве приимет и родит сына, и нарекут имя Ему: Еммануил»¹⁰. Но, как указал Десмонд Стюарт, перевод и Ветхого и Нового Заветов неточен: ни в том, ни в другом случае не следует употреблять слово «девственница», но «молодая женщина» или «незамужняя женщина»¹¹. И, разумеется, в Евангелии от Фомы (из Наг-Хаммади) Иисус называет Фому своим близнецом, но в семье были и другие дети^{12, 13}, предположительно, Иосифа, старика, за которого она вышла замуж, когда была беременна Иисусом, чтобы скрыть свой «позор» — поскольку обычный еврей вряд ли мог знать об участии Бога, благодаря которому у нее округлился живот, и, конечно, подумал бы о самом худшем. Действительно, обычный еврей, скорее всего, был бы прав в своих худших предположениях, поскольку в холодном свете исторической реальности Иисус вполне мог быть «мамзер», или «незаконнорожденный» (сразу вспоминается головной убор Марии из картины Леонардо да Винчи «Дева в скалах»). Намеки на это содержатся и в Новом Завете, когда евреи встретили Иисуса интересными словами: «Вы делаете дела отца вашего. На это сказали Ему: мы не от прелюбодетения рождены; одного Отца имеем, Бога»¹⁴, а в Евангелии от Марка говорится, что городские жители называли его «сын Марии»¹⁵, что подразумевает неопределенность отцовства. Быть «сыном женщины» или «рожденным женщиной» на Среднем Востоке всегда было прямым

оскорблением, что имеет прямое отношение к нашему расследованию, как мы увидим далее.

Если, как, видимо, и есть на самом деле, Дева Мария была не только не девственницей, когда зачала Иисуса и родила его, но также и женщиной, виновной в прелюбодеянии, то ее образ по Новому Завету как Богини-Девственницы, морально порочен и представляет собой литературный вымысел в стиле плохой шутки. Могли ли подумать авторы Евангелий, что, делая ее подобием древней богини и обряжая в белые одежды, они несут проклятие многим поколениям женщин, которых будут мерить по невысказанным стандартам чистоты? Дева Мария одним росчерком пера была освобождена от всяких подозрений в прелюбодеянии и помещена на отдаленное облако, а Мария Магдалина разделена на трех отдельных женщин, чтобы устранить любое возможное предположение о ее сексуальных отношениях с Иисусом — и любые очевидные ассоциации с Иоанном Крестителем и молодым Иоанном — в этом авторы Евангелий и Отцы Церкви оказали реальным женщинам добрую услугу. Для многих добрых христиан будет шоком осознание того, что «Дева» была женщиной морали столь же сомнительной, как и морали традиционной Магдалины. И разумеется, такое знание, несомненно, будет еще более тяжким оскорблением тем женщинам, что попали в «Прачечные Магдалины».

Хотя ходили слухи — питаемые, без сомнения, антихристианскими чувствами, — что Мария родила ребенка от собственного брата, когда жила в Александрии¹⁶; это было абсолютной ложью, или же этим сыном был не Иисус. В Талмуде выдвинуто предположение, что «отцом был чужестранец, стрелок из Тира по имени Пантера, который служил во вспомогательных частях римской армии¹⁷, и его надгробный камень можно найти в Германии. На этом камне указаны даты, которые приблизительно

подходят к датам, считающимся датами рождения Иисуса, и высечено имя «Тиберий Юлий Абдес Пантера». Абдес в данном случае является вариантом написания «Абд Шем», что означает «слуга солнца»¹⁸. (Предполагается, что это указывает на поклонение Митре. Этот культ был очень популярен у римских воинов.)

Вождь египетского культа

Поскольку большинство людей автоматически предполагают, что Иисус был евреем из Галилеи, никто не искал иных свидетельств — а если бы кто-нибудь искал их, то был бы за это вознагражден. Помимо Иоанна Крестителя и почти точно Марии Магдалины в его окружении были и другие, кто, по всей вероятности, пришел из Египта. Еврейско-христианский автор середины II века Гегесиппус писал о Клепе из Нового Завета, чья жена (или дочь) Мария присутствовала при распятии со своим братом Иосифом, мужем Марии. Десмонд Стюарт указывает, что Клепа — это арамейская форма имени Клеопатр, мужская форма от Клеопатры — необычное имя для еврея. Если это так, что дядя со стороны приемного отца Иисуса ведет свое происхождение из Египта, что означает семейные связи с этой страной в течение, по меньшей мере, одного поколения ко времени появления на свет этого родственника.

В собственных словах Иисуса можно найти указания на то, что он чужестранец, поскольку, по словам Стюарта, он использует метафоры, которые чужды галилеянам и свидетельствуют явно не о крестьянском происхождении. В Евангелии от Матфея (5:14—16) он говорит: «Вы — свет мира... Не может укрыться город, стоящий на вершине горы», но Стюарт замечает, что город на холме вряд ли расположен в Галилее, поскольку все населенные пункты

там находятся по берегам озера¹⁹. Более того, сам факт, что Иисус не упоминает ни одного крупного галилейского города, показывает, что он с этим районом был незнаком, а может быть, не знаком и с Палестиной в целом. В любом случае, он выглядит отличающимся от других галилеян, хотя над Симоном Петром насмеваются из-за его сельского акцента, ни о каком акценте Иисуса не упоминается. В некоторых важнейших текстах I века указывается, что он был «инога» происхождения. В Талмуде он назван «египетским колдуном»²⁰, а собственные слова Иисуса показывают, что он был хорошо знаком с египетскими концепциями и стилем выражения.

Знаменитые слова его, которые часто можно видеть на входе в храм — «Придите ко мне, страждущие, и я утешу вас», выражающие божественную любовь, к сожалению, придуманы не Христом. Если он говорил их, то это была цитата, эта фраза — слово в слово высечена над входом со стороны Нила в храм Исиды, которому ко времени Иисуса уже было несколько сотен лет. Аналогичным образом его метафора относительно зерен пшеницы: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода»²¹, без сомнения, происходит из образного ряда Осириса²². И наиболее загадочная фраза «В доме Отца Моего обителей много»²³, которую часто переводят в современных вариантах Библии как «комнат», является отрывком, прямо заимствованным из египетской «Книги Мертвых»^{24, 25}.

Есть еще один пример египетских корней Иисуса, хотя и несколько удивительный. Согласно общепринятому мнению, Иисус дал своим ученикам только одну точную формулировку молитвы, которая известна всем как «Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое» и так далее по тексту Библии. Однако эта самая христианская из молитв имеет неожиданную историю: несмотря

на общепринятое мнение, эти слова выдумал не Христос, поскольку это слегка подправленный вариант древней молитвы, обращенной к Осирису-Амону, которая начинается: «Амон, Амон, ты на небесах...»²⁶ Христианский обычай завершать каждую молитву словом «Аминь», с одной стороны, восходит к еврейскому слову, которое переводится как «истинно так», но, с другой стороны, связан с египетским обычаем троекратного повторения имени бога «Амон, Амон, Амон...». Но и это не все. Слова этой молитвы дошли до нас не напрямую, но еще через одну ступень, поскольку в Библии утверждается, что в этой форме она была дана Иоанном Крестителем. (Следствия этого мы обсудим в следующей главе.) Кто же «Отче» в молитве, обращенной к Богу? Иисус ли это, или языческий бог Амон, или же Иоанн Креститель?

Вы видите, что вырисовывается совсем иной образ Иисуса, отличающийся от объекта обожания и поклонения Церкви. Но не клевета ли все это, обычный результат невежества и враждебности по отношению к новому, страстному учителю? В конечном итоге враги всегда с удовольствием проклинают совершенно невинных, поэтому Иисус Бог, Христос божественный стал объектом безжалостной кампании со стороны тех, кто хочет облить грязью его память. Однако это не один или два враждебных выпада в адрес реального человека, но огромное количество комментариев, требующих дальнейшего исследования. При ближайшем рассмотрении, допуская, что нападки были необъективными, получается, что Иисус был, конечно, иностранцем — из Египта, хотя этнически и был евреем, — но, что поразительно, в реальности был довольно неприятным человеком.

Главным в миссии Иисуса были чудеса — мгновенное исцеление, хождение по водам и воскрешение из мертвых, — что служило подкреплением проповеди его учения и обожествления, привлекая массы. (Знаменательно, что

всякие действия с трупами явно не еврейский обычай, поскольку все, связанное с могилой, считалось у них нечистым и проклятым. С другой стороны, египтяне известны своими торжественными ритуалами в отношении мертвых.) Возможно, после предварительного зажигающего танца черной Марии Магдалины в цепях, как это было с ее этнической сестрой Еленой, группа Иисуса входила в деревню и на короткое время устраивала грандиозное шоу, торжественно изгоняя демонов и возвращая хромым способность ходить. Каждое из этих чудес — и загадочное поведение Иисуса, например письма на песке — идет от тех же традиций чудес египетских волшебников, которыми они завлекали массы за границей, а иногда и пересекая ее.

Мортон Смит в своей книге «Иисус Волшебник» (1978) указывает, что даже семья Иисуса скептически относилась к его способности творить чудеса — вплоть до того, что они пытались ограничить его дееспособность на основании того, что он безумец²⁷. Концепция эта, заключающаяся в том, что Благословенная Богородица пытается ограничить деяния сына своего Иисуса, Богом избранного Мессии, на том основании, что он представляет собой угрозу для себя и других, выглядит чрезвычайно необычной! Неудивительно, что Иисус отплатил семье тем же, сказав, например, когда она со своими детьми хотела видеть его: «Он сказал им в ответ: Матерь Моя и братья Мои суть слушающие слово Божие и исполняющие его»²⁸. Выглядит это странно, учитывая то обстоятельство, что он считается примером сыновней любви, ни одного доказательства которой нет. Он также требует от учеников прямого неуважения к родителям в отличие от закона Моисея: «Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником»²⁹.

Интересно, что он призывает нас ненавидеть наши жизни — печальная гностическая ошибка, — что выглядит явной неблагодарностью по отношению к Богу-творцу и противоречит его собственному указанию «возлюби ближнего своего, как самого себя». Такая любовь ничего не стоит.

Все равно Иисус считается защитником бедных и угнетенных, обещая, что «нищие духом» будут благословенны... поскольку их есть «Царствие Небесное»³⁰, что весьма радостно для миллионов, которые никогда не получают защиты от несправедливости, но знают о вознаграждении в неопределенном будущем. Отбросив непочтительность, остановимся на неизбежной мысли, что, если бы Царствие Небесное пришло завтра, «нищие духом», конечно, были бы последними, кто будет жаловаться, если обещанное вознаграждение не материализуется.

Эта странная, сбивающая с толку личность, которая иногда изображается как скучная добродетель, «нежный Иисус, смиренный и мягкий», столь любимый сентиментальными викторианцами, выступает также непоколебимым защитником детей, прямо заявляя: «А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему жерновный камень на шею и бросили его в море»³¹. На первый взгляд заявление выглядит обоснованным, заботливым и сострадательным, поскольку он обещает ужасное наказание тем, кто причиняет боль невинным детям, возможно — прочтем между строк — совратителям детей? Конечно, будь то окончательное заявление, оно было бы похвальным и утешающим, но есть одна зацепка: отметьте фразу «малых сих, верующих в Меня»: другими словами, он защищает детей только своего культа, не распространяя защиту на любого другого ребенка. Аналогично Марк рассказывает, как Иисус взял маленького ребенка в руки и сказал: «Кто примет одно из таких детей во имя Мое,

тот принимает Меня...»³², подразумевая, что приветствовать дитя по каким-либо другим причинам есть деяние не такое уже похвальное.

Как только сняты шоры христианской пропаганды, то на удивление легко можно заметить, что Иисус представляет собой типичного лидера культа, отвечающего многим требованиям, сформулированным современными христианскими борцами с культами. Общеизвестные характеристики, по которым можно опознать опасных лидеров культов, включают характерные черты, связанные с доминирующей или харизматической личностью вождя, требующего порвать всякие отношения с семьей, отдать в общую казну имущество и деньги. Вождь может также провозгласить себя Богом или сыном Бога, уверяя, что если падет жертвой, то вернется во славе и подготовит своих последователей к такой же судьбе, обещая блаженное воссоединение в будущей жизни. У наших борцов с культами, кажется, совсем отсутствует чувство иронии.

Теологи давно спорят по извечному вопросу: было ли у Иисуса намерение стать Богом или же он стал им в результате последующей пропагандистской кампании, организованной Павлом? Судя по Новому Завету, сомнений нет, Иисус никогда не преуменьшал своего статуса: в тексте нет ничего, что характеризовало бы его как скромного или смиренного человека. Как мы видели, даже дети имели право на его защиту только в случае веры в его божественность, а следующие строки только усиливают это впечатление: «Я есмь дверь: кто войдет Мною, то спасется»³³, «... отныне узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных»³⁴, «Ибо как Отец воскрешает мертвых и оживляет, так и Сын оживляет, кого хочет»³⁵, «Кто не чтит Сына, тот не чтит и Отца, пославшего Его»³⁶. Иисус учил своих последователей тому, как вести себя в этом мире,

но никогда не упускал возможности подчеркнуть свой божественный статус. Конечно, такие слова вправе произносить только уста подлинного Бога, но если он был просто отпрыском-безотцовщиной Марии-прелюбодейки и бывшего египетского свинопаса, то слова выглядят уже слишком громкими.

В словах Иисуса есть и политическая составляющая — ассоциация с зелотами и сикариями, или террористами, и заявление «Не мир принес я вам, но меч». Он — или семейство из Вифании — готовились к тому, чтобы были выполнены определенные пророчества Ветхого Завета: он пришел из Египта, въехал в Иерусалим на осле и так далее, хотя в качестве давно ожидаемого еврейского мессии он потерпел полное поражение, поскольку смерть на кресте никогда не была предусмотрена пророчествами для такой роли. Мессия должен был быть главным религиозным и военным вождем, который поднимется и уничтожит римских оккупантов, возглавив огромную победоносную армию. А в данном случае мы имеем дело с претендентом, который якшается с грешниками и путешествует с женщинами (по меньшей мере, одна из которых черная язычница), являясь центром скандала везде, где бы ни появился.

Можно возразить, что гордые и предубежденные евреи никогда не пошли бы массами за египтянином, даже принадлежащим к их собственной религии. Сама практика иудаизма направлена на поддержание ужаса перед рабством египетским и чувством великой радости Исхода, освободившего их. Даже слова и жесты ежегодной Пасхи полны воспоминаний о том отдаленном дне, когда Яхве наслал на их хозяев чуму и ужас, когда Моисей вел их к свободе через пустыню. Вместе с тем, весьма любопытен тот факт, что египтянин возглавлял восстание в Палестине в I веке. В «Иудейской войне» Иосиф Флавий рассказывает о личности, известной как Египтянин,

который собрал большую армию евреев, чтобы свергнуть власть римлян. Называя этого таинственного человека «фальшивым пророком», историк пишет:

«По прибытии в страну этот человек, мошенник, который изображал господина, собрал около 30 000 простофиль, привел их к Масличной горе и оттуда был готов к нападению на Иерусалим, чтобы уничтожить римский гарнизон и захватить верховную власть вместе со своими сотоварищами в качестве телохранителей»³⁸.

Хотя возникает искушение примерить на эту личность образ Иисуса, даты этого не позволяют: Египтянин повел свою армию против ненавистных римлян приблизительно через двадцать лет после того, как Иисус умер. Но, тем не менее, здесь есть интригующая связь с христианством, поскольку в тот момент, когда римляне спасли Павла от разъяренной толпы, капитан стражи спросил его: «Не ты ли тот Египтянин, что взбунтовался когда-то и увел около 4000 террористов в пустыню?»³⁹ (Отметим, что армия Египтянина несколько сократилась сравнительно с дутыми цифрами Иосифа Флавия.) Павел нервно ответил: «Я еврей из Тарса...»⁴⁰ Но «террористами» были сикарии, группа, в которую входил Иуда, а с ним Иисус был очень близок. В Новом Завете нет ни одного слова, указывающего на то, что он уговаривал сикариев или zelотов среди своих последователей отказаться от своих насильственных планов или просто не одобрял их дело.

Более или менее близкие к тем временам описания Иисуса уменьшают его не только по значимости, но и по физической величине. Для нас он всегда остается фигурой грандиозной как метафорически, так и буквально — благородная, рослая фигура молодого Леонардо да Винчи, —

поэтому поражает совершенно иное его описание. Крупный античный критик христианства неоплатоник Цельс писал ок. 180 года об Иисусе: «говорят... маленький, уродливый и ничем не выделяющийся»⁴¹, хотя ясно, что он должен был быть наделен характерными чертами лидера культа с огромной харизмой и доминирующей личностью. Некоторые авторы изображают как обжору и пьяницу⁴² — хотя, может быть, это просто результат сравнения его с аскетом Иоанном Крестителем⁴³.

Не была ли эта враждебность по отношению к Иисусу проявлением общего восприятия I века социальных изгоев, которыми становились незаконнорожденные дети? Многие чужаки во многие века — от Леонардо да Винчи до Лоуренса Аравийского — бились против предубеждений такого рода и преуспели, сделав неоценимый вклад в современную им и в будущую культуру. Был ли исторический Иисус еще одной жертвой этого невежественного отношения к детям, чье происхождение было столь неопределенным? Возможно, что обычно происходило по иному: в те времена и в той культуре если незаконнорожденный вел жизнь честную и уважаемую, то вопрос о его статусе по рождению не поднимался. Если же он преступал еврейский закон, становился отступником, вел себя неуважительно по отношению к своей культуре, то о его статусе незаконнорожденного объявлялось публично, и человек становился изгоем⁴⁴. Таким образом, не факт отсутствия законного отца возбуждал общую злобу, но его безнравственность.

Возможно, Цельс знал о реальном Иисусе не больше, чем мы, но все же имеет смысл процитировать его и его современников, чтобы сбалансировать традиционный образ совершенного богочеловека. Ориген, подвергая критике Цельса, признает, что «Иисус вырос в простой и бедной обстановке, не пользовался никакими удобствами воспитания, не получил никакого образования ни

в ораторском искусстве, ни в науках, могущих даровать ему способность убедительно беседовать с народом, быть его руководителем и привлекать к себе большие толпы слушателей». Правда, справедливости ради надо сказать, что даже Ориген задается вопросом: «Каким же образом этот Иисус, который вырос при таких условиях — и как это единогласно утверждают даже его враги, — от других не научился ничему возвышенному, как Он мог возвестить учение о Суде Божиим, о наказании за зло, о награде за добро, — такое учение, которое своей возвышенностью действует не только на простецов и неучей, но даже на довольно значительное количество людей разумных, могущих проникать своим взором в глубину вещей, по-видимому самых простых, но в то же время содержащих в себе нечто сокровенное?.. И этот наш Иисус попытался перевернуть весь мир и стать выше не только афинянина Фемистокла, но и Пифагора, и Платона или каких-либо иных мудрецов, царей и полководцев Вселенной»⁴⁵. Тертуллиан (около 200 года) подытоживает еврейские данные о жизни Иисуса и его миссии следующими словами: «Сын плотника или проститутки, профанирующий Субботу, самаритянин, человек, одержимый демоном... купленный (первосвященником) у Иуды... побитый палками и руками, оплеванный публично, испивший желчь и уксус... человек, тело которого ученики выкрали из гробницы, чтобы они могли сказать всем о его воскрешении, или же его выкинул оттуда садовник, чтобы толпа зевак не повредила салат»⁴⁶.

Раздражение Тертуллиана против Цельса обозначено очень ясно, он явно не был другом неоплатонической секты. Тертуллиан пересказывает Цельса, который заявлял, что Деву Марию муж прогнал как прелюбодейку еще до рождения Иисуса, сына Пантеры. Достигнув совершеннолетия в Галилее, Иисус в качестве наемного работника отправился в Египет, где изучал магию, затем вернулся в Палестину, где «провозгласил себя богом»⁴⁷.

Это интересно, поскольку знаменитая притча Иисуса о блудном сыне, возможно, отражает собственный горький опыт, и местом действия избрана страна, где бывает засуха и где нет запрета на свиней (по всей вероятности, чувствительность молодого человека не препятствовала его работе с «нечистыми» животными)⁴⁸ — страна эта, скорее всего, Египет.

На основе всех этих свидетельств и комментариев можно сформулировать уместный вопрос: был ли Иисус богом, сумасшедшим или дьявольским интриганом? Предполагая, что он не мог быть богом — или, если он им был, то, учитывая его отношение к семье, детям и террористам, по современным понятиям был богом весьма непривлекательным. Он предстает как вождь сектантского культа, человек с непонятной миссией и склонностью к мании величия. Но если он был обычным человеком и не особо привлекательным, то почему еретики так трогательно любили супруга Магдалины? И почему Иоанн Креститель отрекся от своего знаменитого категорического утверждения, что Иисус был тем, ремешки на сандалиях которого он недостоин развязать?

ИИСУС И СМЕРТЬ КРЕСТИТЕЛЯ

Хотя только отъявленные скептики осмелятся отрицать, что чудеса время от времени случаются — следует сказать, довольно редко, — даже многие простодушные жители Римской империи выражали сомнение в силе Иисуса Христа. Как в Еврейском, так и в Талмуде Вавилонском недвусмысленно говорится об Иисусе как о «египетском колдуне, которого следует побить камнями, поскольку он практикует магию, подбивает евреев молиться чужим богам и является лжепророком, сбивающим Израиль с пути истинного»¹. В этом свете знаменателен тот факт, что Иисус предстал перед Понтием Пилатом как «злодей», а это в те времена было точным термином обвинения в колдовстве, это же обвинение предъявляли впоследствии христианам в Риме. Приговоренные Нероном к страшной казни через сожжение живьем были осуждены за «ненависть к расе человеческой»², что Мортон Смит считает обвинением «в колдовстве»³.

Из текстов таких апологетов, как Юстин Мартир (100—65 до н. э.), можно сделать вывод, что чудеса Иисуса были фокусами или, может быть, галлюцинациями, имевшими место только при физическом присутствии Иисуса, — египетские маги славились своими феноменальными способностями к гипнозу. О реальном характере чудес есть много и других намеков, которые лишают людей иллюзий на этот счет: Иисус мог обеспечить огромное изобилие пищи⁴, что является широко известным трюком, который упомянут в древнем папирусе о магии; он вызывает бурю⁵ — даже христиане верят, что это можно сделать с помощью магического талисмана (и, разумеется,

способность вызвать бурю всегда приписывали ведьмам, как в «Макбете»); а когда Иисус проклял смоковницу⁶, он просто продолжил освященную временем традицию порочной практики магов, «уничтожающих», «сжигающих» или «иссушающих» живое⁷.

Хотя верующему католику и неприятно это услышать, но Церковь поддерживает многовековую атавистическую традицию магов, заключающуюся в превращении одного вещества в другое (простого хлеба и вина в плоть и кровь Христа — поразительная форма очевидного каннибализма и вампиризма), использовании реликвий, приносящих благословение и чудесное исцеление, кровоточащих и плачущих статуй.

В Евангелии от Иоанна Иисус посылает Святого Духа в своих учеников, что исполняет дуновением в них: Цель сообщает о египетских магах, которые изгоняют демонов и исцеляют с помощью дуновения. Среди наиболее неприемлемых для сегодняшнего дня высказываний Иисуса есть такие: «Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку — домашние его»⁹. Христианские апологеты утверждают, что это просто пророчество об обстоятельствах, которые будут в будущем, когда религия вызовет раскол даже в одной семье. Но даже в том случае, если он готовил свою паству к столь суровому будущему, почему он был доволен этим? Выглядит фраза так, будто он хвастает грядущей волной домашней ненависти. Довольно любопытные слова из уст носителя мира и для авторов Евангелий, которые включили их в канонический текст. Как ни печально, но более вероятно, учитывая и другие многочисленные примеры, что смысл этой фразы абсолютно прямой, — он сказал то, что хотел сказать. Возбуждение ненависти было хорошо известной особенностью магов, которые не только изгоняли демонов, но и могли подстрекать своих злобных существ делать свои

дело в качестве слуг дьявола. (Эти существа упомянуты также в «Пистис София»¹⁰, что отражает сложившийся в те времена образ Иисуса как мага.)

Знаменательно, что изгнание демона силой другого демона было общей практикой среди египетских колдунов I века: философ Порфирий записал свою хвалу богу Серапису как «повелителю демонов, который заклинаниями изгоняет их»¹¹. Здесь снова прослеживаются верования и практика египетских магов и связь с Сераписом, спутником царицы магии Исиды, роль которой в миссии Иисуса исполняла черная «богиня» Магдалина.

Естественно, люди боялись такой власти над демонами, испытывали огромный страх перед магами. Как отмечает Мортон Смит, «то была магия самая черная из возможных, поэтому неудивительно, что в Евангелиях рассказ о подобной практике Иисуса сведен к минимуму». Он не «посылает» легион демонов в свиней¹², он всего лишь «разрешает» демонам войти в них и уничтожить¹³.

Другим малоприятным деянием Иисуса было проклятие смоковницы, которая осмелилась не иметь плодов, когда он был голоден. В раздражении он воскликнул: «Да не будет же впредь от тебя плода навек»¹⁴. И смоковница тотчас засохла, поразив учеников скоростью возмездия. Когда Иисуса спросили, как такое могло случиться, он ответил: «Истинно говорю вам, если будете иметь веру и не усомнитесь, не только сделаете то, что сделано со смоковницей, но еще и горе сей скажете: поднимись и ввергнись в море, — будет; и все, что ни попросите в молитве с верой, получите»¹⁵. Но зачем эта демонстрация злобы, когда — предположительно — его сил было достаточно, чтобы благословить смоковницу, и она внезапно отяготилась бы плодами для утоления голода не только Иисуса, но и других путешествующих? Хочется выразить симпатию Дж. Р. Акерлею, который в письме к историку оккультизма Фрэнсису Кингу, взывал: «Вглядитесь в него

пристальнее, ну не поганый ли человечиска? Разве можно простить ему бесплодную смоковницу?»¹⁶ Не удивительно, что теологи пытались успокоить то возмущение, которое вызывает этот эпизод, давая неубедительное толкование его как символа системы, пытающейся уничтожить Иисуса, хотя только после исключительных по сложности интеллектуальных вывертов можно прийти к какому-то смыслу при таком толковании.

Был ли Иисус на самом деле странствующим египетским колдуном, обманывавшим массы чудесами? Профессор Смит полагает, что большая часть данных об этом была уничтожена, когда верующие «не только писали тексты, но занимались организацией Церкви», которая впоследствии была использована для «расправы с теми, кто был не согласен»¹⁷. Тем не менее остается фактом то обстоятельство, что многие последовали за Иисусом благодаря «театральному эффекту» сотворения чудес — и, несомненно, самым большим чудом во всей этой истории было воскресение Спасителя из мертвых в гробнице. Хотя, как мы уже видели, это высшее чудо было неотъемлемой частью биографии каждого умирающего и воскресающего бога — особенно Осириса, черного бога культуры, одержимой физическим бессмертием, — в его отношении тоже возникло подозрение в акте черной магии-некромантии. В невразумительном проклятии раввинов III века говорится: «Горе тому, кто сделает себя живым Именем Бога», то есть подразумевается, что произнесение тайного имени Бога, чтобы вдохнуть жизнь в чей-то труп, считалось самым ужасным из всех заклинаний¹⁸.

Судя по тому, что сказано в Евангелиях, Иуда за тридцать сребреников продал на самом деле описание ритуала воскрешения Лазаря в Вифании, что рассматривалось не только отвратительным примером некромантии, но и угрозой разрушения Храма¹⁹. Согласно Евангелию от Иоанна, «первосвященники планировали убить Лазаря,

а также Иисуса»²⁰, потому что толпы собирались, «чтобы лицезреть воскресшего Лазаря». В других Евангелиях предательство Иуды следует сразу за помазанием, выполненным Магдалиной²¹. Как бы там ни было, нечто, случившееся в Вифании, было столь отвратительным, что, в конечном итоге, привело к выдаче Иисуса врагам его. Десмонд Стюарт пишет: «...данные о Вифании показывают, что Иисус практиковал мистерии, подобные тем, что прошел Луций Апулея в культуре Исиды»²².

Посвященный в мистерии Исиды герой «Золотого осла» писал об изменившем его жизнь опыте: «Я уже подошел к воротам смерти и поставил ногу на порог Прозерпины, но мне было дозволено вернуться, пройдя через все элементы. В полночь я видел солнце, сияющее как в полдень; я попал в присутствие богов подземного мира и богов мира верхнего, стоял рядом и молился им»²³.

Для человека извне — и, несомненно, для авторов Евангелий — должно было казаться, что Лазарь-Иоанн умер на самом деле и был воскрешен магической силой Иисуса. Не зная мистерий Исиды, наблюдатель со стороны и даже многие из учеников не могут осознать то, что они видят или слышат, а именно — только символическую смерть. Соответственно, должны были распространиться слухи, что Иисус некромант (особенно в том случае, если для ритуала он использовал настоящую гробницу). Для культуры, которая питает острое отвращение ко всему, связанному с физическими смертными останками²⁴, такие действия немедленно ставили его вне закона.

Если смерть Лазаря была символической, то не было ли распятие инсценированным действием? В этой истории есть некоторые странности: распятие произошло в отсутствие толп народа и на некотором расстоянии от тех немногих, кто присутствовал. Иисус умер очень быстро для молодого человека, а распятие должно было длиться

много часов, даже дней, он же умер через несколько часов и не получил даже обычного «удара милосердия», когда ломают ноги, чтобы распятый быстрее умер. Возможно, губка с уксусом, которую ему поднесли на кресте, содержала какой-то наркотик, под действием которого он впал в коматозное состояние, временную смерть, достаточно долгую, чтобы очнуться уже в гробнице. Если это так, то это могли организовать только римляне-охранники или даже сам Пилат. Возможно, распятие было задумано как высший ритуал посвящения, испытание болью, которая временно освободит его душу для встречи с богами, точно так же, как шаманы используют боль и наркотические вещества для посещения другого мира и познания великих тайн — намеренное введение в состояние, подобное смерти. Может быть, Магдалина со своими деньгами и высоким статусом подкупила римских воинов, чтобы распятие состоялось на условиях самого Иисуса.

Возможно и другое: он был казнен, и его тело украли ученики, а вся история с воскресением была придумана, чтобы позорный конец в руках ненавистных римлян выглядел более благородным, подобно тому, как некоторые французские преступники и коллаборационисты во время Второй мировой войны внезапно оказались героями Сопротивления в позднейших рассказах. Следует помнить, что Евангелия были написаны через несколько десятилетий после событий, и к этому времени уже было отмечено отсутствие обещанного Второго Пришествия во славу, которое, как твердо верили первые ученики Иисуса, должно было состояться при их жизни. Мессия, который умер позорной смертью и не вернулся, как обещал, был превращен в бога-жертву, который воскрес из мертвых после обычных двух дней в гробнице и после свершения нескольких чудес в преображенном виде вознесся на небеса. Это физическое «вознесение» на небеса стало также судьбой Девы Марии, хотя есть несколько

интересных предположений о местонахождении ее гробницы²⁵. Возможно, даже авторы Евангелий поразились бы, что их лихо закрученный сюжет все еще остается догмой в мудром XXI веке и сомнение в том, что это действительно произошло, считается богохульством.

В этой книге не рассматривается то, что реально случилось с Иисусом на кресте: умер ли он, как утверждается в общепринятой истории, послал на смерть кого-то вместо себя, как считают некоторые группы из Братства Сиона, или впал в подобную смерти кому, от которой впоследствии очнулся. Однако ясно, что произошло нечто драматическое, что заставило его расстаться с Марией Магдалиной, поскольку согласно французской легенде она бежала в протекающей лодке сразу после распятия — предположительно, вследствие враждебности Симона Петра. Причиной бегства, возможно, была и не смерть Иисуса: ее отъезд мог быть вызван разрывом между ними...

События в гробнице и вокруг нее тоже весьма туманные. Даже некоторые его последователи считали, что ученики украли его тело, заявив при этом, что он воскрес из мертвых. Миф о воскресении — хорошо известный большинству людей того времени как часть истории Таммуза, Осириса и Диониса — был сострянпан на скорую руку в качестве благопристойного прикрытия, поскольку еврейский мессия не должен был быть казнен как заурядный преступник. Воскресение должно было облагородить эту унижительную трагедию, дать Иисусу статус Царя, поскольку Иисус в стиле мистерий Осириса возродился, а все мертвые фараоны становились «Осирисами». История о встрече Иисуса с двумя учениками по дороге в Эммаус была взята из древнего мифа, который послужил основой для гимна Исиде Луция, героя романа Апулея «Золотой осел»²⁶.

По мере того, как события вокруг Иисуса обрастали все большим количеством чудес — или, в зависимости от

точки зрения, становились все более фантастическими, — возникло подозрение, что такое обилие чудес является показателем коллективной защитной позиции авторов Евангелий и ранних христиан. Выглядит так, будто они говорили: «Ваш учитель или бог может быть могуществен, но ни один человек не может сотворить столько чудес, как наш». А соперником был, как нам кажется, не Серапис и даже не любимый римлянами Митра, но фигура, стоящая гораздо ближе к Иисусу, — человек, значимость которого постоянно проявляется в этом исследовании. Этим тревожащим соперником был, конечно, возлюбленный Леонардо Иоанн Креститель, любопытный персонаж, в отношении которого Братство Сиона²⁷ провозгласило себя его «меченосцами».

Но почему этот столь страшный соперник-аскет — который появляется на сцене только для того, чтобы упасть Иисусу в ноги перед тем, как крестить его, — имел столь большую власть над сердцами и умами еретиков? Иоанн в своем верблюжьем плаще, питающийся сушеными кузнечиками и медом в пустыне, из которой он вышел, чтобы призвать людей «покаяться и креститься», выглядит не столь уж харизматичной личностью, чтобы склонить на свою сторону таких закаленных циников, как Леонардо, или грубых рыцарей-тамплиеров, которые не только воспринимали его всерьез, но обожали. Но, как мы увидим, Евангелия Нового Завета представляют собой не единственный источник, из которого мы черпаем информацию о Крестителе, хотя в широко известных Евангелиях от Матфея, Марка, Луки и Иоанна достаточно данных, чтобы возникли подозрения, что не все было столь уж гладко в отношениях между Иисусом и Крестителем, что Иоанн не был просто предтечей Мессии.

Довольно странным выглядит то обстоятельство, что Иоанн, бесславно потерявший голову по приказу Ирода в ответ на просьбу своей падчерицы Саломеи после

признания и крещения Иисуса, никогда и нигде не упоминается в качестве первой христианской жертвы. Более того, он непостижимым образом вообще не выглядит христианином. Из всех святых он стоит особняком, загадочно изолированным в особой категории, к которой принадлежит он один. Нам не сообщается о каких-либо его отношениях с Иисусом перед крещением или с кем-либо из его учеников — включая Магдалину, — хотя было бы странно, если бы он не знал о них. Иоанн не только крестил тысячи людей, но и всегда был тесно связан с Марией в умах еретиков. Почему? В чем заключается секрет Крестителя?

В поисках реального Крестителя

В Новом Завете рассказывается, что Иоанн был поздним ребенком Елисаветы и священника Захарии: оба родителя были в преклонном возрасте, когда Елисавета чудом понесла. Архангел Гавриил сказал Захарии, что у его ребенка в жизни одна задача — «приготовить народ к пришествию Господа»²⁸. Елисавета, которая была родственницей Девы Марии, посетила ее и провозгласила: «Благословенна Ты между женами, и благословенен плод чрева Твоего!»²⁹ Вдохновленная такой демонстрацией уважения со стороны старшей по возрасту женщины, Мария произносит затем песнь, известную под названием «Магнификат — величание Богородицы», которая начинается словами: «Величит душа Моя Господа и возрадовался дух Мой о Боге, Спасителе Моем», которые столь хорошо знакомы христианкам во всем мире.

После рождения Иоанна — еще одна хвалебная песнь, на этот раз от отца — он обрезан и «был в пустынях до дня явления своего Израилю»³⁰. Похоже, никого не интересует, что делал Иоанн перед тем, как появиться для

крещения Иисуса — возможно, подумают многие, он вел ничем не примечательную, но трудную жизнь отшельника вдали от людей, и говорить здесь просто не о чем. На самом деле по мере развертывания христианской истории мы увидим, что это неправда.

В реальности Иоанн был главой процветающей секты — точнее, международной организации — которая уже устоялась ко времени начала миссии Иисуса³¹: по всей видимости, новый Мессия начал свою духовную жизнь в качестве одного из учеников Крестителя. Что произошло с религией Иоанна — или его «Путем» (под таким названием она была известна), — это вопрос академического исследования: большинство ученых считают, что она просто исчезла или вошла в новую христианскую Церковь. В любом случае это не очень интересует ученый мир, хотя поинтересоваться этой сектой стоило бы, поскольку в истории культа Крестителя таятся самые темные секреты христианства, а может быть, и самого Христа.

Может быть, для большинства ученых очевидное исчезновение секты Иоанна является всего лишь примечанием к истории религии, но нам, разумеется, известны некоторые тайные течения в Ордене тамплиеров — и других тоже, — которые сохранили культ Крестителя. Но для большинства христиан будет новостью даже сама идея о том, что у Иоанна был свой культ, поскольку большинство пребывает в уверенности, что он есть некая вспомогательная фигура при Иисусе.

Церковь Иоанна на Востоке

Мы показывали, как Леонардо защищает образ Иоанна, дезавуируя Святое семейство в своих работах, как рыцари-тамплиеры, похоже, поклонялись Крестителю, поскольку молились перед изображением отрубленной головы

или перед самой головой. Иоаннитский оттенок имеет группа, стоящая за Братством Сиона. Некоторые авторы считают, что тамплиеры заимствовали поклонение Крестителю от таинственной группы, которую неправильно называют «Христианами св. Иоанна», с которой они встретились на Востоке во время походов крестоносцев, искателей тайных реликвий и утраченного знания. Большинство исследователей не знают, где искать эту группу еретиков, но найти их довольно просто, если приложить некоторые усилия.

Викторианским исследователям было известно о существовании «христиан святого Иоанна», хотя это странное гибридное племя известно под названием «мандеи». Они много лет жили в тех местах, где сейчас находится Иран, и в южных болотах Ирака, хотя массовое их уничтожение Саддамом Хусейном после войны в Персидском заливе вызвало повальный исход выживших — около 15 000 человек — в более гостеприимные места земного шара³². Некоторые, конечно, выжили и в Ираке, где журналисты обнаружили их после конфликта 2003 года и с удовольствием отметили существование арабского племени, которое поклоняется Иоанну Крестителю. Знаменательно, что они группируются вокруг города Насирия — явно не случайное совпадение с названием «Назорей».

Хотя происхождение их неясно, по всей видимости они пришли из мест, находящихся рядом с Египтом, — в одном из их священных текстов сказано, что «народ Египта принадлежит к нашей религии»³³, — и в их священных текстах встречаются египетские слова³⁴. Они ушли около 2000 лет назад и медленно, практически постоянно, двигались в направлении Ирака, страдая от преследований со стороны почти каждой доминирующей религии и культуры, которые встречались на пути.

К тому времени, когда мандеи стали объектом серьезного исследования ученых — в 1930 году о них была

написана серьезная работа Леди Дровер, — они заимствовали доктрину и практику других религий, хотя их базовая вера сохранилась. Однако в связи с тем, что многими секретами они не поделились даже с Леди Дровер, их верования в полной мере узнать не удалось. Согласно их священным книгам — таким как Хаван Гавата, Гинза или Книга Иоанна, — Креститель был величайшим в длинной череде пророков-священников, и хотя они поклоняются ему с обожанием, в его божественность они не верят. Он — любимый и уважаемый гностический учитель, известный под арабским именем Яхья, которое встречается в Коране, и арамейским именем Иоханна.

Фактически, мандеи единственная в мире выжившая гностическая религия, их космология подобна той, что изложена в «Пистис Софии», а уважение к «Свету» гносиса (знания) всеобъемлющее. Иоанн известен как «Высший царь Света», защитник высшего добра от противостоящих и равных сил зла, которые включают черную богиню Руху, милостивый аспект которой проявляется как Дух Святой. Многие молитвы адресованы богине Либат, которую ассоциируют с Иштар и, следовательно, с Исидой. У мандеев есть священнослужители как мужчины, так и женщины. Даже эта минимальная информация поражает, поскольку ортодоксальные иудеи, составлявшие сердцевину этой секты, отвергли бы все знаки поклонения богиням. Иоанн Креститель явно не был поклонником язычества! Но, снова, наш образ Предтечи Христа сформирован на основе текстов конца I и начала II вв., и, следовательно, у нас есть все основания для радикально нового истолкования.

Есть аналогичная в некоторых отношениях секта Нусайри в Сирии, в которой сочетаются христианские и мусульманские элементы в верованиях и религиозной практике, но по сути она является языческой и собирается в святых рощах, точно так же, как поклонники Ашеры во времена Соломона. Два их важнейших символа — Свет

и Потир, из которого они пьют священное вино, говоря: «Я пью Свет». Они считают, что Святой Грааль был символом, данным Иисусом возлюбленному Иоанну в виде мистического великого секрета³⁵. Поскольку «Носайри» есть точная копия слова, которое обычно означает «Назорей, или Назарянин», по всей видимости, сам Иисус разделял некоторые верования и практику секты, хотя и не был ее основателем.

Есть и другие сюрпризы: поскольку мандеи верят, что институт целибата есть грех — для них проклят и приговорен к реинкарнации тот, кто отказывается вступить в брак. Из этого следует, что пророк Иоанн был женат, имел жену (по имени Ания или Анна) и несколько детей. Следует отметить, что представление о том, что Иоанн Креститель имел семью, несколько противоречит церковному образу нескгибаемого аскета, ставшего образцом для многих монахов.

Однако наиболее поразительный и значимый фактор в верованиях мандеев заключается в том, что они ненавидят и презирают Иисуса, которого они называют «Иеши, лгущий мессия» или «Мессия Паулис» — «Мессия Павла». Они называют его «извратителем всех культов», «сыном женщины» (старинное восточное оскорбление) и предают его анафеме как зло, восставшее против Пути Света Иоанна. В их саге о крещении Иисуса мы читаем (в довольно замысловатом стиле):³⁶

«Кто сказал Иеши Мессии, сыну Мириам, кто сказал Иеши (что он должен идти) на берег Иордана и (сказать) Яхья (Иоанну): «Яхья, крести меня твоим крещением и скажи мне также твое Имя, что ты хотел бы, чтобы мы произносили. Я покажу себя как твоего ученика, я буду поминать тебя тогда в моих писаниях; (если) я не буду говорить о себе как о твоём ученике, тогда сотри имя мое с твоих страниц».

Затем Яхья отвечал Иеши Мессии в Иерусалиме: «Ты лгал евреям и обманывал священников... ты лгал им... и позор распространял за границей...»³⁷ Иоанн испытал Иисуса загадками, и хотя Иисус давал мудрые и приятные ответы, Креститель продолжал в нем сомневаться — и темная богиня Руха в ипостаси голубя бросила крест через реку Иордан, изменив воды в цвета радуги. Она провозгласила: «Иордан, в котором Мессия Паулис был крещен, превратила я в корыто... вещество, которое принял Мессия Паулис, превратила я в дерьмо»³⁸. (Текст завершается, как и все священные тексты мандеев, словами: «И ЖИЗНЬ ПОБЕЖДАЕТ».)

Очевидно, что это несколько иная версия крещения Иисуса, которому, по утверждению Нового Завета, предшествовала декларация Иоанна о духовном и моральном первенстве Иисуса, выраженная следующими словами: «Я крещу вас в воде в покаяние, но Идущий за мной сильнее меня; я не достоин понести обувь Его...»³⁹ По Библии, встретившись с обещанным Спасителем, Иоанн пытается уговорить Иисуса не креститься, сказав: «Мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне?»⁴⁰ Но после слов, что только по ритуалу все будет правильно и как полагается, Иоанн соглашается провести официальную церемонию, во время которой «Дух Святой» спустился «как голубь» «и голос с небес сказал: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение»⁴¹.

Для мандеев голубь был проявлением темной богини, его присутствие — зловещим, брошенным через Иордан предупреждением о будущих злодеяниях «лгущего мессии», а для авторов Евангелий знаком присутствия Бога, его Шехины или Святого Духа. Вот как это уникальное явление объясняет Десмонд Стюарт:

«Хотя считается, что Яхве послал воронов накормить одного пророка, он обычно не проявлял себя в ипостаси спускающихся птиц. Голуби, в любом случае, обычно были священной птицей языческой богини любви, известной как Афродита или Астарта (или, конечно, Исида). Яхве предпочитал проявляться в виде неистовых символов: горящий куст, чума... пылающий столб...»⁴²

Стюарт добавляет:

«В любом случае мистические видения, вероятно, слишком быстрые для орнитологического исполнения... Для того, что Иисус считал видением, Египет дает лучшие примеры, чем книга с птицами... Когда Ра (бог солнца) прижимал своего возлюбленного фараона к своей груди, он делал это в ипостаси Гора, привычным символом которого был ястреб...»⁴³

Но здесь нет воинственного ястреба, спускающегося к Избранному, но есть голубь, хотя это тоже не совсем безобидный символ, каким может показаться, поскольку он был, как пишет Барбара Д. Уокер:

«Тотем Афродиты, птица сексуальной страсти, символический эквивалент иони (вульвы)⁴⁴. В Индии голубь был «паравата», символом возжеления⁴⁵. В единении со своим супругом, фаллическим змием, богиня-голубь означала сексуальный союз и «Жизнь».

Эту фразу приписывают Иисусу: «Итак, будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (Матфей 10:16), и это не случайная метафора, но традиционное обращение сирийских бога и богини»⁴⁶.

Очевидно, что в крещении Иисуса были элементы, заимствованные из языческих — даже сексуальных —

мистерий, хотя еврейские авторы Евангелий неправильно их понимали либо намеренно неправильно истолковывали.

Но что такое обряд крещения сам по себе? Было выдвинуто предположение, что Иоанн (возможно, и Иисус) был членом общины ессеев в Кумране (где были найдены Свитки Мертвого моря), мистической школы евреев-гностиков, которые вели аскетический образ жизни. Они практиковали ритуал погружения в воду в обряде символического очищения. Было ли крещение Иоанна просто открытым для других обрядом ессеев? Хотя имеется некоторое подобие между верованиями и религиозной практикой ессеев и мандеев, но его можно отнести за счет общего происхождения сект от египетских мистерий, где духовная и реальная дисциплина была обязательным требованием для тех, кто искал мистического гносиса (познания) бога или богини. Но режим ессеев не соответствовал образу жизни ни Иоанна, ни Иисуса. Оба они, каждый по-своему, слишком любили женщин — Иоанн свою жену Анию (его любовь к ней трогательно описана в текстах мандеев), а Иисус — не только Магдалину, но пребывал в компании и многих других⁴⁷.

Тогда как Иоанн постился и вел трезвую жизнь, Иисуса часто обвиняли в том, что «вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам»⁴⁸. Даже если это преувеличение, любовь к беспутной компании и чаше вина является образом жизни, который вряд ли одобрили бы ессеи. В любом случае, ни в Новом Завете, ни в текстах его врагов не говорится о Иисусе или об Иоанне как о ессеях, что служит достаточным доказательством того, что ни тот, ни другой не принадлежали к этой секте.

Итак, если обряд крещения Иоанна не был обрядом ессеев, то каково его происхождение? Снова косвенные данные указывают на школы мистерий земли египетской. Десмонд Стюарт отмечает: «Элементы религии Иоанна

столь же стары, как почти каждая восточная религия. Фараоны проходили обряд крещения, который считался ритуалом царского обновления, как ежедневное погружение солнца в море. В культах мистерий Римской империи также использовался обряд погружения...»^{49, 50}

Обряд Иоанна был абсолютно неизвестен толпам, собиравшимся на его молитвы в Палестине, о чем свидетельствует тот факт, что он был известен как «Креститель» — не один из многих, но просто «Иоанн Креститель». Мы знаем из текстов Иосифа Флавия, что, о чем бы ни проповедовал Иоанн, все вызывало изумление и острый интерес не только евреев, но и других народов тоже. Поскольку религия Иоанна распространилась даже до Эфеса, ясно, что его проповедь в Палестине была только частью более широкой миссии. Он считал свое послание гораздо более широким, чем рамки иудейского закона. Одна из причин, по которой он вызвал злобу властей в Иерусалиме, связана с пропагандой молений вне Храма, чем он лишил Храм немалого дохода от жертвенных животных. Он предвосхитил отказ катаров от церквей, которые они считали лишними и распространяющими тлетворное влияние.

Хотя очевидно, что Иоанн крестил множество людей в нескольких странах, не исключено, что он ждал явления в виде великого «Того, кто грядет», и этим Мессией был, разумеется, Иисус — даже если все было именно так, то он должен был изменить свои убеждения радикально...

История Иоанна кончается внезапно, когда он был арестован по приказу Ирода — согласно Новому Завету, за порицание незаконного брака Ирода Антипы⁵¹ на Иродиаде — и заключен в подземелья дворца царя-марионетки. Новый Завет говорит, что падчерица царя так ему угодила своим танцем, что он обещал ей все, что она ни пожелает. Она — по совету своей матери Иродиады — сказала, что хочет голову Иоанна Крестителя. Хотя Ирод

восхищался святым человеком, он с неохотой согласился, и голова Иоанна была принесена ей на блюде. Его горюющим ученикам было отдано тело, хотя неясно, с головой или нет. Новый Завет ничего не сообщает о том, горевал ли по этому поводу Иисус.

Хотя эта история породила большое количество картин, фильмов и пьес (включая «Саломею» Оскара Уайльда, в которой он сам играл эту танцовщицу)⁵², в Новом Завете она изложена очень кратко и без подробностей всего в двух из четырех Евангелий⁵³, что несколько странно для такого важного события, как смерть Предтечи Иисуса. Хотя большинству людей известно имя дочери Ирода, многие с большим удивлением узнают, что в Новом Завете она выступает анонимно: как Саломею мы знаем ее из текста Иосифа Флавия, который излагает эту историю несколько по-иному.

В «Иудейских древностях» Иосиф Флавий указывает, что арест Иродом Иоанна был упреждающим ударом для предотвращения восстания, поскольку Креститель был не только очень популярен, но и принял сторону врага Ирода, царя Ареты из Набатии. Проблема возникла не из-за женщины, на которой женился Ирод, как говорится в Евангелиях, но в связи с тем, что для нового брака он развелся с дочерью Ареты, и вследствие этого возникла напряженность между двумя странами. Если бы толпы последователей Иоанна согласились с его мнением о том, что семейству Ареты нанесено оскорбление, то они могли восстать против Ирода⁵⁴.

Почему же Матфей и Лука решили скрыть имя Саломеи? Почему Марк и Иоанн полностью игнорировали этот эпизод? Если о нем знал Иосиф Флавий, то, конечно, знали и они: их источники информации о политических и царских делах должны были быть теми же самыми. И, наконец, почему в Евангелиях приводится другая причина ареста Иоанна: вместо угрозы, что он возглавит массовое восстание, говорится только о критике брака

Ирода? (Хотя, конечно, одна причина не исключает другую: вполне вероятно, что Иоанн публично осудил царя за его преступный брак. Из текстов мандеев мы знаем, что он был очень привязан к своей жене.)

Многие считали Иоанна воплощением пророка Илии из Ветхого Завета, что повышало его статус как Предтечи грядущего Христа. Следует сказать, что до этого момента в истории Крестителя не усматривается никаких причин для вековой ненависти к Иисусу мандеев или тамплиеров, попиравших ногами крест, но акценты меняются, дело становится все более темным и недостойным, и на поверхность всплывают немыслимые идеи.

Соперники

Новый Завет не оставляет сомнений в том, что Иоанн был морально и духовно ниже Иисуса, ситуация, которой он, казалось, полностью удовлетворен, будучи Предтечей, что и было указано в пророчестве.

Как мы видели, он пал ниц перед Иисусом, провозгласив, что это Иисус должен крестить его, а не наоборот. Хотя в Евангелии от Иоанна не упоминается об аресте Крестителя и обстоятельствах его казни, там тем не менее имеется недвусмысленное заявление: «Я не Христос»⁵⁵, но далее он отрицает, что он Илия, несмотря на тот факт, что и сам Иисус утверждал это. Есть что-то подозрительное в желании Иоанна пресмыкаться перед Иисусом, что не прошло мимо внимания современных теологов. Хью Шонфильд говорит об «остром соперничестве» между последователями двух вождей: «Мы знаем из христианских источников, что еврейская секта соперничала с последователями Иисуса, который считал, что Иоанн Креститель был истинным Мессией...»⁵⁶

Появление такого нового и радикально иного толкования неизбежно ведет к возникновению целого пласта

острых вопросов. Не являются ли библейские Евангелия всего лишь пропагандистскими материалами секты Иисуса, которая победила в борьбе за влияние? Как известно, историю всегда пишет победитель. Возможно, Иоанн никогда не падал ниц перед Иисусом, никогда не пресмыкался перед ним, не говорил, что он человек недостойный, и не отрицал, что он есть Христос. Может быть, он представлен человеком малодушным только через утверждения авторов Нового Завета, которые хотели бы донести до потомков свою версию отношений между соперниками?

А если не только последователи двух сект соперничали между собой, но и их вожди? В таком случае сцена крещения может считаться аналогом событий, имевших место через 2000 лет, когда левый лидер шахтеров Артур Скаржилл склонился перед правым премьер-министром Маргарет Тэтчер!⁵⁷ Если бы для будущих поколений остался только отчет 1980 года, представляющий собой фантазию фанатичных тори, то как в 4000 году народ узнал бы правду — иное толкование событий?

Возражением против идеи соперничества может быть тот факт, что Иисус говорит в адрес Иоанна комплименты, что вряд ли похоже на поведение амбициозного соперника, например: «Истинно говорю вам: из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя»⁵⁸, что явно должно было польстить Иоанну, хотя сразу же следует загадочная фраза: «но меньший в Царстве Небесном больше его»⁵⁹. Современные люди с западным мышлением, естественно, толкуют фразу «...из рожденных женами не восставал больший...» как «нет среди живущих никого большего». Но мандеи — или любой житель Среднего Востока — мгновенно понимают, что «рожденный женщиной» — это тягчайшее оскорбление, означающее «незаконнорожденный»: ребенок без отца, в переводе на современные понятия «сын шлюхи — сукин сын». В своей книге «Сокровища Монсегюра» Уолтер Биркс и Р.А. Гилберт идут еще дальше, полагая, что этой фразой Иисус

назвал Иоанна «демоном»⁶⁰. Вспомните, что мандеи называют Иисуса «сын женщины», а им не свойственна особая любовь и уважение к нему. В свете такого толкования обретает смысл следующая фраза Иисуса о Иоанне: «меньший в Царстве Небесном больше его», то есть, другими словами, Иоанн Креститель есть такой-то, и даже самый ничтожный из последователей Иисуса стоит выше, чем он.

Довольно бесхитростно в Евангелия был включен эпизод, который выглядит странным, учитывая уверенность Крестителя в том, что Иисус есть Христос, о котором было пророчество. Когда Иисус начал свою проповедь в городах Галилеи, Иоанна, который к тому времени уже был в тюрьме, вдруг одолели сомнения. У Матфея сказано: «Иоанн же, услышав в темнице о делах Христовых, послал двоих из учеников своих сказать ему: Ты ли Тот, Который должен прийти, или ожидать нам другого?»⁶¹ Поскольку он падал ниц к ногам Иисуса и объявил его избранным, а также предположительно видел голубя и слышал голос Бога, то его сомнения выглядят неожиданно. Однако если сцены его поклонения Иисусу не было (хотя он, вероятно, крестил Иисуса, как и тысячи других людей), то вопрос, заданный Иоанном, выглядит совершенно правомерным. Но почему он с таким сомнением относится к сообщению о проповеди Иисуса и его добрых деяниях? Может быть, у него была и другая информация о начале его миссии? Интересно отметить, что ответ Иисуса на вопрос Иоанна содержит оскорбление «рожденный женщиной» и явно оборонительное заявление: «Ибо пришел Иоанн, ни ест, ни пьет; и говорят: в нем бес. Пришел Сын Человеческий, ест и пьет; и говорят: вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам. И оправдана премудрость чадами ее»⁶². (Здесь «мудрость» явно женщина София и, возможно, даже связана с Магдалиной.)

Вопрос еды и питья, видимо, был очень важен для Иисуса: когда люди спросили его, почему ученики Крестителя постятся, а его — нет, он ответил: «Могут ли

поститься сыны чертога брачного, когда с ними жених? ...но придут дни, когда отнимется у них жених, и тогда будут поститься в те дни»⁶³. Помимо невежливости вождя культа, эти слова интересны тем, что Иисус называет себя «женихом» — ассоциация с Соломоном из «Песни Песней» — а также потому, что при такой постановке вопроса он сам может не поститься. Человек, который любит поесть, вряд ли сможет вдохновить других на пост, особенно в том случае, если предлагает себя в качестве образца для подражания.

Но никакая борьба между соперничающими святыми людьми не объясняет переполнявшую мандеев стойкую ненависть к Иисусу и такие же эмоции тамплиеров, которые плевали на крест, попирали его ногами и молились бородастой отрубленной голове. Что еще они знали или думали, что знают, об отношениях между этими двумя людьми?

Мандеи называют Иисуса — «сына женщины» — «извратителем всех культов», поскольку он взбунтовался против Иоанна. Интересно отметить, что у Луки «множество» священников обвиняют Иисуса перед Пилатом в том, что он «развращает народ наш»⁶⁴, что вряд ли согласуется с образом Иисуса как мягкого миротворца. Может быть, они судили его по злым слухам, а Иисус был невиновен в том, в чем его обвиняли, но Креститель, находясь в темнице, узнал о нем что-то, настолько взволновавшее его, что он изменил свое мнение как о мессианстве Иисуса, так и о его честности.

Что бы Иоанн ни знал об Иисусе или думал, что знает, выраженные им сомнения были последним его публичным заявлением, касающимся Иисуса, поскольку сразу после этого он был казнен. И тогда к Иисусу присоединилось большинство его учеников. На первый взгляд это кажется приемлемым, поскольку ученики Крестителя были в горе и нуждались в сильном лидере, наглядной и сильной опоре, точно так же, как скорбная толпа поклонников принцессы Дианы требовала, чтобы королева

вернулась в Лондон и возглавила траурные церемонии. Даже если между Иоанном и Иисусом существовали разногласия, вполне естественно, что молодой харизматичный лидер заступает на место Крестителя в такой час.

Может быть. Но мы знаем из других источников, что Иисус не должен был стать преемником Иоанна — по всем данным он был наименее вероятным кандидатом на роль руководителя иудейской миссии Крестителя. А личность истинного наследника дела Иоанна, учитывая наше представление о Крестителе, поражает: им стал страстный проповедник, человек с жесткими моральными принципами Симон Маг, для Церкви «Первый Еретик», преданный анафеме за то, что якобы пытался купить «Святой Дух» у Симона Петра. По его имени назван грех «симонии», или купли священных церковных должностей. А Симон, как вы помните, путешествовал по Среднему Востоку с черной женщиной по имени Елена, исполнявшей экзотические танцы в цепях. Она была также его партнершей в сексуальных ритуалах. Каким образом из всех возможных вариантов мог Симон Маг стать преемником Иоанна Крестителя, когда самого Иисуса он на это место не назначил?

В тексте III века «Признания Климентина» есть следующий интересный пассаж:

«В Александрии Симон Маг совершенствовался в магии, будучи приверженцем Иоанна (Крестителя)⁶⁵, через которого он приобщился к религиозной доктрине... Из всех учеников Иоанна Симон был его любимцем, но во время смерти своего учителя он отсутствовал, будучи в Александрии...»⁶⁶

Хотя со временем организацию возглавил второй из назначенных Иоанном преемников, некто Досифей, на некоторый неизвестный период времени — в критический момент после смерти Крестителя — иудейская мис-

сия, видимо, оказалась в руках Иисуса. Было ли нахождение первого преемника Симона Мага в этот момент в Александрии простым совпадением или же это было частью кем-то разработанного плана?

Возникает искушение толковать насильственную смерть Крестителя как существенный элемент, предваряющий начало миссии Иисуса. Австралийский религиовед Барбара Тиеринг предположила, что смерть Крестителя как-то связана с учениками Иисуса⁶⁷. Хотя доказательства в пользу невообразимого — ответственности движения Иисуса за смерть Крестителя — представлены в нескольких источниках⁶⁸, необходимо рассмотреть их и здесь в качестве исторических обстоятельств, определяющих историю Иисуса и реальные мотивы действий Марии Магдалины.

В Евангелиях даны странные и неубедительные объяснения казни Крестителя: история с танцовщицей выглядит очень слабой — вряд ли царь, марионетка Рима, убил серьезного политического противника по капризу глупой девки. Может быть, обстоятельства смерти Иоанна были более подозрительными? Может быть, общепринятая версия событий было наскоро сострепана, чтобы объяснить тот неудобный факт, что Иоанна обезглавили, когда он находился в темнице «под защитой» Ирода? Тот факт, что авторы Евангелий верили, что есть что-то противоречивое в обстоятельствах смерти Крестителя, позволяет нам задать обычный в деле об убийстве вопрос: кому выгодно?

Может показаться немислимым вновь открывать дело об этом убийстве в XXI веке, но, как ни странно, даже сейчас можно выдвинуть вполне обоснованные предположения об убийце. Почему авторы Евангелий — когда они включают этот эпизод в текст — обходят молчанием имя танцовщицы, падчерицы Ирода, хотя историк Иосиф Флавий знает, что это была Саломея? Она, кстати, была одной из тех женщин, что присутствовали при распятии,

и является довольно заметной фигурой в Евангелии от Фомы, тексте из Наг-Хаммади⁶⁹, где указывается, что она возлежала на одном ложе с Иисусом. Как мы видели, она также фигурирует в небольшом интересном отрывке, который был изъят из Евангелия от Марка, о чем мы знаем из письма Климента Александрийского: «И сестра молодого человека, которого возлюбил Иисус, и его мать, и Саломея были там...» Была ли эта фраза вычеркнута только для того, чтобы устранить возможные ассоциации между Иисусом и Марией из Вифании или же потому, что там была особо упомянута Саломея? Следует признать, что это имя достаточно распространенное, но уже второй раз мы отмечаем подозрительное отсутствие его, как будто авторы Евангелий действуют как люди в чем-то виновные, отрицая всякое знание о главной свидетельнице. Если эта Саломея была той же самой фигурой, что и танцовщица при дворе Ирода, — или же если была опасность, что ее с ней перенутают, — тогда появляется возможность притянуть имя Иисуса к вопросу об убийстве Иоанна Крестителя, является это оправданным или нет. В любом случае у него были контакты во дворце Ирода — через его ученицу Иоанну, жену слуги царя Чазы⁷⁰.

С другой стороны, если Ирод вообразил, что смерть Иоанна ему на руку, то он вскоре понял, как ошибся. После его поражения в битве народ решил, что это воздаяние за убийство святого человека. Иисус же продолжал получать странные похвалы по мере того, как продолжал творить чудеса. В первые дни своей миссии он, должно быть, был весьма раздражен тем обстоятельством, что люди, на которых произвели впечатление его чудеса, приписывали его силу тому, что Иисус каким-то образом воспринял дух Крестителя. Они говорили, что «он делает великие вещи», потому что он есть Иоанн, а из этого следует, что Иоанн тоже творил чудеса, а Иисус ранее этого не делал.

Вера в магически полученную силу, в то, что Иисус владел — или владеет — духом Крестителя, может быть

основой многих из секретов еретиков, которым нет иного объяснения, а также объясняет роль Марии Магдалины в ее долгие годы эмиграции после распятия Христа.

Церковь, признающая существование чудес, отрицает, что они являются результатом действия паранормальных сил или магических ритуалов — другими словами, проявлением ненавидимого церковью оккультного начала. Чудеса Иисуса были доказательством божественного в нем, тогда как аналогичные деяния других, например Симона Мага, есть работа дьявола. Интересно отметить слова критика христианства Цельса по этому вопросу: «Поскольку Иисус предвидел, что и другие, изучившие то же самое ремесло, будут делать такие же чудеса, хвастая, что они исполняют их волей Бога, он приказал, чтобы такие люди были изгнаны»⁷¹.

Странное наследие Крестителя

Есть данные о том, что в те дни не только последователи Иисуса верили в его оккультную силу, но многие приписывали эту силу загробному влиянию Иоанна Крестителя: «Это Иоанн Креститель воскрес из мертвых, и потому чудеса делаются им»⁷². Даже Ирод соглашался с этим, виновато (и, несомненно, со страхом) воскликнув: «Это Иоанн, которого я обезглавил; он воскрес из мертвых»⁷³. Помимо других соображений авторы Евангелий явно думали, что включение этих эпизодов повысит статус Иисуса, поскольку, хотя Креститель был известен как чудотворец, Иисус усовершенствовал его дар.

Для людей того времени было совершенно естественно, что после внезапного исчезновения со сцены любимого всеми святого человека и появления нового лидера, демонстрирующего чудеса, Иисус имеет доступ к духу Иоанна. Как пишет профессор Мортон Смит: «Иисуса называли «Иоанн», потому что верили: он владеет духом

Крестителя или им владеет его дух»⁷⁴. Смит рассматривает три возможности источника силы Иисуса с точки зрения иудеев I века: дух Крестителя, Вельзевул или независимое сверхъестественное существо, или подлинно божественная природа⁷⁵. У Марка указано, что книжники из Иерусалима порицали его, потому что он «...имеет в Себе Вельзевула»⁷⁶. Даже явления при крещении Иисуса — голубь и голос Бога — считались свидетельством того, что он «владеет духом». Следовательно, по древним понятиям концепция «владения духом» мертвого Крестителя была вероятным объяснением способности Иисуса творить чудеса, но вскоре эти слухи были подавлены.

В свете этих представлений интересно по-новому истолковать слова Иисуса, сказанные на кресте: «Элои! Элои! Ламма савахфани?», которые обычно понимают как «Боже мой! Боже мой! для чего ты Меня оставил»⁷⁷. Однако зевяки, как сообщается, говорили: «Вот, Илию зовет»⁷⁸. (Многие верили, что Иоанн Креститель был реинкарнацией Илии, пророка Ветхого Завета.) Эти слова обычно отбрасывают как бессмысленные или считают свидетельством глупости — или просто глухоты. Но это подход современный, поскольку при таком толковании не принимается в расчет магическая сила, свидетельств которой было очень много. Возможно, зевяки правильно поняли слова Иисуса: может быть, он жаловался на исчезновение духа Крестителя, покинувшего его: «Иоанн! Иоанн! Почему ты покинул меня теперь?» Оказавшись на кресте, Иисус с ужасом обнаружил, что подчинившийся ему дух оставил его страдать в одиночку. Может быть, Мессия верил, что «владение» Иоанном сделает его непобедимым или по меньшей мере невосприимчивым к боли, точно так же, как ученики спрашивали его о «слове силы», которое поможет им достойно переносить пытку, как сказано в «Пистис Софии».

Однако Иисус был не единственным религиозным лидером того времени, обвиняемым в некромантии. Как мы видели, сам Иоанн, по общему мнению, занимался такой

деятельностью, как сказал Иисус: «Ибо пришел Иоанн, ни ест, ни пьет; и говорят: в нем бес»⁷⁹. Карл Краелинг, автор книги «Иоанн Креститель» (1951), объясняет, что это означает власть Крестителя над демоном, а не наоборот. Он пишет: «Клеветники использовали смерть Иоанна для того, чтобы распусть слухи, будто его дух, покинувший тело, служил Иисусу инструментом для деяний черной магии, что само по себе было признанием немалой силы Иоанна»⁸⁰. И, разумеется, «клеветники на Иоанна» были представителями движения Иисуса.

Маги верили, что владения паранормальными — или даже демоническими — слугами не только принесет им всеобщий успех, но и обещает признание их «в качестве богов»⁸¹, что явно имеет следствия в истории Иисуса. Магический Парижский Папирус содержит секретное заклинание, обеспечивающее обретение власти над духом умершего человека:

«Он будет тебе рабом, исполняющим все то, что ему поручено. О, благословенный, посвященный в святую магию, твой самый могущественный помощник, кто один есть владыка Воздуха, исполнит (их) для тебя, и (другие) боги согласятся на все, поскольку без этого бога ничего (не делается)»⁸².

Однако, возможно, наиболее важный аспект этой жуткой практики заключается в том, что контракт с демоном был действенным только в том случае, если мертвый человек, душу которого собирались эксплуатировать, умер насильственной смертью, а маг владел частью его тела... Иоанн умер насильственной смертью, и кто знает, какова была судьба его головы? Может быть, знакомые из дворца Ирода — Саломея или Иоанна — принесли голову Крестителя Иисусу для использования в ритуале, который по сути был обращением в рабство с помощью черной магии?

ГЛАВА ЕРЕТИКОВ

Во французских легендах рассказывается о том, как Мария Магдалина и ее приближенные в протекающей лодке привезли во Францию Святой Грааль. До сих пор идет спор о том, была ли это чаша, в которую была собрана кровь Христа, когда он висел на кресте; или же это был кубок, из которого он пил на Тайной вечере; или же «королевская кровь», заключенная в теле беременной Магдалины или ее ребенка; или это было что-то иное, связанное с историей черной жрицы и ее божественного любовника.

Однако все перечисленное имеет один и тот же недостаток: во всех вариантах подчеркивается, что роль Магдалины по отношению к Иисусу была ролью человека младшего, подчиненного, например, в случае «святой кровной линии наследования» Иисусу. А может ли это быть совершенно неправильной трактовкой? Есть вероятность, что Магдалина была достаточно важной персоной сама по себе, а не в качестве главного апостола Иисуса? Она имела полномочия помазать его, у нее хватило сил и авторитета ободрить находящихся в депрессии учеников после распятия, чтобы они вдохновились, вышли и начали проповедовать и крестить. Ирония в том, что своим энтузиазмом и природной склонностью к лидерству она подписала смертный приговор своей собственной религии, основанной на поклонении богине. Если бы она оставила Симона Петра угнетенным и деморализованным, ее будущая «церковь», несомненно, процветала бы в условиях отсутствия преследования со стороны жестокой, не приемлющей ничего иного патриархии.

Есть множество предположений относительно христианства, даже альтернативные версии. Святой Грааль всегда считался великим мистическим артефактом, связанным с Иисусом. Но что, если Святой Грааль, таинственный объект, который согласно средневековым легендам принесла во Францию Магдалина, вообще не имеет отношения к Иисусу? В конечном итоге, судя по самым ранним средневековым историям о Граале, которые были инспирированы или даже утверждены тамплиерами, учитывая их «крещеных людей» и странные ритуалы надругательства над крестом, не упоминая уже о поклонении отрубленной голове на блюде, Святой Грааль был концепцией не христианской, но иоаннитской. В свете средневековых представлений о времени Христа и историй о его занятиях некромантией можно выдвинуть предположение — а не была ли Святым Граалем голова Иоанна Крестителя?

Безусловно, поклонение страшному черепу было неотъемлемой частью тамплиерских ритуалов, хотя есть данные о том, что такие ритуалы проводились только в ограниченном внутреннем круге лиц. Во время суда в 1307 году брат Жан Тайллифер рассказал, как он был «Принят в Орден... (где) при его посвящении «идол, представляющий человеческое лицо», был помещен перед ним на алтарь. Хьюго де Бир (другой тамплиер) описал, как «голова» была вынута из шкафа... в часовне, и ему показалась, что она сделана из золота или серебра и представляла собой голову человека с длинной бородой. Брат Пьер д'Арбли подчеркнул, что сам «идол», в отличие от копий, не демонстрировался в общих залах, но его показывали только старшим членам Ордена в особых случаях»¹.

Исключительность самой головы подчеркивал и палач тамплиеров, французский король Филипп Красивый, который так писал об идоле своим сенешалям: «Человеческая голова с большой бородой, означенную голову они целуют

и поклоняются ей во всех провинциальных отделениях, но не все братья знают, только гроссмейстер и старшие чины».

Эти головы, по всей вероятности, были копиями головы Иоанна Крестителя, которую прятали в тайном хранилище тамплиеров, используя в качестве исключительной реликвии для ритуала посвящения в высшую ступень. Многие верили, что Орден доставил голову после разграбления Константинополя во время четвертого крестового похода в 1203—1204 гг., когда Роберт де Клари описал множество реликвий, находящихся в часовне дворца Боуколеон, среди которых была и голова Иоанна.

Использовалась она не как экспонат для обозрения паломников, но в других целях, что неоднократно добровольно или под пыткой утверждали перед инквизицией тамплиеры, рассказывавшие о своей религиозной практике. Хотя враги обычно преувеличивают признания своих жертв, особенно если они были получены под пыткой, но не всегда инквизиция была абсолютно не права — в любом случае эту историю можно сложить по обрывочным сведениям и из других источников. Как Иисус и другие в его времена и в соответствии с преобладающими собственными эзотерическими умонастроениями, тамплиеры использовали голову для магических ритуалов, которые они проводили путем вызова «эгрегора», магического существа, созданного силой ума мага, которое затем становилось слугой. Как пишет П.Р. Кениг:

«Представление эгрегора в виде бюста напоминает древнюю литературную традицию оживления статуй или (историю) Саломеи, которая пожелала голову Иоанна Крестителя, вероятно, для усиления своей магической силы. Классическим прототипом такого эгрегора служит Бафомет, предполагаемый эгрегор тамплиеров, которому (как римскому императору-богу) поклонялись в виде бюста...»²

Возможно, у тамплиеров и не было головы Крестителя, но они пытались вызвать его дух через магическое оживление других отрубленных голов или копий из гипса или камня.

Секреты шкатулки Франкса

Как мы видели, оригиналы историй о Граале содержат множество данных об истинном характере реликвии: тех, кто ищет ее, называют «крещеными людьми», а не христианами, они встречаются крест в лесу и побивают его палками, — наиболее очевидное — реликвия представлена бородатой головой на блюде. Но есть еще кое-что, и этот случай может служить примером вдохновляющего явления, которое иногда посещает отчаявшегося исследователя, — неожиданное открытие новой интереснейшей информации. Во время короткого перерыва в Гластонбере в 2002 году меня познакомили с Юрием Лейчем, исследователем эзотерики и одаренным художником, который поделился со мной своими открытиями в отношении историй о Граале.

Вдохновленный трудами энциклопедиста XIX века пренебрежимого Сабина Баринг-Гоулда³ на тему легенд Грааля, Юрий отметил, что он защищает истории Вольфрама фон Эшенбаха и Кретьена де Труа против обвинения в заимствовании из более раннего источника VIII века, «Красной книги Хергеста» (*Llyfr Coch Hergest*), сборника традиционных уэльских легенд. Однако этот источник мог принести и разочарование, поскольку романы XII века Вольфрама и Кретьена могли оказаться более ранними текстами. Однако Юрий независимо от других сделал открытие, которое, казалось, поддерживает теорию Баринг-Гоулда: в Британском музее есть артефакт VIII века, известный как «шкатулка Франкса» (названный так по имени сэра Аугуста Франкса, который

подарил ее музею) — небольшая шкатулка из китовой кости, покрытая англосаксонскими руническими знаками и резанными по кости сценами на библейские и саксонские/нордические темы. Руны представляют собой надписи на старом нотумбрианском англосаксонском и на латинском языках, но на одной стороне шкатулки имеется зашифрованный текст без гласных, который не поддается усилиям ученых. Юрий пишет:

«На задней стороне шкатулки изображено разграбление Храма римлянами, а в углу небольшой человечек показывает римлянам предмет, похожий на чашу. Руническая надпись гласит: «Здесь быются Тит и евреи. Здесь жители бегут из Иерусалима». Отдельное слово означает «Судный день», а другое — «Заложник...»⁴

На передней части шкатулки изображены киты (она сделана из китовой кости), а также поклонение волхвов и сцена из скандинавской легенды со знаменитым Элвином-кузнецом, Вейландом, работающим в своей кузне. Как указывает Юрий, «...орнамент этой шкатулки отличается продуманностью. На ней нет никаких случайных изображений». Мифический кузнец изготавливал священные реликвии и магические артефакты, которые имеют здесь особое значение, поскольку у его ног лежит обезглавленное тело. Юрий так описывает эту сцену:

«В одной руке Вейланд держит в больших кузнечных клещах голову обезглавленного человека, и, что самое интересное, в другой руке Вейланд держит нечто, похожее на чашу, точную копию той, что держит небольшая фигурка в Иерусалимском храме... Более того, ученые предположили, что Вейланд изготавливает ритуальный сосуд для питья из черепа обезглавленного человека...»⁵

Юрий обобщает свою наводящую на размышления находку:

«На передней части шкатулки Франкса мы видим Рождество Христово и «Ангела» Вейланда, изготавливающего магический сосуд для питья из человеческого черепа; на противоположной стороне шкатулки изображена фигура человека, которого отпускают из Иерусалимского храма с тем же самым магическим сосудом.

В «Персивале» Кретьяна де Труа говорится, что Грааль — это чаша, в которую Иосиф Аримафейский собрал кровь Христа. В «Передуре» и «Красной книге Хегеста» Грааль — не чаша, но отрубленная голова на блюде; и если Сабин Баринг-Гоулд прав, то создание «Передура» относится к тому же времени, что и шкатулка Франкса. Говорят, что рыцари-тамплиеры были хранителями Грааля. Их также обвиняли в поклонении «голове». Может быть, и то, и другое правда, и Грааль является и чашей, и головой — ритуальным сосудом для питья, изготовленным из человеческого черепа силами ангела Элвина?»⁶

И, разумеется, «сила ангела Элвина» может быть духом самого Иоанна, который силой магии Иисуса ему подчинился — во всяком случае, во мнении людей⁷. Может последовать возражение, что шкатулка Франкса — работа по сути христианская с изображением сцены Святого Рождества, но даже здесь возможна связь с иоаннитами, поскольку теперь признано некоторыми учеными, что массив иоаннитской литературы — песни, гимны и, возможно, даже Евангелия — был либо уничтожен последователями Иисуса, либо использован как основа для некоторых главных эпизодов в Новом Завете.

Некоторые источники были полностью заимствованы, изменено только имя главного героя, и, таким образом,

рождество Иоанна стало Рождеством Иисуса, а его царская родословная была присвоена себе претендентом на роль Христа, тогда как Ирод отдал приказ уничтожить ни в чем не повинных детей в попытке уничтожить Иоанна. Даже слова его матери Елисаветы о том, что она беременна в престарелом возрасте — «Моя душа величает Господа и мой дух возрадовался в Боге моем Спасителе» — стали «Магнификатом» Марии, молитвой, произнесенной для усиления чуда непорочного зачатия. Можно предположить, что оригинальная «литература Иоанна» стала тем, что называют Евангелием от Иоанна (считается, что совпадение имен случайное, хотя это может указывать на то, что Иоанн был учеником Крестителя). Как пишет немецкий религиовед Рудольф Балтманн, эти «откровения» были, «как полагают, в оригинале документами последователей Иоанна, и в них Иоанну отводилась роль Искупителя, посланного из мира Света. Следовательно, существенная часть Евангелия от Иоанна была сначала не христианской... но появилась в результате переделки предания о Крестителе»⁸.

Осознание того, что Евангелие от Иоанна (Крестителя) превратилось в книгу Нового Завета, в некоторой степени объясняет, почему часто кажется, что в Священном Писании были два Мессии: один, жесткий лидер культа с проповедью, требующей отречения от семьи и ненависти к родным, с презрительным проклятием свиньям и смоковницам, и другой, призывающий к прощению, братской любви и самопожертвованию. Возможно, авторы Евангелий, составлявшие тексты в конце I века, понимали, что у них слишком мало данных о реальном Иисусе, и просто заимствовали ряд эпизодов из литературы об Иоанне, чтобы произвести впечатление на читателей. (Предположительно, до того как были сожжены и спрятаны их источники.) Для тамплиеров-иоаннитов

и мандеев не составляло труда определить, какому «Христу» какие слова принадлежат.

Но даже если мы многие века поклоняемся не тому Христу, это не объясняет, почему Мария Магдалина — равно любимая еретиками, обожающими Крестителя, — была в столь близких отношениях с тем, кто взбунтовался против него (или хуже). Здесь мы снова вступаем на путь предположений, поскольку можем быть обмануты как гностиками, так и Церковью. Хотя Магдалина изображена как Апостол Апостолов и действует как непоколебимый последователь проповеди Иисуса, следует помнить, что все другие Евангелия были написаны без прямых знаний о реальной женщине. Авторы не знали о той драме, которая разыгралась между двумя соперничающими культурами Иисуса и Иоанна. (В конечном итоге, Иисус победил, и все следы «правления» Иоанна были уничтожены или превращены в версию событий, изложенную в Новом Завете.) Для гностиков, как и для ортодоксальных христиан, Иисус был истинным Христом и, следовательно, Мария была его преданной ученицей-последовательницей, даже если она и была его любовницей или жрицей, проводившей с ним обряды сексуального посвящения. Такое толкование тоже может оказаться серьезным искажением реальных обстоятельств.

Предполагается, что она прибыла в Галлию и проповедовала учение Иисуса, но, как мы видели, странно, что она продолжала оставаться в безопасности после проповеди на ступенях Храма Дианы в Марселе. Не проповедовала ли она на самом деле свое собственное учение, в котором Иисус был едва упомянут? Не собиралась ли эта «жрица» из стран отдаленных вдохнуть новую жизнь в устоявшийся культ поклонения Богине?

В своей книге «Святая Кровь и Святой Грааль» Бейджент, Ли и Линкольн выдвинули гипотезу, что «sang real» следует читать «sang real», или царская (королевская) кровь, линия священных королей, ведущая свою

родословную от Марии Магдалины и Иисуса Христа. Но предполагаемые защитники этой версии, Братство Сиона, мандеи, иоанниты, никогда не поддерживали никакой связи с Иисусом. Если почитается какая-то предполагаемая наследственная линия крови (и в еврейской, и в египетской культурах «сила» нисходит по женской линии), то это связано с ее, но никак не с его участием. Она — представительница Исиды, богини любви и магии, которая наделяет властью священного бога-царя. Почему она должна пресмыкаться перед мужчиной, которого она помазала, и пропагандировать его учение, а не их общую веру в Богиню?

Разумеется, Исида — это только половина вечного божественного уравнения, поскольку все могущественные богини древности были сбалансированы равной и противоположной мужской энергией в виде бога. Принято, даже среди ревизионистов и неоязычников, что «богом» Магдалины был Иисус. Ну а если она видела его насквозь с его показухой и черной магией? В «Тайной вечере» Леонардо да Винчи она отклоняется от Иисуса так далеко, как только возможно, что говорит о глубоком расхождении между ними, тогда как апостол Петр отрезает ей голову своей ладонью, а другой апостол делает перед лицом Иисуса «жест Иоанна» с недвусмысленной наглостью, возможно даже, в спокойном гневе, как будто говоря: «Помни, что ты сделал с Иоанном Крестителем...»

Возможно, в конечном итоге, супругом Магдалины был не Иисус, а Иоанн. Здесь прослеживается четкий намек на миф об Исиде: в Абидосе в Древнем Египте лежала голова бога Осириса, которая мистически общалась с верующими в него... А что, если даже альтернативные авторы связывали Магдалину не с тем Христом?

Если Магдалина и ее окружение сознательно — или даже бессознательно — разыгрывали миф об Исиде и Осирисе, то есть поразительное подобие между их действиями

и деяниями главных участников древней истории. Осирис — брат и муж Исида — убит злодеем Сетом, разрублен на куски, причем голова оказалась в Абидосе. После того как Исида собрала куски тела, магически воссоединила их и родила бога Гора, она шокировала окружающих, вступив в связь с Сетом, хотя ее мотивом могло быть установление полной власти над убийцей мужа. А что, если Магдалина вступила в связь с Иисусом, чьи последователи сумели организовать казнь Крестителя? Исходя из предположения, что, может быть, он не умер на кресте, она предоставила его своей судьбе, когда он оправился от ран, полученных на кресте, и бежала во Францию? Не была ли Магдалина не христианкой по Иисусу, но христианкой по Крестителю?

Так же, как нам известно, что «литература Иоанна» была заимствована для Нового Завета в качестве истории Иисуса, возможно, и любовь Магдалины к Христу — какой полезный термин для прикрытия — была заимствована, и тамплиеры узнали, что Христом был совсем другой человек...

Здесь ни в чем нет твердой уверенности, но много предположений, которые внезапно возникают, как только человек освобождается от шор христианского мифа. Разумеется, Магдалина могла быть просто жрицей при Христе для исполнения обрядов священного сексуального посвящения и никогда не имела с ним никаких личных контактов, кроме помазания, — гностики и еретики могли подхватить ложные слухи о характере их отношений. Или же она могла любить Иисуса в той же степени, как он был очарован ею, и даже иметь ребенка или детей от него, но что-то, сделанное Иисусом или сказанное им, заставило ее усомниться в нем и уйти. Представляется вероятным, что это могла быть его причастность к смерти Крестителя при подозрительных обстоятельствах.

Хотя в Новом Завете нет и намек на то, что Креститель и черная жрица когда-либо встречались, есть

ощущение, что авторы Евангелий пытаются всячески избегать того, чтобы у читателя возникла мысль об их связи, вероятно, через Вифанию, сцену помазания и ритуал воскресения Лазаря. Заметим, что в отношении Вифании наблюдается постоянная уклончивость — например, ее называют «некая деревня» — может быть, потому, что семейство из Вифании было каким-то образом связано с Крестителем, возможно, что даже родством. (Если они были близкими родственниками, то и он мог быть чернокожим...) Вифания могла быть центром мандейских ритуалов, а мандеи видели в Иисусе бунтовщика против Иоанна. В этом контексте интересно высказывание Барбары Д. Уокер: «Во многих ранних обществах старого царя убивал молодой царь, обычно называемый «сыном», хотя он мог и не быть его кровным родственником»⁹. Были ли Иоанн убит, чтобы освободить место для нового Царя? Из этого следует возможное радикально новое толкование многих пассажей Нового Завета, когда Иисус говорит: «Я и Отец есть одно целое», или же, более точно:

«Никто не приходит к Отцу, как только через Меня. Если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего. И отныне, знаете Его и видели Его.

...Разве ты не веришь, что Я в Отце и Отец во Мне? Слова, которые говорю Я вам, говорю не от Себя; Отец, пребывающий во Мне, Он творит дела. Верьте Мне, что Я в Отце и Отец во Мне; а если не так, то верьте Мне по самим делам...»¹⁰

Мы показали, что народ — и даже Ирод — думал, что Иисус мог творить чудеса, потому что «владел духом» Иоанна Крестителя, а в данном случае Иисус хвастает, что он и «Отец» есть единое целое, предлагая в качестве доказательства чудеса. Не ссылался ли тем самым Иисус на свою магическую связь с духом Крестителя? Интересно,

что он говорит «отныне... вы знаете его», как будто был какой-то особый ритуал, которым отмечен переход «Отца» в его собственное тело и душу. (Интересно также отметить, что Иисус использует термин «Авва» для слова «Отец», что является признаком особо тесных и фамильярных отношений — эквивалент современного обращения «Папа».)

Была ли смерть Крестителя в темнице Ирода ритуальным убийством, предназначенным для завершения «правления одного «царя» и возвещения о начале правления следующего? Не забывайте о заколдованной голове, которая, как верили, содержит его порабощенную душу, источник чудовищно большой власти -- вероятно, дающей ее владельцу возможность того, что ему «будут поклоняться как богу»⁷. Современному человеку все это может казаться фантастикой, но не людям того времени и того места, не, гораздо позже, тамплиерам. Для них все это было полно реального смысла, хотя некромантия приводила многих из них в ужас.

Юрий Лейч предложил возможный сценарий того, как голова Иоанна — имевшая магическую силу — могла стать легендарным Граалем. Он пишет интригующе:

«Предположим, что Ирод настолько боялся популярности Иоанна Крестителя, что убил его (как то и было, судя по Иосифу Флавию). Предположим, Ирод сохранил у себя голову Иоанна Крестителя, чтобы «управлять» духом Иоанна, тем самым лишив его последователей возможности восстать.

Предположим, что Иоанн Креститель уже давно был мертв и обезглавлен до того, как Саломея (симпатизировавшая Иисусу) попросила голову Иоанна, которой владел Ирод, на блюде.... Царь обещал Саломее все, «вплоть до полцарства», но с огромной неохотой отдал ей голову Иоанна.

Предположим, что Саломея затем отдала «голову на блюде» Иисусу, который завоевал популярность, а Ирод боялся, что он и есть реинкарнация Иоанна. (Может быть, «реинкарнация» всего лишь неправильный перевод с еврейского, может быть, Ирод боялся, что Иисус владеет духом Иоанна через владение его головой.)

Самый старый роман о Граале, «Высокая история Святого Грааля», написанный в Гластонбери около 1200 года, основан на более древней, ныне утраченной латинской истории Грааля. (Шкатулка Франкса попала в Гластонбери, где она принадлежала аббату Генри де Буа, «человеку, который знал все истории о Святом Граале, знал больше, чем кто либо еще»; и у него была обширная библиотека, на основе которой была написана книга «Древности Гластонбери», самая первая книга, где приведена история Святого Грааля Иосифа Аримафейского.)

В «Высокой истории» Грааль именуется «самым святым сосудом» (не чаша, но глубокое блюдо, которое, согласно «Высокой истории», было использовано Иисусом и его учениками во время Тайной вечери). Не могла ли это быть голова Иоанна?

Грааль (во Франции точно) - это общая миска для совместного обеда, в которую каждый макает куски хлеба в соус, когда ест мясо. Иисус сказал: «Это мое тело... это моя кровь»!¹¹

Вне сомнения, особое подчеркивание в Библии того факта, что падчерица Ирода попросила голову Иоанна на блюде, может свидетельствовать о том, что голову использовали для магии, в обстановке увлечения которой жили в то время Иоанн, Иисус и Магдалина. У современного человека такой сценарий вызывает отвращение, и христиане реагируют на такое предположение как на нечто тошнотворное, но следует помнить, что даже римляне придерживались того же мнения в отношении

каннибализма и вампиризма, чем является поедание тела и крови Иисуса. (Католики до сих пор верят, что освященный хлеб буквально представляет собой плоть Христа, а вино — его кровь через чудо — и, можно сказать, высокую магию.) Конечно, когда испанцы обращали атцеков в христианство, никаких проблем не возникло, поскольку те давно пили кровь во время языческих ритуалов.

Если Иисус каким-то образом завладел головой Иоанна, изъяв ее из дворца Ирода — или даже, по словам Лейча, из его личного владения, — он вряд ли удовлетворился просто любованием своим приобретением. То были дни магии, и герои того времени думали в свете магии, особенно в том случае, как утверждается в Талмуде, если Иисус сам был подготовленным египетским магом. Голову следовало использовать во славу и для обретения власти ее владельцем. И традиционно Грааль хранили и оберегали женщины...

Еретики, видимо, верили, что Магдалина была хранителем головы, защитницей Грааля, каковой считали ее и тамплиеры. Но предположение о том, что она увезла ее с собой во Францию, еще не конец истории.

Продолжаем поиск

Есть старая поговорка тамплиеров: «Кто владеет головой Иоанна Крестителя, тот правит миром», и ясно, что было много эзотерических групп, члены которых верили в ее сверхъестественную мистическую силу и высоко ценили эту реликвию. Что же случилось с ней?

У инквизиции не было сомнений в том, у кого находится голова, за которой охотились столь многие: они верили, что голова попала в руки катаров¹², которые ревностно охраняли ее, хотя считали Крестителя демоном. Эта вера возникла вследствие одного оскорбительного

пассажа в Новом Завете, где Иисус говорит о Крестителе «рожденный женщиной», добавляя, что тот ниже нижайшего из его последователей. А может быть, вследствие искаженной версии, по которой Креститель был «демоном» Иисуса — духом, служившим ему, поработленным с помощью черной магии, который остался в этом мире магически заключенным в черепе. Даже при столь ужасающей репутации — и, по всей вероятности, отвратительном внешнем виде — реликвию хранили и оберегали, поскольку она принадлежала Сыну и считалась невероятно могущественной. Была ли эта голова унесена из последнего прибежища катаров в Монсегюре в 1244 году, возможно, с их собственным вариантом Евангелия? Кажется, ее продолжали ассоциировать с Марией Магдалиной еще долго после этого времени, поскольку на алтаре Соньера она изображена коленапреклоненной перед черепом и открытой книгой, что в данном случае может быть связано с катарскими сокровищами в виде головы Крестителя и тайного Евангелия.

В Лангедоке — и других областях Южной Франции, а также Западной Англии — наблюдается необычное явление: храмы, посвященные Крестителю, обычно располагаются рядом с храмами, посвященными Магдалине, как будто они духовно неразделимы. Две церкви Ренн-ле-Шато — в этой крошечной деревне — были сначала посвящены Крестителю и Магдалине, хотя одна из них с некоторой иронией позднее была вновь освящена в честь апостола Петра. Это произошло с церковью Марии Магдалины, убранство которой было переделано священником-рenegатом Соньером и в которой имеется изображение коленапреклоненной Магдалины с книгой и черепом. В некоторых местах ее традиционный кувшинчик с миром заменен на череп, что толкуется как свидетельство ее присутствия при казни Иисуса на Голгофе — «Месте Череп» — или как память о конце, который ждет каждого из

нас. Может быть, версия Соньера говорила тем, «кто имеет глаза, чтобы видеть», о Святом Граале как о голове Иоанна Крестителя?

Если рассматривать это вместе с тем, что тамплиерские группы, стоявшие за Братством Сиона, называют себя «меченосцами Церкви Иоанна» и грассмейстеры в этих группах, подобно царям Эфиопии, всегда называют себя Жан-Джон-Джиованни, то невольно возникает предположение об их связях с иоаннитской церковью. Возможно, масон-монархист Соньер работал на тех, кто были последователями Иоанна и Магдалины, во всяком случае, ходили слухи, что священник поставил перед собой высшую цель: основать новую религию с центром в его деревне, где планы строительства предусматривали наличие большого бассейна для крещения. Как уже говорилось, постоянно циркулировали слухи о том, что Соньер спрятал таинственный сундук под фундаментом своей «Виллы Вифания» — не мог ли он содержать голову Иоанна? Его домоправительница Мари Денарно писала другому священнику об «этой вещи мсье Жана», которую она хотела убрать, поскольку считала ее отвратительной. Конечно, это мог быть всего лишь старый берет, забытый в церкви мистером Джоном, но теоретики заговора уцепились за эту фразу как за очередной след.

Однако не советую даже намекать на возможность того, что голова Иоанна спрятана в окрестностях Реннле-Шато, поскольку карьера многих заканчивалась сразу после опубликования подобного предположения.

Франция таит множество связей с Крестителем и Магдалиной, традиционно считающимися представителями раскаяния и покаяния, или мужской и женской священнической силы. Например, в Провансе около деревень, расположенных рядом с районами, называемыми Санта-Маделайн и Санта-Жан, соответственно, и около мыса Сен-Жан-Кэп-Феррат (Святой Иоанн Железная Голова),

находится часовня Святого Себастьяна, установленная высоко на скале над единственной дорогой. В ней есть картина с изображением Святого Грата, бывшего епископа этого района, который держит голову Иоанна Крестителя. Всего лишь в пяти километрах в тамплиерской церкви Святого Креста есть фреска, на которой изображена Саломея, демонстрирующая голову Крестителя Ироду и Иродиаде. Обычно Иоанна изображают как человека, который крестит Христа, но в иоаннитских районах главный сюжет — смерть Иоанна. И разумеется, на картине в церкви Ренн-ле-Шато он показан возвышающимся над коленопреклоненным Иисусом, чья поза является точной копией позы демона, скорчившегося у двери. Мандеи такую картину, несомненно, одобрили бы.

Недавно Кейт Лейдер в своей книге «Голова Бога» (1999)¹³ предположил, что череп Иоанна спрятан под часовней Рослин около Эдинбурга — уникальным строением XIV века, о смысле резьбы которого до сих пор ведутся жаркие споры¹⁴. Он считает, что тамплиеры нашли его во время своих путешествий и привезли в свой шотландский центр. Но представитель современных шотландских тамплиеров Джон Ричи сказал в интервью эдинбургской газете «Ивнинг Ньюс»: во всех легендах поклонялись, конечно, черепу и, по всей вероятности, принадлежащему Иоанну Крестителю¹⁵.

Несмотря на различные теории о реликвиях и утраченных Евангелиях, спрятанных под часовней Рослин, есть основания полагать, что там ничего нет. Как полумифическая карта спрятанного клада, содержащего документы, священные артефакты или голову, часовня стала мгновенным британским ответом на Ренн-ле-Шато.

Существует много легенд о странной судьбе останков Крестителя. В настоящее время осталось только два серьезных кандидата на предположительно подлинные реликвии: кафедральный собор в Амьене и мечеть Уммаяд

в Дамаске, построенная на месте церкви Иоанна Крестителя IV века, где он лежит в храме за металлической решеткой. По одной из легенд Ирод послал голову в Дамаск, чтобы римляне могли убедиться в его смерти. По другой легенде, когда арабы взяли христианскую церковь в VII веке, в ней проступила кровь Иоанна, а когда церковь разрушили, то под ней была найдена его голова, на которой сохранились кожа и волосы. То есть ей было суждено сохранять свою магическую силу, что подтверждает факт ежегодного паломничества мандеев к этому месту, где они прижимаются головой к металлической решетке, и вследствие этого у них возникают пророческие видения¹⁶.

Но реликвии имеют привычку бесцеремонно обходиться с надеждами и убеждениями верующих: кто может сказать, что сморщенный череп в мечети Дамаска на самом деле есть останки Иоанна Крестителя?

Теории могут быть увлекательными, шокирующими, ироничными, но нет реальных доказательств того, что случилось с черепом Иоанна. Может быть, он просто гниет в земле. Может быть, группа современных рыцарей-тамплиеров держит его в склепе, вынимая для своих секретных встреч или тайных оргий мистической направленности. А может быть, он достался анонимному коллекционеру древностей и неузнанный пылится на полке рядом с другими сокровищами, и поработанная душа Иоанна Крестителя, который, возможно, был истинным Христом, тихо стонет во мраке — если, конечно, в старых легендах о ее магической силе есть правда.

Вероятно, мы никогда не найдем голову Иоанна, даже если она каким-то образом сохранилась за два тысячелетия. Но если сохранилась до, по меньшей мере, конца XV века, то есть следы ее местонахождения, которые позволяют замкнуть круг этого расследования. Существует плакат XIX века, выпущенный розенкрейцерами, на

котором Леонардо да Винчи изображен как «Хранитель Грааля»: мы рассказали о его преданности Иоанну, поэтому нет сомнений в том, чем для него мог быть Святой Грааль. Если он каким-либо образом завладел головой Крестителя — а он явно симпатизировал тамплиерам даже через двести лет после их уничтожения, — он мог знать весьма высокопоставленных людей, а от них — где была спрятана голова. Не слишком наглым кажется предположение, что одна его сохранившаяся скульптурная работа — Иоанн Креститель, который стоит сейчас над портиком баптистерия во Флоренции, — может содержать некоторые данные о ней и даже часть неуловимой реликвии.

Это произведение было плодом совместной работы: коллегой Леонардо был Джиованни Франческо Рустичи, известный алхимик и некромант. Леонардо провел с ним много времени в уединении; Джорджо Вазари, историк искусства XVI века, пишет в своем труде «Жизни художников», что во время совместной работы Леонардо и Рустичи над этой скульптурой никому не позволялось даже приближаться к месту работ. Возможно, они занимались просто совершенствованием своего произведения, не исключено, что в этом уединении был и сексуальный оттенок. Но художники Возрождения были также и магами, которые верили, что можно вдохнуть реальную жизнь в произведение искусства, даже наделять его сознанием через то, что называют черной магией, — создание эгрегора — точно так же, как, по слухам, Иисус использовал дух Иоанна, чтобы обрести большую силу. Не пытался ли Леонардо вместе со своим другом вдохнуть в своего Иоанна Крестителя более чем временное состояние жизни? Если в скульптуре есть что-то от иоаннитского Святого Грааля, тогда жизнь не слишком милостиво обошлась с этим произведением: хотя оно и сохранилось, но служит сейчас туалетом для огромной стаи голубей.

Леонардо был похоронен в церкви Святого Флорентина в Амбуазе. Когда церковь была разрушена солдатами Наполеона, говорят, его черепом играли как мячом — если, конечно, это был его череп...

Согласно легендам, за Граалем всегда ухаживали женщины, а нам известна женщина, которая была неотделимой частью истории Иоанна, как и Иисуса. Может быть, где-то существует и ее реликвии, предметы фанатичного поклонения или забытые в отдаленной пещере или могиле. Если они будут когда-либо найдены, было бы интересно провести анализ ДНК, чтобы определить ее расовую принадлежность. Однако не оставляет мысль, что какими бы достоверными данными ни была подкреплена реликвия, при обнаружении, что она принадлежит черной женщине, Церковь тут же опровергнет аутентичность останков. В завершение нашего исследования неизвестной истории Магдалины и в связи с тем, что понять ее в отрыве от историй Иисуса и Иоанна Крестителя невозможно, пришло время проанализировать, что мы смогли выяснить после 2000 лет беззастенчивого замалчивания, намеренного сокрытия фактов теми, кто всегда ненавидел ее и то, что она проповедовала.

Мария «называемая Магдалиной» не была проституткой, как до недавнего времени утверждала Церковь, не была уроженкой Галилеи, хотя по национальности могла быть еврейкой. Сложив вместе все данные — зачастую отрывочные, в виде намеков или даже знаменательных умалчиваний, — мы видим, что она была одной из самых значительных религиозных и исторических фигур.

Известная еретикам как Апостол Апостолов Иисуса, и его *κοινωνος*, или сексуальная партнерша, она явно была в интимных отношениях с человеком, который согласно общей вере был целибатом, вечно девственной ипостасью Бога. Но есть довольно убедительное предположение, основанное на таинственном помазании, что

она не была его законной женой, но скорее любовницей или даже жрицей сексуального посвящения в древнем языческом ритуале *hieros gamos*, или священном браке. Поскольку она имела полномочия помазывать на божественное царствование, можно считать, что она была духовно выше Иисуса, по крайней мере, во время церемонии помазания (которую ученики истолковали как напрасную трату драгоценного благовония, абсолютно не понимая сути векового священного ритуала).

Магдалина по гностическим Евангелиям была центральной фигурой в первые дни христианства в качестве как проповедника, так и женщины, с которой Иисус вступил в связь — ситуация, которую явно не одобряли патриархальные иудеи, примкнувшие к движению, особенно Симон Петр, который, как кажется, ненавидел ее («и всех женщин» тоже) так сильно, что угрожал ее жизни. Эта личная ненависть предопределила возникшую позднее ситуацию между Римской католической церковью и подпольным женским движением, которое достигло наибольшей силы в Южной Франции. (Одним из следов ее наследия является загадка реальной исторической фигуры из Ренн-ле-Шато Марии де Негре д'Хартполь, или Марии Черной, священной проститутки, или жрицы в сексуальном обряде посвящения.) Церковью Святого Петра управляли мужчины, женоненавистники, экзотерики — для масс, — и она была основана на жесткой догме, неповиновение или неверие в которую каралось страшной смертью. Движение Магдалины было по сути женским и эзотерическим, несомненно, включавшим поклонение древним богиням и ритуалы посвящения сексуального характера, гораздо более интуитивным и свободным в отношении догм.

Имя «Магдалина», означающее «возвышенная» или «великая», может быть также связано с местом ее происхождения — не с городом на берегу Галилейского озера,

как обычно считается, поскольку в ее дни города Магда-ла не существовало — но, вероятно, с египетским городом Магдолум или даже эфиопским населенным пунктом Магдала. Представляется обоснованным, что, хотя она была связана с таинственным семейством из Вифании во время иудейской миссии, она провела большую часть жизни в других местах: ее поведение — и, разумеется, поведение Иисуса — было поведением иностранки, человека, который не знает превалирующие культурные требования или даже Иудейский Закон или не воспринимает его всерьез. Согласно неканоническим Евангелиям она была широко известна по своему образу жизни богатой, независимой и не иудейской женщины: уверенная в себе, откровенная и быстро возражающая, никакого следа скромной застенчивости, приличествующей женщине того времени.

Если она была эфиопского или даже египетского происхождения, то могла быть чернокожей, что привело к появлению культа Черной Мадонны, которую всегда ассоциировали с ней и с древними языческими богинями, включая черную Исиду, которую еретики часто связывали с ней. Есть еще одна традиционная связь между Магдалиной и черным цветом кожи, поскольку даже Церковь видит в ней новую царицу Савскую — а эту таинственную чернокожую царицу несколько африканских стран считают своей, особенно Эфиопия. Кроме того, намеки на черный цвет кожи встречаются в легендах о Граале и в сравнении Магдалины и Елены Симона Мага, о которой недвусмысленно пишут как о чернокожей.

Магдалина могла иметь эфиопско-еврейские корни и поклоняться Богине, поскольку считается, что царь Соломон обратил царицу Савскую в иудаизм, хотя она продолжала почитать Исиду. Мария, видимо, была жрицей культа Исиды, священной проституткой, проводившей ритуал посвящения, которая принесла свою религию

во Францию, где была немедленно признана и принята жрицами Дианы. Она, вероятно, проповедовала собственный вариант старой религии.

Наиболее серьезным кандидатом на роль такой религии в современном мире считается культ мандеев, в котором Иоанн Креститель считается величайшим пророком, а Иисус ненавидим как бунтовщик против него. Эта сложная — и для XXI века весьма противоречивая — теология включает поклонение одному-единственному истинному Богу, но имеются также по египетской линии несколько меньших богов и богинь. В текстах мандеев упоминаются такие египетские боги, как Птах, поэтому, возможно, корни этой религии связаны с египетским влиянием и даже более поздними религиями, такими как культ Сераписа, наряду с многими древними иудейскими элементами.

Мандеи сначала имели женщин в качестве первосвященников, но эта традиция тихо исчезла, когда они поселились среди арабов в связи с тем, что ислам не терпит женщин в общественной и религиозной жизни¹⁷.

Была ли Мария Магдалина высшей жрицей мандеев? Была ли Вифания иудейской резиденцией Иоанна Крестителя и мандейской миссии Магдалины? Самого Иисуса мандеи считают одним из амбициозных членов секты Иоанна, который изменил пророку, лгал и обманывал, но не был главной фигурой религии. Его относительно низкий статус — и возможность того, что Магдалина была на самом деле духовно выше его, — проливает некоторый свет на таинственную проблему их взаимоотношений. Возможно, он не был человеком, столь сильно опекаемым женщинами, каким кажется, по меньшей мере, при чтении между строк гностических Евангелий, но просто утверждал свое высокое положение, которое иудеи, не относящиеся к мандеям, считали непонятным. Было ли гностическое христианство таким образом по сути результатом

единственной известной мандейской миссии? Конечно, Иоанн Креститель был бескомпромиссным проповедником — и он был их величайшим пророком. Не была ли проповедницей мандеев и Мария?

Мандеи — единственные выжившие в мире гностики, пережившие все возможные виды преследования. Но сегодня они первые признают, что потеряли знание о многих своих корнях: многие из их священных книг остались непереуведенными и неизвестными для современного поколения, а тайны высших посвященных — особенно, со стороны священников-женщин — утрачены, возможно, навсегда. Какие же эзотерические ритуалы они наиболее ревниво охраняли?

Мы знаем, что Магдалина и ее брат Иоанн были связаны с чем-то, что беспокоило и чего не понимали авторы канонических Евангелий, с чем-то, имеющим отношение к Вифании, месту, которое было чем-то неудобно Матфею, Марку, Луке и Иоанну. Но почему? Может быть, из-за сексуальных ритуалов, которые там проводили? Мы уже упоминали, что Иоанн/Лазарь провел там ночь с Иисусом наедине, прикрытый только одной накидкой, факт, который Отцы ранней Церкви всячески пытались замолчать. Возможно, в культуре практиковалось сексуальное посвящение, не только гетеросексуальное, но и гомосексуальное, тогда как обычно придерживались правил целибата. Можно вспомнить, что в старом Храме Соломона молились не только богине — и, следовательно, там были жрицы, священные проститутки, но имелись также и жрецы — священные мужчины-проститутки: может быть Иоанн/Лазарь и его сестра Мария сохраняли эту древнюю традицию?

Нет сомнений, что есть сильный сексуальный оттенок в ранних мистериях Иисуса, поскольку он начал как один из учеников Иоанна Крестителя, а на самом деле любимым учеником Иоанна был Симон Маг, который практиковал

нечто подобное тантрическому сексу со своей спутницей Еленой. Сексуальные мистерии, вероятно, на основе известной традиции Исида, как кажется, лежали в основе эзотерического учения как Иоанна, так и Иисуса, факт, который тщательно скрывается Церковью и в значительной степени, но не полностью гностическими группами, очень немногие из которых понимали основной принцип сексуальной алхимии или процесс достижения высшего просвещения через контролируемый оргазм.

Хотя в Новом Завете нет ничего, что говорило бы о том, что Иоанн Креститель и Магдалина когда-либо встречались (оба они отодвинуты в тень), их известность использовалась, и ею злоупотребили, чтобы преподнести очищенный вариант истории Иисуса, написанной его последователями. Мы считаем, что он и Креститель были на самом деле непримиримыми соперниками, и даже есть предположение, что ученики Иисуса приложили руку к его смерти — возможно, провели магическое ритуальное убийство, чтобы поработить его дух и заключить его в отрубленную голову для использования как магического прислуживающего демона. (Несомненно, в тайных ритуалах рыцари-тамплиеры поклонялись бородатой, отрубленной голове и плевали на крест, попирая его.) Не исключено, судя по историям о Граале, что его голову группа Иисуса использовала в качестве ритуальной чаши или блюда, но происходило ли это с одобрения Магдалины или она относилась к этому с ужасом, мы можем только гадать.

Согласно некоторым легендам она принесла Святой Грааль во Францию после распятия либо как вдова, убегающая от открытой ненависти Симона Петра, либо потому, что у нее с Иисусом произошел временный разрыв, возможно, из-за его причастности к смерти Иоанна. Такое толкование позволяет объяснить странную композицию иоаннитской картины Леонардо «Тайная вечеря»,

на которой Иоанн/Мария отклоняется от Иисуса так далеко, как только возможно. Новая родина Магдалины, Франция, стала сосредоточением многих иоаннитских групп, таких как таинственное Братство Сиона, предполагаемых «Меченосцев церкви Иоанна», само название которых «Сион» — есть кельтский перевод имени Иоанн. Была ли Мария, в первую очередь, иоанниткой, а не христианкой по Иисусу? Может быть, поэтому многие группы, поклоняющиеся Иоанну, поклоняются и ей, оставаясь, самое малое, равнодушными к Иисусу и Мадонне? Увезла ли она иоаннитский Грааль — голову Иоанна, чтобы та не попала в руки Церкви и чтобы защитить дух его, который не может покинуть землю?

В Лангедоке до сих пор циркулируют слухи о «гробнице» Христа, могиле Магдалины и местонахождении Святого Грааля. Но, хотя было бы достаточно интересно найти кости и подлинную голову Иоанна Крестителя и раскрыть те тайны, которые ушли в могилу вместе с ними, может быть, найти одно или два утраченных Евангелия, — но смерть, скелеты и черепа не были целью миссии Иоанна, Иисуса и Марии, поскольку они говорили не о смерти, но о жизни, веря в то, что можно приобщиться к божественному. То, что знание об этом скрывали от нас столь долго, есть преступление. Ненависть и жестокость, которую пропагандирует организация, говорящая от их имен, может вызвать к жизни еще больше «прачечных Магдалины», больше духовной изоляции и неуравновешенности, еще больше боли и отчаяния. Кто говорит от имени Магдалины? У кого достаточно любви и мужества, чтобы чувствовать черную богиню совершенно иного христианства и в глубине своего сердца прислушаться к ее древним секретам?

ПОСЛЕСЛОВИЕ

«Добро есть то, что способствует жизни, зло — то, что уничтожает ее».

Альберт Швейцер (1875—1965)

В англоязычном мире нам постоянно твердят о «христианских ценностях» — эта фраза неизбежно появляется там, где бы Церковь ни подняла свой флаг. К этим ценностям относятся честность, пристойность, сострадание, прощение и добродетельная семейная жизнь. Эти ценности представляются уникальными для тех, кто исповедует эту религию, но, конечно, это совершенно не так. Разве иудейская религия, ислам, индуистская религия и даже стандарты поведения и этика атеистов не говорят о том же? Очевидно, что христианство не имеет монополии ни на ценности повседневной жизни, ни на историческую правду или духовное знание. Более того, принимая во внимание историю Церкви, полную насилия, коррупции и обмана — только часть ее обсуждалась на этих страницах, — можно сказать, что добрые католики остались в мире не благодаря религии, а вопреки ей.

Когда-то, до того как в наш мир вторглась неудобная правда множественности культур, было легко считать слово «христианин» синонимом врожденного добра: еще совсем недавно в Англии заявление о неприятии христианства выглядело шокирующим. Но, как мы видели, в христианстве очень мало того, что на самом деле иницирует человеческое добро, — сам Иисус сказал, что принес в мир меч, разделение, и призывал своих последователей оставить свои семьи, чтобы стать его учениками того же толка, как у таких современных организаторов изуверских культов, как Давид Кореш. Создание образа

«доброто Иисуса, скромного и мягкого», всегда наталкивалось на жесткое сопротивление исходной информации о нем, хотя об этом известно было немногим, а те, кто знал, старались, чтобы это знание не стало общим достоянием.

В некотором смысле организованные религии не отличаются особой гуманностью. Конечно, немногие оспаривают правило «Не убий», кроме как во время войны, когда необходимость и предписание Бога противоречат друг другу, но имеются и другие, более спорные и зачастую абсурдные предписания. После знаменитых десяти заповедей (Исход 20:1—17) идет текст мелким шрифтом — известный гораздо меньше, — где даны инструкции, как поступать с рабом еврея после того, как он отслужил обязательные шесть лет, но отказался от свободы, потому что не хочет бросить жену и детей, которые живут в семье хозяина. Бог говорит Моисею, как поступать в такой ситуации: хозяин должен проколоть рабу ухо шилом, затем он останется слугой хозяина на всю жизнь (Исход 21:5), за что, несомненно, раб будет хозяину премного благодарен. (Почему просто не разрешить рабу остаться?) Если сложить это со сложными правилами питания, которые запрещают есть не только свинину, но также огромное количество и других существ, которые ни один человек в здравом уме в рот не возьмет, то возникнет подозрение, что Яхве просто испытывает наше чувство здравого смысла.

Как только слово Божье записано, оно становится предметом непрекращающегося процесса искажения писцами, редакторами и правящей кастой священников, которые бесстыдно приспособливают его к своим нуждам. С другой стороны, Бог дал свое слово в процессе веков столь многим, что уже невозможно понять, какое из них было инспирировано Богом, а какое людьми. Если, конечно, слова Бога были сказаны вообще.

Модно высказывать пессимистические взгляды на человечество — вспомните, сколько зла мы творим для себя сами, и вам станет ясно, что дьявол завладел землей: войны, нищета, насилие над детьми, рабство, наркотики, коррупция всех видов, расизм и дискриминация женщин, фанатизм, ханжество — список удручающе длинный. Гностики, которые не могли понять, как добрый Бог может нести ответственность за такой ад на земле, предложили идею двух Богов — Бога зла, который правит землей, и доброго Бога, живущего на Небесах. Несомненно, почти каждый живущий человек испытал в своей жизни ад на земле, но он не обязательно считает это деянием Бога.

Большинство людей вовсе не плохие (хотя есть немногие, кого безусловно можно отнести к этой категории, и чем скорее люди признают этот, не отличающийся политкорректностью факт, тем лучше): люди из всех слоев общества, представители всех религий или неверующие показывают великую способность к состраданию и бескорыстному мужеству. Есть тому множество примеров, и перед лицом такого рода доказательств нельзя не признать, что так называемые «христианские ценности» есть ценности общечеловеческие и не имеют ничего общего с поклонением Иисусу Христу. Нет необходимости верить в чудесное непорочное зачатие и физическое воскресение или слова давно умершего пустычника, чтобы чувствовать и быть заботливым по отношению к другим.

Разумеется, нельзя отрицать, что весьма удобно игнорировать все исторические доказательства о реальной личности Иисуса и просто верить в Иисуса. И кто сказал, что поклонение полностью сфабрикованному всегда доброму и страдающему Иисусу не приносит пользы? Многие бывшие закоренелые преступники были обращены в веру «этого мифа об Иисусе», и это, конечно, очень

хорошо. Но сияющая доброта, которую они приписывают откровениям Иисуса, уже была внутри их к моменту обращения, ждала необходимого толчка, чтобы проявиться, — и, возможно, есть и другие пути, чтобы она завладела человеком.

Вера всегда дело сугубо личное — или, по меньшей мере, должна быть таковой. И вместе с тем ее так легко использовать, чтобы дурачить людей: самозванные лидеры христианских сект постоянно набирают группы людей, которые безоговорочно верят в изреченные без намека на иронию пророчества, которые тут же рассыпаются в прах. Вспомним, что в дни Христа Второе Пришествие ждали с минуты на минуту — а он не явился. Многие группы фундаменталистов в Соединенных Штатах верили, что он вернется во славе в момент наступления нового тысячелетия, и все истинно верующие с восторгом вознесутся вживе на небеса, оставив всех остальных на земле в ожидании, когда их заберет на расправу дьявол. Над этим легко смеяться, но христианство остается религией, верующие которой до сих пор ожидают пришествие Бога, как иудеи надеются на легендарного мессию. Вера часто превращает нас в дураков всевозможных форм и видов, будь то вера в чудодейственные реликвии типа Туринской плащаницы или новые массовые движения, которые, как грибы после дождя, выросли в последнее время, оформившись в массовую субкультуру.

Великий белый средний класс англосаксонской империи «Нью Эйдж» с его замысловатой переработкой христианской легенды — в центре которой находится «Господин Иисус», который то ли пришел, то ли еще не пришел с Венеры; легенды о Граале и роль Магдалины — отчаянно пытается быть гностическим, но, как и первые гностики, имеет серьезные проблемы, заключающиеся в неудобной объективности истории. Для многих представителей «Нью-Эйдж» история Грааля является

буквальной правдой, несмотря на тот факт, что это та кой же художественный вымысел, как любой современный блокбастер: историй этих много, и все они противоречат друг другу. Ирония в том, что крупицу правды, заключенную в этих историях, обычно не замечают, поскольку нет исторических рамок, в которые следует заключить эти сказки. Как мы видели на примере Евангелий, контекст определяет почти все, но представители «Нью-Эйдж», к сожалению, пренебрегают серьезными историческими исследованиями: вместо этого у них есть склонность сидеть в ногах у многочисленных самозванных гуру и внимать им, точно так же, как это делали ранние христиане, и гностики надеялись, что вдруг этот вождь объяснит изначально бессмысленный миф. Кто-то с восторгом следит за их непрекращающимся поиском, но чаще всего ситуация напоминает блестящий сатирический кинофильм «Жизнь Брайана по «Монти Пайтон»: «Ты Мессия. Я знаю, я верил уже несколькими». Кто-то читает массу литературы «Нью-Эйдж», впадая от нее в истерику или тихое отчаяние: недавно в одной из мастерских Гластонбери совершенно серьезно предлагали научить тех, кто поклоняется Богине, как «связать собственную матку».

Хотя Богини имеют своих жриц и школы мистерий, суть принципа Женского Начала заключается в том, что это начало сбалансировано с противоположным и равным Мужским Началом, с Богом, который любит и уважает магию Богини. Многие из новой волны поклонников Богини рискуют оказаться в языческом движении многовековой давности с его единоутробной исключительностью и неогностической глупостью. Неразбавленный гормон эстроген может быть убийцей. Несомненно, найдутся те, кто начнет ворчать по поводу необъективности автора, явно склоняющегося на сторону Иоанна Крестителя и египетской религии, но занимает слишком

бескомпромиссную позицию в отношении великой религии, которая столь дорога миллионам. Однако мне хотелось бы подчеркнуть, что меня вряд ли можно назвать убежденным сторонником религии мандеев — ежедневное крещение в Темзе не для меня, не приемлю я без серьезного анализа и зачастую курьезное египетское мышление. Меня могут привести в восторг определенные пассажи из «Книги Мертвых», поскольку они поразительно совпадают со словами Иисуса, и я с удовольствием признаю, что некоторые наиболее глубокие идеи египтян очень интересны, но надеюсь, что даже после смерти мне не потребуется произносить фразу «О, Носей, что пришел из Гелиополиса, я никогда не была ненасытной». Человек всегда должен где-то поставить точку.

Независимо от образования, многие люди — если не большинство, — видимо, испытывают врожденную потребность молиться, выражать свои эмоции, пытаться трансформировать себя. Возможно, как полагают некоторые ученые, в мозгу у человека есть «точка Бога», или же, как многократно в течение тысячелетий заявляли мистики, мы состоим не только из плотной материи, но также из присущего человеку возвышенного духа, который постоянно стремится воссоединиться со своим собственным миром.

Как я испытала на себе (см. Введение), существует очень мало событий, преобразующих человека, которые могут сравниться с удивительным, изменяющим жизнь обращением в веру: увы, несмотря на чувство исключительности, сопровождающее обращение — которое усиливает впечатление, что человек обращается в единственную истинную веру, — точно те же чувства испытывает человек, когда становится христианином, буддистом, мусульманином и, наверное, последователем вуду. Выглядит это так, будто появившаяся определенность и атавистическое чувство принадлежности к великому

единому по духу племени включает свет, который озаряет для человека весь мир. Внезапно титулы мандеев «Люцифера» и «Иллюминатрикс» приобретают новое, личное значение. Потерять этот постоянный, дающий чувство безопасности свет — вещь ужасная, но при этом человек взрослеет.

Реальность может быть невыносимой: падение на землю после радости, которую приносит полная вера в героев сказки, подобна ломающему кости удару. Я могу вспомнить много случаев, когда прочитанное мною могло указать мне дорогу к свободе, но, вместе с тем, заставляло сердце учащенно биться. Много раз я покидала библиотеку взволнованная и встревоженная, но даже десятилетия после того, как я официально покинула Христианскую церковь, что-то во мне корчилось в агонии, когда стояла задача продолжить исследование.

Для христианки мрачных откровений было много: историческая личность Дева Мария, конечно, не была девственницей и, возможно, была прелюбодейкой; Иисус, вероятно, был шарлатаном, научившимся своим фокусам в Египте, перехватившим популярность Иоанна Крестителя и даже предпринявшим решительные действия, чтобы низвергнуть его; даже относительно «хороших» Крестителя и Магдалину нельзя назвать совершенством. Он был пророком, чья почти преступная наивность довела его до смерти, а его последователи стали объектом преследования, а ее можно представить активной хищницей, имевшей только одну страсть — к славе.

Проблема в том, что Иисус, Мария и все остальные великие религиозные личности, которым все еще поклоняются, предстают перед людьми с нимбами, которые надели на них поколения верующих. Средний христианин видит Иисуса как восхитительного героя, проповедующего идеи, которые вполне уместны на обеде у либерально настроенных представителей среднего класса.

Средний обыватель, увлекающийся идеями «Нью-Эйдж», видит Марию Магдалину яркой белой женщиной, похожей на кинозвезду, которая говорит о своей любви к «Господу Иисусу» так, как кто-то может говорить о страсти к идолу поп-культуры, видит в ней воплощение феминизма собственного движения, но не жрицу, которая, одна крайность, не нашла своего места, или влиятельную особу, реальную силу, на которую опирается трон, — другая крайность. Оба они смутят современного представителя западной культуры своим фанатизмом. Здесь нет возможности обрядить их в приличные современные одежды: такие проповедники были яростны и бескомпромиссны в своей абсолютной вере в реальность Царства Небесного и ада, которая питалась верой в древних богинь царя Соломона и представляла собой новый вариант истории Исиды и Осириса или еретический вариант иудаизма. Они были люди своего времени и места. Их ждали, особенно когда Иисус взял на себя роль Мессии, и понять их можно только в историческом контексте того времени. Если благостную историю, рассказанную в Воскресной школе, заменить на открытый срез реальной истории I века, то очень немногим захочется приобщиться к такой вере.

Как мы видели, даже многие из «запрещенных», или гностических, Евангелий содержат, помимо длинных и сложных фанатичных проповедей, столь же много фантастических эпизодов, как и новозаветные тексты. (Хотя они замечательно последовательны в описаниях реального характера и истинного статуса Марии Магдалины.) Жизнь во времена Иисуса, Иоанна и Марии не была утонченной или сверхсложной, и христианское сострадание мирно уживалось с верой в то, что грешники будут вечно гореть в адском огне. Некоторые еретики, особенно катары, которых столь любят представители «Нью-Эйдж», были типичными членами экстремистского

культы, которых так презирают в наши дни. Они голодали до наступления смерти, принимали яд, всячески издевались над своим физическим телом во славу Бога. И, разумеется, таинственные тамплиеры, которые приводят в восторг столь многих, узнавших о них сейчас, так страдавшие в руках французского короля и Папы, с радостью уничтожали язычников, отличаясь особой жестокостью. Их время — это не наше время, их умонастроения практически непонятны нам, и в любом объективном исследовании надо быть особо внимательным, чтобы не навязать им наши взгляды, поскольку в результате искажения будут слишком велики и получится пародия на то, какими они были в реальности.

Но факт остается фактом, какой бы неприемлемой для нас сегодня ни была фанатичка Магдалина: то, что она отстаивала, делает ее, возможно, наиболее значительной женщиной в истории. Она была, возможно, черная, поклоняющаяся Богине жрица, явно бескомпромиссная, любовница Иисуса и равная ему, если не превосходящая по духу: сам факт, что Церковь столь страстно пыталась исказить ее облик, имеет большое значение для любой серьезной оценки развития этого мира. Создается впечатление, что из-за того, что патриархия столь сильно боялась реальную Марию Магдалину и ненавидела ее, из многих текстов, превозносящих ее до небес, были выбраны именно эти Евангелия Нового Завета — в которых она едва видна. И это определило мужской тип мышления, и, соответственно, под его влиянием — течение всей европейской истории последних двух тысячелетий. Этот мужской тип мышления затем как зараза распространился на многие империи и колонии во всем мире. Дух реальной Магдалины преследовал Церковь, когда та несла миру ужас в форме рабства. Она препятствовала абсолютному порабощению викторианских женщин, когда даже самые богатые из них были не более чем обычным

имуществом мужчин, и постоянно оглядывались на Отцов Церкви, которые резко выступали против возможности допустить женщину к должности священника и против высшего образования для девочек. И конечно, Мария Магдалина кричала о справедливости для затерроризированных «магги» и их детей, вычеркнутых из общества, и за всех тех, кто до сих пор страдает от рук монахинь и священников, помимо тех, кто всегда молится за слабых во всех религиях и слоях общества.

Может быть, западная Церковь и находится в предсмертной агонии, сотрясаемая бесконечными скандалами, но, как и прежде, все еще дает нечто полезное, даже духовное, излечивающее наши травмированные души. Иисус/Иоанн сказал: «Царство Божье в нас самих» и «По плодам их узнаете их». К сожалению, некоторые не принимают во внимание эти слова, позволяя коррумпированным организациям набирать силу и завладеть сердцами и умами людей. Могут потребоваться века, чтобы узнать их по деяниям их, но совет хорош, и «Прачечные Магдалины» могут быть уроком: никогда ничего не принимать на веру и следить, чтобы не обижали невинных.

«Царство Божье в нас самих» тоже несет в себе нечто. Мы искали для себя божественный образец, которому приписали свою собственную силу, и, возможно, то был необходимый этап духовной эволюции человечества. Древнее египетское учение и другие языческие таинства превосходят три великие патриархальные религии в том, что они дают обычному человеку веру: он может быть Осирисом или Таммузом, а женщины чувствуют в себе силу великих богинь. Они стремятся друг к другу, чтобы познать полную силу.

В мистериях Исиды—Осириса заложена потенциальная возможность для каждой личности познать Бога и быть Богом в той или иной его/ее ипостаси. Но никто

не говорит, что это есть один-единственный ответ. Не совершите ошибку, ни один объективный исследователь не может отрицать, что в основных формах гностицизма и язычества столь же много ошибок, как и в самых бессмысленных и фанатичных проявлениях христианского образа жизни. Но нельзя не отметить, что адепты этих религий лелеют личное знание того, что Бог не спрятался от них где-то в отдаленных небесах, но Он и Она есть неопикуемый божественный, несущий силу свет, который горит внутри каждого из нас.

Иисус/Иоанн сказал также «правда сделает тебя свободным», и, нет сомнений, что это именно так: проблема же в том, что взамен образуется внутри нас огромная черная пропасть в том месте, где была столь удобная, хотя и выдуманная, религия. Чем же заполнить эту пропасть?

Те из нас, кто был страстно верующим, знают боль лишения иллюзий, вот почему столь многие обращаются к другой религии или уходят в секты. Такие новообращенные становятся серийными верующими в бесконечном цикле: уверовать в одну религию, разочароваться в ней и снова то же самое. Желание верить и принадлежать часто гораздо сильнее, чем уважение к объективности. Но в поисках другого учителя, Господа, который откроет перед нами великие тайны, человек постоянно промахивается — и полностью теряет ориентиры. За совершенствование нашего духа — свободного от священников, гуру и догм — ответственность должна быть только личная, не более и не менее.

Веками мы лепили Господа по нашему образу и подобию, может быть, теперь для Него настало подходящее время, чтобы вернуть нам долг, вылепив нас на этот раз по Его подобию.

ПРИЛОЖЕНИЕ

МАНДЕИ И САБЕИ

Покрытое мраком прошлое мандеев — странного средне-восточного племени, которое считает Иоанна Крестителя величайшим пророком и ненавидит Иисуса, — может пролить свет на многие темы этого расследования, как сказал мне Клайв Принс. Они упомянуты в Коране под названием «сабеи», что позволяет предположить, что во время своих путешествий они некоторое время находились в царстве царицы Савской — арабской территории Сава. Но есть и другое толкование этого арабского названия, которое проливает несколько иной свет на определенные аспекты этого исследования. Как утверждает британский писатель Тобиас Чартон в своей книге «Золотые строители» (2002), слово «сабеи» является производным от семитского слова, означающего «моющиеся» (такое толкование и «Сава» являются взаимоисключающими).

Общины мандеев были в Харране (сорок миль от Эдессы) и в Багдаде во II веке, но они подверглись преследованию в середине III века и были изгнаны. После этого языческие ученые, которых христиане вытеснили из Александрии, поселились в Харране, принеся с собой философию герметизма (тайную оккультную) и другие знания классического мира. Ко времени арабского завоевания в IX веке никто уже не мог вспомнить, кто такие сабеи. По данным арабских авторов, которые записали историю через семьдесят лет после событий, калиф аль-Мамун, посетив Харран в 830 году, захотел узнать, какой религии придерживаются обитатели города, угрожая тем, что приверженцы пророков, не упомянутых в Коране,

будут казнены. Эти язычники торопливо решили, что они есть сабеи, названные в честь их пророка Гермеса Трисмегиста («Трижды благословенного Гермеса» — или египетского бога тайных знаний и мудрости Тота, в честь которого был назван Трисмегист), и их священная книга есть Герметика, легендарное тайное учение герметиков. По утверждению Тобиаса Чартона, термин «сабеи» относится к двум разным группам: до 830 года «сабей» означало «мандей». Но после и до 1000 года им обозначали ученых язычников Харрана, а впоследствии всех язычников. Однако арабские историки не знали об этих различиях, поэтому сейчас невозможно с полной определенностью сказать, что они подразумевали под термином «сабей».

Но Клайв Принс выдвинул предположение, что общепринятое мнение неправильно и две группы харранских сабеев на самом деле есть одна и та же группа — мандей. Если это предположение правильно, то здесь следует искать связь с Иоанном Крестителем.

После 830 года сабеи Харрана, которые основали важный центр изучения своей религии в Багдаде (который был базой и ранних мандеев), были самыми образованными людьми того времени в Европе или на Среднем Востоке. То, что мы считаем сегодня средневековой арабской (мусульманской) наукой, на самом деле есть наука сабеев, включающая астрономию, алхимию, медицину и архитектуру, которая проникла в Европу через арабов (и частично через тамплиеров). Чартон верит, что сабеи оказали прямое влияние на расцвет готической архитектуры в средневековой Европе через арабских архитекторов, которых привозили с собой крестоносцы.

Весьма интересно то, что, по мнению Чартона, сабеи оказали сильное влияние на Вольфрама фон Эшенбаха и его «Персиваль», выдвинув предположение, что его рассказ о происхождении Грааля заимствован из истории

крещенской чаши герметиков, описанной в книге IV «Корпус герметикум», священного писания герметиков.

Через фанатичное поклонение сабеев-мандеев Иоанну Крестителю и предположение о том, что Грааль есть чаша для крещения, мы приходим к альтернативной версии иоаннитского происхождения Святого Грааля, которая конкурирует с концепцией сосуда для питья, сделанного из головы Иоанна Крестителя, или является просто одним из вариантов, корни которых в священном оккультном знании тайных посвящений. Разумеется, это концепция не имеет ничего общего с общепринятым мнением, что христианство всегда было основано на экзотерическом поклонении, то есть было религией масс. Фактически есть все основания полагать, что оно всегда было религией мистерий и таинств посвящений — и жриц, осуществлявших посвящение.

ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ

Введение

1. Luca 10:38—42.

2. The Gospel of Mary Magdalene, translated from the Coptic, with commentary by Jean-Yves Leloup, Rochester, Vermont, 2002, translated into English by Joseph Rowe. На русском языке см.: Евангелие от Марии. Пер. М. Трофимовой. Апокрифические Евангелия. М., 2004, с. 197—200.

Пролог. ГРЯЗНОЕ БЕЛЬЕ

1. С участием Анны Марии Дюфф, показано 26 марта 2002 г., Би-би-си-1.

2. 27 января 1999 г.

3. Там же.

4. Там же.

5. Например, мать актрисы Магги Смит работала в прачечной Гласвейган в 1912 году, где, по словам сына миссис Смит Яна, «тяжелая изнурительная работа вселила в нее пожизненный ужас перед таким разрушающим душу занятием». См.: *Maggie Smith: A Bright Particular Star* by Michael Coveney, London, 1992, p.33

6. James Walvin, *Black Ivory: Slavery in the British Empire*, Oxford, 1992, p.56.

7. *The Standard Times*, 1998.

8. Ean Begg. *The Cult of the Black Virgin*, London, 1996, p. 129. Ян Бегг приписывает Яну Маркале честь открытия того факта, что женщины в Ирландии некогда сами служили мессу.

9. Я благодарна Роберту Брайдону за его рассказ о том, как он молодым человеком посетил это заведение и до сих пор помнит угнетающую атмосферу безнадежности, царившую там.

Глава 1. ЧУЖИЕ

1. См. напр.: Lynn Picknett, Clive Prince. *The Templar Revelation*, London, 1997, p. 21.

2. Walter Pater. *The Selected Writings of Walter Pater*. Columbia University Press, 1982, p. 46.

3. В видеофильме National Geographic's 2002 года «Леонардо: человек за плащаницей?» производства Стелфильм, режиссер Сюзан Грай. В этом фильме также упомянуты Клайв Принс и я.

4. Это была ящерица, изготовленная из серебра с приданными крыльями. Поражать Папу было одним из хобби Леонардо.

5. См.: Lynn Picknett, Clive Prince. *Turin Shroud: In Whose Image?* London, 1994. Для тех, кто склонен отвергнуть идею об участии Леонардо на том основании, что радиоуглеродный анализ датирует время изготовления плащаницы 1290—1390 годами — то есть до рождения художника (1452 г.): первое, радиоуглеродный анализ позволяет указать дату до 1500 года, и второе, нельзя же всерьез предполагать, что гений да Винчи, во всем стремившийся к совершенству, использовал новый холст для вещи, которая должна выглядеть так, как будто ей 1500 лет.

6. Этот факт не упустили и другие, например, Серж Брамлей, который признал это в видеофильме «Леонардо: человек за плащаницей?» (см. п. 3 выше)

7. См.: Lynn Picknett, Clive Prince. *The Templar Revelation*, Chapter One.

8. Например, Мария Консолата Корти, итальянская писательница, которая тоже считает Леонардо автором Туринской плащаницы. Однако она верит, что он сделал ее из христианского благочестия, хотя это не соответствует ни его всем известному цинизму по отношению к религии, ни умонастроениям средневекового христианина, который никогда бы не осмелился подставить свое лицо вместо лица Иисуса Христа, особенно замазать его поддельной кровью Искушителя.

9. Как мы указываем в *Turin Shroud: In Whose Image?*, Леонардо создал так называемую чудесную Туринскую плащаницу с помощью, по сути, техники фотографирования: химически обработанная ткань, камера-обскура и сильный свет. Если это кажется невероятным, то напомним, что Леонардо страстно увлекался оптикой и основами того, что мы сейчас называем фотографией, и что он построил собственную камеру-обскуру. Изготовить таким способом плащаницу очень легко, хотя и требует много времени. Инструкции даны в нашей книге: попробуйте сами!

10. В *Fortean Times*, весной 1999 г. Мы благодарны Бобу Ричарду за многократную возможность выступить, которую он предоставлял нам на конференциях.

11. Хотя делегаты Конвенции могут показаться постороннему обычной смесью эксцентричных энтузиастов, на самом деле они по некоторым причинам обычно бывают довольно жесткими скептиками.

Глава 2. ДРУГАЯ МАГДАЛИНА

1. Wolff (ed.). *Documents de l'histoire de Languedoc* (pp. 110—112). В книге также приводятся три других отчета современников о зверствах карателей. Приведенные здесь отрывки переведены Клайвом Принсом.

2. Walter Birks, R.A. Gilbert, *The Treasure of Montsegur*. London, 1990, p. 78.

3. *Ibid.*, p. 79.

4. *Ibid.*, p. 81.

5. Хотя он отказывался есть мясо, не позволяя, чтобы его тело стало могилой для мертвых существ, у него есть счета на оплату рыбы. Следует отметить, что вегетарианство есть не что иное, как ересь — ее назвали «пиром дьявола», поскольку Бог дал людям власть над всеми живыми существами на земле, и, следовательно, не есть их было святотатством. То, что он избежал наказания за вегетарианство, было только одним из многих эпизодов, свидетельствующих о том, что Леонардо вел жизнь мага.

6. Несмотря на то что Церковь отрицает и предлагает теологические аргументы, нет особых сомнений в том, что Иисус и его последователи верили в реинкарнацию. Например, сам Иисус говорил о том, что пророк Илия вернулся на землю как Иоанн Креститель. (Mark 16:15—34 и Matthew 28:46—47.)

7. Написанный в Langue d'Oc, и опубликованный Clédar в 1887 году текст теперь можно найти в Лионской библиотеке. (Переведен на французский E. Nelli в его *Scriptures Cathares*.)

8. Stoyanov привлекает наше внимание к тому факту, что трактат «Rainerius» был напечатан в Dondaine, *Un traite néo-manichéen*, pp. 64—78.

9. Stoyanov, p. 164.

10. Там же, p. 139.

11. Н. Т. F. Rhodes, «Black Mass». *Man, Myth and Magic*, no. 10 (1971), pp. 274—278.
12. См., например: Ean Begg. *The Cult of the Black Virgin*, p. 107.
13. Stoyanov, p. 223.
14. Все цитаты из Библии взяты из the New International Version, 1973.
15. См.: Carla Ricci. *Mary Magdalene and Many Others*. Tünbridge Wells, 1994, p. 42, note 52.
16. Jbid., p. 50.
17. Н. von Campenhausen. *Ecclesiastical Authority and Spiritual Power*. London, 1969; впервые опубликовано на немецком языке: *Kirchliches Amt und geistliche Vollmart*. Tübingen, 1953.
18. См.: Mark 16:9; John 20:11—17.
19. Elaine Pagels. *The Gnostic Gospels*, p. 39.
20. Jbid., p. 39.
21. Mark 15:40.
22. См., например: New International Version of the Bible, p. 721.
23. Mark 16:9.
24. Luke 8: 1—3.

Глава 3. СВЯЩЕННЫЙ СЕКС И БОЖЕСТВЕННАЯ ЛЮБОВЬ

1. Цит. по: Henry Corbin. *La topographie spirituelle de l'Islam iranien*. La Différence. 1990.
2. Susan Haskins. *Mary Magdalene: Myth and Metaphor*, p. 93.
3. Picknett, Prince. *The Templar Revelation*, p. 251.
4. *The Gospel of Mary Magdalene*, pp. xvi-xvii.
5. См., например: Barbara G. Walker, *The Woman's Encyclopedia of Myths and Secrets*. San Francisco, 1983, p. 886.
6. Luke 7:39.
7. Luke 7:44—47.
8. Важность теневого семейства из Вифании аргументированно подтверждена: Hugh J. Schonfield. *The Passover Plot*. London, 1965.
9. *The Templar Revelation*, p. 241.
10. Pagels, p. 81.
11. Morton Smith. *The Secret Gospel*. London, 1973, p. 17.

12. Picknett, Prince, p. 242.
13. См.: Desmond Stewart. *The Foreigner*. London, 1981, p. 108.
14. John 1:28.
15. См.: Hugh Schonfield. *The Passover Plot*, p. 156.
16. Timothy Freke, Peter Gandy. *The Jesus Mysteries*. London, 1999, p. 95.
17. Stewart, p. 62.
18. Mark 14:4.
19. Jean-Yves Leloup, p. xxi.
20. Kiddushim 1:7.
21. Walker, p. 501. Она ссылается на: J. J. Bachofen. *Myth, Religion and Mother Right*. Princeton, N.J., Princeton University Press, 1967.
22. См.: *The Scottish Coronation Journey of King Charles I*. Robert and Lindsay Brydon, Privately printed, Edinburgh.
23. Walker, p. 584.
24. Leloup, pp. xx-xxi.
25. См. последнюю главу Picknett, Prince. *The Stargate Conspiracy* и Jeremy Narby's seminal work. *The Cosmic Serpent: DNA and the Origins of Knowledge*, London, 1998.
26. *The Stargate Conspiracy*, p. 350: «Роль Иисуса [в древнем шаманском ритуале Египта] особо интересна, поскольку показывает, что женское начало играло большую роль в шаманском путешествии. Фактически на концепцию женщин, посвящающих в тайны, не обращали внимания, но, по всей вероятности, по совершенно неожиданной причине. На конференции в Лондоне в октябре 1996 года Джереми Нарби спросили, почему все шаманы, которых он упомянул в своем докладе, мужчины. Он ответил, что специально отобранные женщины часто сидели (с ними), когда они, напичканные наркотиками, отправлялись в свое бестелесное путешествие. Женщины сопровождали их, и они вместе участвовали в приключениях, а после возвращения их в нормальное сознание помогали им вспомнить, что происходило в других мирах. Но главное заключается в том, что женщины проделывали все это, не принимая ayahuasca (психотропных веществ). Очевидно, женщины—компаньонки шаманов не нуждались в химическом обеспечении своего духовного полета».
27. Edersheim, vol. i. p. 571.
28. *A Dictionary of the Bible: Dealing With its language, literature, and contents including the Biblical theology*, edited by James Hastings, M.A., D.D., Edinburgh, 1900, p. 284.

29. Hugh Schonfield. *The Pentecost Revolution*. London, 1974, p. 278.
30. See Hugh Schonfield. *The Passover Plot*, p. 209.
31. Burton L. Mack. *The Lost Gospel: The Book of Q and Christian Origins*. Dorset, 1994, p. 51.
32. Я благодарна Кейт Принс за эту информацию.
33. См.: G. R. S. Mead (ed), *Simon Magus: An Essay*, 1892, pp. 28ff. Он приводит цитаты из *Clementine Recognitions* (III век).
34. Деяния 10:9ff.
35. Британия победила. Сейчас организовано движение за возвращение награбленного в Эфиопию.
36. См.: Baigent, Leigh and Lincoln. *The Messianic Legacy*. London, 1986.
37. Starbird, p. 50.
38. Walker, p. 570.
39. *The Gnostic Gospel of Thomas*, например — см. следующую главу.
40. Например: Morton Smith. *Jesus the Magician*. London, 1978, p. 25.
41. Matthew 11: 19.

Глава 4. АПОСТОЛ АПОСТОЛОВ

1. Elaine Pagels, *The Gnostic Gospels*. 1979, p. 14.
2. *The Gospel of Magdalene* в переводе Jean-Yves Leloup. Введение David Tresemer Ph.D. и Laura-Lee Cannon. Rochester, Vermont, 2002, p. xi.
3. Hippolytus' *Refutations of All Heresies VIII 12*, перевод Краемер, *Maenads*, 255. Сохранившиеся прорицания этих женщин-пророчиц см.: Ronald Heime, *The Montanist Oracles and Testimonia*, North American Patristic Society, Patristic Monograph Series no. 14, 2—9 Mason, GA, Mercer University Press, 1989. Разумеется, отрывки из прорицаний женщин Отцы Церкви, хотя и женоненавистники, сохранили, но избирательно и в радикальной переработке.
4. *The Gospel of Mary Magdalene*, в переводе Jean-Yves Leloup, 1997, p. xi. В их ссылке указано: «James Carroll, *Constantine's Sword*, New York, Houghton Mifflin, 2001».
5. *Ibid.*, pp. 14—15.
6. *Gospel of the Egyptians: 40:12—13*, в библиотеке Наг-Хаммади (NHL) 195.
7. Pagels, p. 15.

8. Там же, р.19.

9. Elaine Pagels указывает, что некоторые слова в этом отрывке были утрачены и заменены учеными. Я воспроизвела цитату, не указывая, какие это слова, чтобы было удобнее читать.

10. Irenaeus, АН *Praefatio*, цитата по р. 17 труда Pagels.

11. Jbid., АН 3.11.9.

12. Pagels, р. 17.

13. Karen Jo Torjesen. *When Women Were Priests*, San Francisco, 1993, pp. 158—159.

14. Tertullian, *De Praescriptione Haereticorum*. 41.5.

15. Pagels, pp. 72—73.

16. Там же, р. 73.

17. *Trimorphic Protennoia*, 42.4—26, в NHL 465—6/45.2—10, в NHL 467.

18. См., например: *Daily Mail* «Викарий сказал: относиться к Богу, как «к женщине». Chris Brooke, 3 апреля 2002 г.

19. Обычно это приводится в редакции «Thunder, Perfect Mind», но я согласна с Timothy Freke и Peter Gandy, которые в примечании 1 к Главе 5 своей книги *Jesus and Goddess заявляют* «The Thunder, Perfect Mind», ННС, 6.2.13 и 16. в Robinson. J.M. [Библиотека *Наг-Хаммади*], 1978, 297, 299. Введение к этому тексту в ННС показывает, что две части этого заголовка не связаны друг с другом. Я впоследствии опустила «Thunder», поскольку это нигде в тексте не проявляется.

20. *Thunder, Perfect Mind* 13.16—16.25. в NHL 461—2.

21. Armstrong, р. 38.

22. 1 Коринфянам 15:3—8.

23. См. Введение к *Pistis Sophia*, перевод G.R.S. Mead, Kila, MT., USA, 1921.

24. Jbid., Первая книга, 36.

25. Jbid., Вторая книга, 72:3.

26. *The Gospel of Mary Magdalene*, р. 18.

27. Jbid., р. 9.

28. Jbid., р. 7.

29. *Pistis Sophia*. Первая книга.

30. Jbid., р. 231.

31. *Gospel of Thomas*, 51:23—6; в NHL 130.

32. Pagels, р. 86.

33. Они находятся теперь в Королевской Коллекции в Виндзоре.

Глава 5. МАГДАЛИНА И ФРАНЦИЯ

1. *Pistis Sophia*. Second Book, 72:161.
2. Я благодарна Mike Wallington за эту теорию.
3. De Voragine. *The Golden Legend*, vol. 1, pp. 374ff.
4. Такие, как *The Templar Continuum* Alan Butler и Stephen Dafoe. Ontario, 1999.
5. Подробнее см. Picknett and Prince.
6. Baigent, Leigh and Lincoln. *The Holy Blood and the Holy Grail*. London, 1982, p. 83, цитата из: Michelet, *Proces des Templiers*, Paris, 1851.
7. John 1:29.
8. См.: Christopher Knight and Robert Lomas. *The Hiram Key*. London, 1996.
9. См.: Graham Hancock. *The Sign and the Seal*. London. 1992.
10. Raymond Lull. Catalan occultist and mystic, 1232 — c. 1316.
11. Из Lull *Liber de acquisitione terrae sanctae* (March 1309), цитируется в Hillgarth. *Lull and Lullism in Fourteenth-century France*, p. 104. Я благодарна Keith Prince за перевод.
12. Susan Haskins. *Mary Magdalene*. London, 1993, p. 22.
13. Такие, как новый собор в Ливерпуле, построенный в 1960-х годах.
14. См.: Lee Irvin. *The Divine Sophia: Isis. Achamoth and Ialdabaoth*. David Fideler (ed.). *Alexandria 3*, Grand Rapids. 1995.
15. Hancock, p. 306.
16. Такие, как Notre Dame de Souterrain (our Lady of the Underworld) в Chartres.
17. Barbara G. Walker. *The Woman's Encyclopedia of Myths and Secrets*. San Francisco, 1993, pp. 866—867.
18. См., напр., церемонию приема, описанную в Приложении В. Malcolm Barber. *The New Knighthood: A History Order of the Temple*. Cambridge, 1994.
19. И даже некоторое подобие кредитных карт: сдав деньги в комендатуре и получив расписку, они могли затем тратить деньги в любом другом владении тамплиеров.
20. Включая, разумеется, *Monty Python's Search for the Holy Grail*.
21. Ean and Deike Begg. *In search of the Holy Grail and the Precious Blood*. London, 1995, p. 79.
22. Malcolm Godwin. *The Holy Grail: Its Origins, Secrets and Meaning Revealed*. London, 1994, p. 47.

23. См.: *The Templar Revelation*, где этой теме посвящены две главы.

24. Возможно, это имеет некоторую связь с тем фактом, что, хотя деревня хвастает баром, отелем (Дом Вифания Соньера) и оккультным книжным магазином, здесь нет продуктовой лавки. Поскольку деревня расположена на вершине холма с почти вертикальными склонами, это серьезное неудобство. Несмотря на всю грандиозность своих планов в отношении деревни, Соньер, видимо, не обратил внимания на обеспечение жителей самым необходимым.

25. Известная книга Richard Andrews and Paul Schellenberger. *The Tomb of God*. London, 1996. Опровержение этой теории см. Приложение II *The Templar Revelation*.

26. Гроссмейстером Братства Сиона в то время, когда Бейджент, Ли и Линкольн писали свою книгу, был Пьер Плантар де Сен-Клер. Говорят, что Орден тамплиеров (чьим филиалом предположительно было Братство Сиона) был также «меченосцем Церкви Иоанна и знаменосцем главной династии, руками, которые повиновались духу Сиона». «Сион» обычно связывают с Библией, но на гэльском языке это слово означает «Иоанн», а Братство Сиона имеет необъяснимый интерес к гэльскому языку.

27. Я глубоко благодарна Клайву Принсу за то, что он поделился результатами своего исследования со мной.

28. Церковь Святого Сульпиция имела также тайное отношение к еретикам. Например, местом черной мессы в романе о сатанистах J.K. Huysmans *La bas (Там внизу)* выбрана именно эта церковь. Она служила также штаб-квартирой для таинственного тайного общества XVII века, называвшегося *Compagnie du Saint-Sacrement*, которое, как говорят, служило прикрытием для Братства Сиона (а оно, в свою очередь, было прикрытием для различных тамплиерских масонских организаций).

29. Ean Begg. *The Cult of the Black Virgin*. London, 1985; переиздана 1986, pp. 193—194.

Глава 6. «ЧЕРНАЯ, НО ПРИГОЖАЯ...»

1. Begg, pp. 8—9.

2. *Ibid.*, p. 8.

3. Barbara G. Walker. *The Encyclopedia of Women's Secrets and Mysteries*. San Francisco, 1983, p. 670.

4. Jbid., p. 671.
5. E. Cobham Brewer. *Dictionary of Phrase and Fable*. New York, 1894.
6. Martin Bernal, *Black Athena*. London, 1987, p. 116.
7. Jbid., pp. 116—117.
8. Хотя во время написания этой книги Богоматерь оставалась всего лишь «пречистой Девой Марией», за прошедшее время произошел некоторый сдвиг, главным образом по личной инициативе Папы Иоанна Павла II — было признано Церковью, что Она правит Небесами вместе с Сыном.
9. Morton Smith. *Jesus the Magician*. New York, 1978, p. 25. Он отмечает, что Иисус дал отповедь матери дважды: Mark 3:31 ff и Mark 6:1 ff — и она даже не упомянута в книге «Q», являющейся источником Евангелий.
10. Matthew 12:46—50.
11. Mark 6:3; Matthew 13:55—6.
12. Picknett and Prince, p. 78.
13. Begg, p. 72.
14. Jbid., p. 125.
15. Susan Haskins. *Mary Magdalene*. London, 1993, p. 63.
16. Song of Song 31—4.
17. См., например, www.col.org/Bible/Tanakh/SongofSolomon.htm
18. Numbers 12:1.
19. Graham Hancock. *The Sign of the Seal*. London, 1992, pp. 269—275.
20. Pliny, *Hisr. Nat.*, VI, 35.
21. Acts 8:26—27 и Jerome 53:2—5.
22. Например, во время нашей работы над этой книгой в Британском музее в середине 2002 года была проведена выставка, посвященная раскопкам в Ливане, когда, как полагают, были найдены руины древнего дворца.
23. 1 Kings 10ff.
24. <http://www.swagga.com/queen.htm>
25. Mathhew 12:42.
26. Kebra Negast («Слава царям») XIV века была переведена с коптского. Оригинал был найден перед 325 годом среди сокровищ Святой Софии в Константинополе.
27. Robert Silverberg. *The Realm of Prester John*. Ohio, 1972, pp. 177—178.

28. BBC Online Network, 31 May 1999 См. http://news.bbc.co.uk/1/hi/english/world/africa/newsid_353000/353462.htm

29. Jbid.

30. Jbid.

31. Jacqueline Pirenne. «Des Grecs a l'aurore de la culture monumentale «Sabe2enne» / R. Fahd (ed.), *L'arabe preislamique et son environnement historique et cultural*. (Actes de colloque de Strasbourg, 24—27 June 1987), опубликовано Universite des sciences humaines de Strasbourg, 1989. Цит. по: Hancock, p. 460.

32. Hancock, p. 75, цит. по: Wolfram von Eschenbach. *Parzival* (перевод. А.Т. Натто). London, 1980.

33. Jbid., p. 75.

34. Jbid., p. 75.

35. Jbid., p. 78—79.

36. Jbid., p. 47.

37. Luke 8:3.

38. Matthew 12:42.

39. John Romer. *Testament: The Bible and History*. London, 1988.

40. Hugh Schonfield. *The Essene Odyssey*. Shaftesbury, 1984, p. 165.

41. Karl Luckert. *Egyptian Light and Hebrew Fire*. New York, 1991.

42. The Acts of Peter, цит. по: Oven St Victor, *Epiphany*. Leuven, 1991, p. 37.

43. Jbid.

44. Barbara G. Walker. *The Encyclopedia of Women's Myths and Secrets*. San Francisco, 1983, pp. 602—603.

45. Магда́ла служила операционной базой императора Теводроса II в середине XIX века во время военных действий против соседей, но в 1867 году он совершил непоправимую ошибку, заключив в тюрьму несколько британских дипломатов. На следующий год военная экспедиция под руководством сэра Роберта Нэпьера захватила Магда́лу и освободила их. Эфиопский царь покончил с собой, а сэр Роберт Нэпьер стал бароном Нэпьером Магда́ла за свой героизм. К сожалению, англичане унесли с собой огромное количество золота и священных реликвий, которые до сих пор являются предметом спора с эфиопским правительством, которое пытается вернуть награбленное.

Глава 7. ВОЗВЫШЕНИЕ И ПАДЕНИЕ ЖЕНЫ БОГА

1. King 10:1.
  2. King 10:3.
  3. King Solomon. *Kebra Negast*.
  4. Queen of Sheba. *Kebra Negast*.
  5. Raphael Patai. *The Hebrew Goddess*. Detroit, 1990, p. 25.
  6. Jbid., p. 25.
  7. Jbid., pp. 28—29.
  8. Exodus 19:15.
  9. Karen Armstrong. *The End of Silence*. London, 1993, p. 38.
- Ее комментарий был написан под влиянием еврейской феминистки Юдит Пласкоу. См. ее *Standing Again At Sinai*. San Francisco, 1990.
10. Armstrong, p. 38.
  11. Patai, p. 34.
  12. William F. Allbright. *From the Stone Age to Christianity*. Baltimore, 1940, p. 78.
  13. Patai, p. 38.
  14. Genesis 30:10—13.
  15. 1 Kings 11:4.
  16. 1 Kings 11:6.
  17. Patai, pp. 44—45.
  18. William G. Denyer. «Asherah, Consort of Yahweh?». Новые доказательства от Kuntillar «Arjund», *Bulletin of the American School of Oriental Research (BASOR)*, vol. 255, 1984, pp. 21—27.
  19. Andre Lemaire. «Who or What Was Yahweh's Asherah?». *Biblical Archaeology Review*. vol. 10 no. 6, Nov/Dec 1984, p. 42.
  20. Armstrong, p. 24, ссылка на 1 Kings 12:28; 1 Kings 21:3 и 2 Kings 21:3.
  21. 1 Kings 15: 12—13; Chronicles 14:2—4; 15:8,16.
  22. Julian Morganstern, «Amos Studies III». *Hebrew Union College Annual*, vol. 15, 1940, p. 121, note 98.
  23. Patai, p. 50.
  24. 1 Kings 15:11—14.
  25. Patai, p. 221.
  26. A. T. Mann и Jane Lyle. *Sacred Sexuality*. Shaftesbury, 1995, p. 137.
  27. Jean Robin. *Le royaume du graal*. Paris, 1992, p. 266.
  28. Picknett and Prince, p. 86.
  29. Patai, p. 96.

30. Proverbs 8:22—31.
31. Patai, p. 98.
32. Jbid.
33. См., напр., the *Pistis Sophia*.
34. Nelson Glueck. *Deities and Dolphins, The Story of the Nabataeans*. New York, 1965, p. 166.

Глава 8. ВОЗРОЖДЕНИЕ ЕГИПТА

1. См., напр., пьесе «Aishylius» *The Suppliants*, которая явно должна была быть трилогией. Один из утраченных отрывков назывался *The Egyptians*. В сохранившейся части рассказывается о заселении Argos беженцами из «Aigyptos».
2. См., напр.: Professor Karl Luckert. *Egyptian Light and Hebrew Fire*. New York, 1991.
3. Чье имя было сокращенной формой имени «Thothmose», Тот был египетским богом мудрости.
4. R.O. Faulkner. *The Ancient Egyptian Book of the Dead*. New York, 1972, revised edition, London, 1985.
5. Пирамиды Гизы расположены в двенадцати милях к юго-западу от Гелиополиса.
6. Adbel-Aziz Salah. *Excavations at Heliopolis, Ancient Egyptian Ounu*, 2 vols. Cairo, 1981—1983, p. 23.
7. Jamieson B. Hurry. *Imhotep, the Vizier and Physician of King Zoser and afterwards the Egyptian God of Medicine*, revised ed. Oxford, 1928, p. 11.
8. Picknett, Prince. *The Stargate Conspiracy*. London, 1999, p. 3.
9. Jbid., p. 4.
10. Mark Lehner. *The Complete Pyramids*. London, 1997, p. 142.
11. Обычно используется перевод R.O. Faulkner: *The Ancient Egyptian Pyramid Texts*, revised ed., Oxford, 1969. Однако многие места в тексте остаются неясными.
12. Picknett, Prince, p. 9.
13. См.: *New Scientist*, 12 September 1998.
14. Picknett, Prince, p. 11. Я благодарна Filip Coppens за его оригинальную точку зрения.
15. Martin Bernal. *Black Athena. vol. I*. London, 1987, p. 2.
16. Jbid., p. 15.
17. Цит. по: Andre Vandebroek. *Al-Kemi: Hermetic, Occult, Political and Private Aspects of R. A. Schwaller de Lubicz*. Hudson, 1987, p. 203.

18. R.A. Schwaller de Lubicz. *Sacred Science — des Veilleurs*, 1920, p. 100.

19. Ian Shaw, Paul Nicholson. *British Museum Dictionary of Ancient Egypt*. London, 1995, p. 239.

20. См.: C. de Brosses. *Du culte des dieux fetiches ou parallele de l'ancienne religion de l'Egypte avec la religion actuelle de Nigritie*. Paris, 1760. См. также: F.E. Manuel. *The Eighteenth Century Confronts the Gods*. Cambridge, Mass., 1959, pp. 184—209.

21. Bernal, note 81 to p. 244.

22. J.A. de Gobineau. *Oeuvres*. Vol. 1. Paris, 1983, p. 221.

23. Bernal, p. 241.

24. Gobineau пишет: «Мне нет необходимости добавлять слово чести, поскольку концепция цивилизации, которая содержит это, в равной степени неизвестна как желтым, так и черным». *Oeuvres*, vol. 1, p. 342.

25. Bernal, p. 241.

26. Jbid.

27. http://news.bbc.co.uk/hi/english/world/africa/newsid_353000/353462.sim.

28. Macrobius. *Saturnalia*, 1.20.13.

29. Apuleius. *The Golden Ass*. Перевод Robert Graves. London, 1950.

30. Spell 78.

31. Spell 80.

32. Jbid.

33. R. Melkelbach. «Isis» / *Man, Myth & Magic*, 1970, no. 51, p. 1461.

34. Hosea 11:1.

35. Matthew 2:13—15.

36. Karl W. Luckert. *Egyptian Light and Hebrew Fire*. New York, 1991, p. 319.

Глава 9. РАЗОБЛАЧЕНИЕ МИФА ОБ ИИСУСЕ

1. Desmond Stewart. *The Foreigner*. London, 1981, p. 14.

2. Миф об обожествлении Нерона говорит о том, что маги вернулись по другому маршруту по дипломатическим причинам. Я благодарна Keith Prince за то, что он указал мне на это.

3. Timoti Freke and Peter Gandy. *The Jesus Mysteries*. London, 1999; *Jesus and the Goddess*. London, 2001.

4. Hector Hawton, Introduction to Robertson. *Pagan Christs*. New York, 1993 (первое издание 1903), p. 8.

5. Jbid., p. 68.
6. Jbid., pp. 52—53.
7. Raphael Patai. *The Hebrew Goddess*, p. 51.
8. Freke and Gandy, p. 6.
9. Например, Hugh Schonfield, в книге которого *The Passover Plot* (London, 1965), указано, что Иисус был прежде всего политиком, добивавшимся независимости Палестины от Рима, сознательно строившим свою карьеру так, чтобы выглядеть ожидаемым Мессией.
10. Isaiah 7:14.
11. Stewart, p. 15.
12. См., напр.: Mark 6:3: «Не плотник ли Он, сын Марии, брат Иакова, Иосии, Иуды и Симона? Не здесь ли между нами, Его сестры?»
13. У Иосифа Флавия в труде «Иудейские древности» мы читаем о «брате Иисуса, так называемого Христа, Иаков было его имя» как об одном из людей, кто был казнен первосвященником в 62 г.
14. John 8:41.
15. Mark 6:3.
16. The Platonist Celsus, *Against Celsus*.
17. Sanhedrin 67a.
18. Jbid., p. 17.
19. Stewart, p. 33.
20. Talmud Shabbat 104b, Sanhedrin 67a. «Разве не принес Бен Стада колдовское искусство из Египта...?». Бен Стада — это Бен Пандира, одно из имен Талмуда для Иисуса.
21. John 12:23.
22. Barbara G. Walker. *The Woman's Encyclopedia of Myths and Secrets*. San Francisco, 1993, p. 750.
23. John 14:2.
24. Wallis Budge (trans.). *The Book of the Dead*, p. 440.
25. «Mansion» — этим словом в египетском пророчестве обозначали также проститутку, хотя в данном случае, скорее всего, оно использовано в религиозном значении.
26. Wallis Budge. *Egyptian Magic*, p. 116.
27. Jbid., p. 27.
28. Luke 8:21.
29. Mark 14:26.
30. Matthew 5:3.
31. Mark 9:42.
32. Mark 9:37.

33. John 10:9.

34. Matthew 26:64.

35. John 5:21.

36. John 5:23.

37. Хотя считается, что Иисус был плотником, слово *naggar* имеет также значение «образованный человек». Конечно, он мог быть и плотником, и образованным человеком, и свинопасом в свои молодые годы в Египте.

38. Flavius Josephus. *The Jewish War*, p. 139.

39. Acts of the Apostles, 21:38.

40. Jbid. 21:39.

41. *Against Celsus*, 1:6.

42. Stewart, p. 123.

43. См.: Matthew 9:14—16.

44. Professor Etherbert Strauffer. *Jesus and His Story*. New York, 1959, p. 201.

45. См.: Ориген. Против Цельса. I. XXXII.

46. Tertullian. *De Spectaculis*, p. 30.

47. Celsus. *Against Celsus*. 1:28, 38.

48. Luke 15:11—13.

Глава 10. ИИСУС И СМЕРТЬ КРЕСТИТЕЛЯ

1. Morton Smith. *Jesus the Magician*. New York, 1978, p. 49.

2. Tacitus, сразу после 115 г.

3. Smith, p. 51.

4. См.: Mark 6:32ff, 8:1ff.

5. Mark 4:39.

6. Mark 11:12ff.

7. См.: Smith, p. 119.

8. John 20:22.

9. Matthew 10:35ff

10. *Pistis Sophia*, 4th Book, 132:349.

11. Smith, p. 109.

12. Mark 5:13.

13. Smith, p. 110.

14. Matthew 21:18.

15. Matthew 21:19—22.

16. J.R. Ackerley пишет Francis King, 11 October 1964.

17. Smith, p. 1.

18. Jbid., p. 49.

19. Desmond Stewart. *The Foreigner*, p. 118.

20. John 12:10.

21. Напр., Matthew 26:14—16.

22. Stewart, p. 133.

23. *The Golden Ass*, перевод Robert Graves.

24. И это опровергает миф о плащанице Иисуса, чудесным образом сохранившей отпечаток его лица, которая якобы была сохранена его учениками, чтобы появиться на свет через несколько веков в виде Туринской плащаницы — не говоря уже о легенде, что Святой Грааль есть чаша, в которую была собрана кровь Христа, когда он висел на кресте. Люди того времени и той культуры питали острое отвращение к такого рода действиям, как бы сильно они ни любили человека.

25. Например, в Уэльсе; см.: Graham Phillips. *The Marian Conspiracy*. London, 2001. Эта книга столь возмутила Ватикан, что автор был отлучен от Церкви — в которой он никогда и не состоял!

26. Hugh Schonfield. *The Passover Plot*, p. 177.

27. Не является ли в этом контексте «Сион» гэльским словом, обозначающим «Иоанн»?

28. Luke 1:17.

29. Luke 1:42.

30. Luke 1:80.

31. Acts of the Apostles, 19:1—7. Возможно, то, что иоанниты впоследствии стали христианами по учению Иисуса, есть чистая правда, но при данных обстоятельствах это выглядит как умение добиться преимущества.

32. Мандеев сейчас встречаются в Австралии, Соединенных Штатах (в частности, во Флориде), в Голландии и, как ни романтично! — в Катфорде, в южной части Лондона! Поскольку они ритуально омываются только в проточной воде, они предпочитают селиться около рек и каналов.

33. E.S. Drower. *The Mandaean of Iraq and Iran: Their Cults, Customs, Magic, Legends and Folklore*. Oxford, 1937, p. 264. Леди Drower была первой европейской исследовательницей, изучавшей мандеев.

34. Такие, как имя «Птах-хил». Птах был древнеегипетским богом урожая.

35. Birks and Gilbert, pp. 15ff.

36. Цит. по: *Gnostic John the Baptizer: Selections from the Mandaean John-Book* G.R.S. Mead, pp. 48—52.

37. Ibid.

38. Jbid.

39. Нап., Matthew 3: 11.

40. Matthew 3:13.

41. Matthew 3:16—17.

42. Stewart, p. 60.

43. Jbid., p. 61.

44. Robert Graves. *The White Goddess*. New York, 1958, p. 123.

45. L. Austine Waddell. *Tibetan Buddhism*. New York, 1972, p. 108.

46. Franz Cumont. *Oriental Religions in Roman Paganism*. New York, 1956, p. 118.

47. Это ясно показано в гностических текстах, где о нем пишут, что он проводил много времени с женщинами типа Иоанны, Марфы и Саломеи. Любовь Иисуса к компании женщин была одним из пунктов обвинений, выдвигаемых его врагами.

48. Luke 7:3.

49. Stewart, p. 58.

50. В Египте наиболее популярный праздник проводился 25 декабря, в день рождения Гора, сына Исида, за которым через двенадцать дней (наша «Двенадцатая ночь» и Рождество в Православной Церкви) последовало рождение ее другого сына — Аиона. Праздник и религиозные предписания включали крещение, которому предшествовало признание в грехах и публичное покаяние. Крещение проводили в священных бассейнах в храмах около Нила. В «*Man, Myth & Magic*» S.G.F. Brandon отмечает «очевидное влияние праздника Исида на христианские обычаи...». R. Merkelbach заявляет, что «[религия Исида] была популярна, потому что давала личное спасение... Грехи отпускались через погружение в воду...». Исида, подобно появившемуся гораздо позже Иисусу Христу, была известна как «Спасительница», через которую можно было получить спасение, чья любовь обеспечивала воскресение тела и вечную жизнь души. Школа таинств супруга богини Осириса тоже практиковала крещение — погружение в воду символизировало очищение души и обновление личности. Как отмечает S.G.F. Brandon: «Двухступенчатый процесс достижения благословенного бессмертия нигде не проявлялся вплоть до появления христианства».

51. Он женился на Иродиаде, бывшей жене своего сводного брата Филиппа: поскольку она первая развелась с Филиппом, по еврейским законам этот брак был не разрешен.

52. Фурор и скандал были столь громкими, что пьеса была запрещена сразу после первого представления.

53. Matthew 14:1ff, Luke 3:19ff.

54. Авторы Евангелий сделали другую ошибку: бывшим мужем Иродиады был не Филипп, но другой — Ирод. Он был отцом Саломеи.

55. John 1:20.

56. Hugh J. Schonfield. *The Essene Odyssey*. Shaftesbury, 1984, p. 40.

57. Зачастую отличавшиеся насилием забастовки шахтеров в 1980-х годах особенно далеко развели правых и левых.

58. Matthew 11:11.

59. Jbid.

60. Walter Birks and R.A. Gilbert. *The Treasure of Montsegur*. London, 1987, p. 82.

61. Matthew 11:1ff.

62. Matthew 11:18—19.

63. Mark 2:18—20.

64. Luke 23:2.

65. Использован термин «Hermobaptist», что означает «дневной баптист», хотя о значении термина известно мало.

66. G.R.S. Mead (ed.). *Simon Magus: An Essay*. London, 1892, pp. 28ff.

67. Barbara Thiering. *Jesus the Man*, pp. 84—85 и 390—391.

68. См.: Picknett, Prince. *The Templar Revelation: Secret Guardians of the True Identity of Christ*.

69. *Gospel of Thomas* 61. См.: *The Gnostic Scriptures*, перевод Bentley Layton. London, 1987.

70. Luke 8:3.

71. *Against Celsus*, 1.6.

72. Mark 5:14.

73. Mark 5—36.

74. Morton Smith. *Jesus the Magician*, p. 34.

75. Jbid., p. 81.

76. Mark 3:22.

77. Mark 15:34.

78. Mark 15:35.

79. Matthew 11—18.

80. Carl H. Kraeling. *John the Baptist*. London, 1951, p. 160.

81. Smith, p. 97.

82. PGVM IV:1930—2005.

Глава 11. ГЛАВА ЕРЕТИКОВ

1. Цит. по: Noel Curren-Briggs. *The Shroud and the Grail*. London, 1987.
2. P.R. Koenig. *Too Hot to Handle*. New York, 1990.
3. Автор знаменитого гимна «Вперед, христианские солдаты» и свыше 150 книг на самые разные темы.
4. E-mail to the author, May 2002.
5. Ibid.
6. Ibid.
7. Тема реальности магических существ выходит за рамки этой книги. Здесь имеет значение только то, во что люди верят.
8. Edwin Yamauchi. *Pre-Christian Gnosticism*. London, 1973, p. 25.
9. Walker Birks. *Woman's Encyclopedia of Myth and Secrets*, p. 502.
10. John 14:6—11.
11. E-mail to the author, 15 December 2002. Все понимающий Юрий добавляет: «Жуткая вещь, а?»
12. Walter Birks, R.A. Gilbert. *The Treasure of Montségur*.
13. Keith Laidler. *The Head of God*. London, 1998.
14. См.: Picknet, Prince. *The Templar Revelation*, pp. 127—130.
15. John Ritchie / *Edinburgh Evening News*. 22 August 1998.
16. Я благодарна Рику Гибсону за эту информацию. Он получил ее в разговоре с мандеями в Дамаске в начале 1990-х годов.
17. Я благодарна Стиву Уилсону за его открывающее новые горизонты — и продолжающееся — исследование мандеев, которое, как казалось во время работы над книгой, даст давно ожидаемые доказательства для решения одной из самых запутанных проблем, связанной с Иисусом, Иоанном Крестителем — и, разумеется, Марией Магдалиной.

Послесловие

1. См.: *The Ancient Egyptian Book of the Dead*, trans. R.O. Faulkner. London, 1985, Spell 125 (p. 31) («Заявление о невиновности перед Трибуналом Богов»).

БЛАГОДАРНОСТИ

Много людей помогли при работе над этой книгой прямо, предоставляя информацию и помогая в проведении исследований разными способами, или косвенно, предоставляя мне свободное время — не говоря уже о домашнем комфорте, — что позволило мне сосредоточиться на долгом и тяжелом исследовании и работе над текстом книги о Магдалине. Среди многих некоторые друзья и коллеги заслуживают особого упоминания:

Клайв Принс: мой постоянный и непоколебимый единомышленник и ближайший коллега, практическая помощь и моральная поддержка которого, как всегда, неизменна. Он умел заставить меня рассмеяться, когда я находилась в депрессии и разочаровании. Его энтузиазм и уникальное понимание материала открывали многие двери. Его бескорыстие и щедрость обеспечили создание этой книги.

Стефен Прис, чье уникально щедрое гостеприимство давало мне убежище во время разочарований и место, где можно было отпраздновать победу. За его практическую помощь — и чувство юмора — я всегда буду ему благодарна.

Франческа Нортон: за те долгие разговоры, вкусную еду и веселые уикенды за городом.

Крейг Оакли: чья компания всегда доставляет радость, кто всегда может понять — человек Магдалины до кончиков пальцев.

Роберт Брайдон: за то, что поделился своими обширными знаниями в области множества тем, за его помощь.

И Линдсей Брайдон: за то, что всегда давала мне почувствовать, что я особая, — и за неограниченное количество красного вина и сэндвичей с беконом в ее эдинбургском доме.

Дебби Бенстед и Иван Картрайт: за сочувствие, интуицию и веселье в тени Мрачного Леса.

Кейт Принс: за ее уникальное проникновение в древний мир и понимание Леонардо да Винчи.

Шейла и Эрик Тейлор: за замечательные визиты в мой родной город Нью-Йорк, за их гостеприимство, доброту и возможность всласть посмеяться.

Давид Белл: один из моих старинных друзей, который всегда интересовался моей работой.

Нигель Фостер: чей юмор, мудрость и доброта столь много для меня значат.

Эшли Браун: за ее дружбу, постоянную поддержку и щедрость.

Юрайя Лейч: новый друг, который щедро делился со мной своими принципиальными открытиями о шкатулке Франкса и многом другом.

Стив Уилсон: за его крайне важное и глубокое исследование мандеев, которым он щедро делится с коллегами.

Поль Вестон: за его духовность.

Грэхэм Филлипс: за вечера, когда он бунтовал, за его понимание трудного мира одинокого писателя.

Майк Веллингтон: за его поддержку и данные о Магдалине во Франции.

Робин Крукшанк-Хилтон: за его щедрость и веселье, особенно в памятный, холодный день эзотерической экскурсии по Лондону.

Кристи Ферн: за страстную защиту Магдалины.

Всех моих друзей-исследователей из группы «Без имени», чья компания, разговоры и электронная почта так много значат для меня.

Эндрю Робертс: чей заполненный книгами кабинет представляет собой оазис спокойствия и эрудиции.

Сюзанна Синклер: зачинщица среди женщин Магдалины и оригинальный, одаренный фотограф.

Профессор Лола Янг: за помощь в распространении этой книги в черной общине.

Гарольд Уилсон: чей энтузиазм и отказ сдаться перед предубеждениями и невежеством служили мне вдохновением.

Гео Том, очень непочтительный теолог: за радость конференции в Блэкпуле и многие другие вечера, в том числе в Британском музее.

Эмма Виртью: которая вдохновляла меня при работе над книгой.

За дружбу, помощь и вдохновение различными способами: Вида Адамоли; Джеорджина Бруни; Майкл Кармайкл;

Эндрю Коллинс; Мойра Хардкастл; Луиза Ходж; Мишель Качински; Дурдана Хан; Ян Лоутон; Сара Литвинова; Джейн Лайл; Мери Нельсон; Крис Огилви-Геральд; семья О'Каллагхан из паба-ресторана О'Конор Дон; Ник Поуп; Боб Рикард и Каролина Вайз.

Я благодарна также Кристине Грин, Гари Чапмен, Джинне Рознер и Саре Смит в Констебле за их исключительный энтузиазм, дар дружбы и замечательное свободное от тревог созревание этой книги — и Адриану Эндрюсу за его понимание страхов автора.

И Кармак Кинселла: благодарность за замечательный тур по Ирландии.

Наконец, я хотела бы поблагодарить Анабель Лопес и персонал Библиотеки Святого Иоанна; персонал Вестминстерской библиотеки ссылок и Британской Библиотеки — за их неустанные поиски малоизвестных материалов.

БИБЛИОГРАФИЯ

Armstrong, Karen, *The End of Silence: Women and The Priesthood*, Fourth Estate, London, 1993.

Ashe, Geoffrey, *The Virgin*, Arkana, London, 1976.

Baigent, Michael, Richard Leigh and Henry Lincoln, *The Holy Blood and the Holy Grail*, Jonathan Cape, London, 1982; revised edition; Arrow, London, 1996.

Begg, Ean, *The Cult of the Black Virgin*, Arkana, London (revised), 1996.

Begg, Ean, and Dieke, *In Search of the Holy Grail and the Precious Blood*, Thorsons, London, 1966.

Bernal, Martin, *Black Athena Volume I*, Vintage, 1991.

Birks, Walter and R.A. Gilbert, *The Treasure of Montségur*, The Aquarian Press, London, 1990.

Budge, Sir E.A. Wallis, (trans.) *The Book of the Dead*, British Museum, London, 1899.

Egyptian Magic, Dover Publications, New York, 1971.

Burkett, Elinor and Frank Bruni, *A Gospel of Shame: Children, Sexual Abuse and the Catholic Church*, Penguin USA, New York, 1993.

Butler, Alan and Stephen Dafoe, *The Templar Continuum*, Templar Books, Belville, Canada, 1999.

Cawthorne, Nigel, *Sex Lives of the Popes*, Prion, London, 1996.

Churton, Tobias, *The Golden Builders: Alchemists, Rosicrucians and the First Free Masons*, Signal Publishing, Lichfield, 2002.

Crossan, John Dominic, *Who Killed Jesus?* HarperCollins, New York, 1995.

De Voragine, Jacobus, *The Golden Legend: Readings on the Saints*, trans. William Grayer Ryan, 2 volumes, Princeton University Press, 1993.

Doresse, Jean, *The Secret Books of the Egyptian Gnostics*, Hollis & Garter, London, 1960, first published as *Les livres secrets des Gnostiques d'Egypte*, Librairie Plon, Paris, 1963.

Drower, E.S., *The Mandaeans of Iraq and Iran: Their Cults, Customs, Magic, Legends and Folklore*, Clarendon Press, Oxford, 1937.

Drury, Nevill, *The History of Magic In The Modern Age*, Constable, London, 2000.

Dumas, Monique and Jacques François Réglat, *Le monasère dynamité: Histoire du Carol, près Baulor — La vie de révérend père de Coma (The Dynamited Monastery: History of Le Carol, near Baulou — The Life of the Reverend Father de Coma)*, Édition La Truelle, Moulis, 1995.

Eisler, Robert, *The Messiah Jesus and John the Baptist*, Methuen & Co., London, 1931.

Fauldner, R.O., *The Ancient Egyptian Bood of the Dead*, British Museum Press, London, 1972.

Freke, Timothy and Peter Gandy, *The Jesus Mysteries*, Thorsons, London, 1999.

Jesus and the Goddess, Thorsons, London, 2002.

Godwin, Malcolm, *The Holy Grail: Its Origins, Secrets and Meaning Revealed*, Bloomsbury, London, 1994.

Hancock, Graham, *The Sign and the Seal*, William Heinemann, London, 1992.

Haskins, Susan, *Mary Magdalen*, HarperCollins, London, 1993.

Mary Magdalen: Myth and Metaphor, Magdalen Enterprises, 1994.

Heyob, Sharon Kelly, *The Cult of Isis among Women in the Graeco-Roman World*, E.J. Brill, Leiden, 1975.

Jansen, Katherine Ludwig, *The Making of the Magdalen: Preaching and Popular Devotion in the Later Middle Ages*, Princeton University, USA, 2001.

Jenkins, Philip, *Pedophile Priests: Anatomy of a Contemporary Crisis*, Oxford University Press Inc., USA, 1996.

Josephus, Flavius, *The Complete Works*, trans. William Whiston, Thomas Nelson Publishers, New York, 1999.

The Jewish War, trans. G.A. Williamson, Penguin, London, 1970.

Kraeling, Karl H., *John the Baptist*, Charles Scribner's Sons, London, 1951.

Laidler, Keith, *The Head of God*, Headline, London, 2000.

Layton, Bentley, *The Gnostic Scriptures*, SCM Press, London, 1987.

Leitch, Yuri and Oddvar Olsen (eds), *The Temple*, (periodical booklet), Glastonbury. For details email: templeavalon@yahoo.co.uk.

Leloup, Jean-Yves, *The Gospel of Mary Magdalene*, (trans, Joseph Rowe), Inner Traditions, Rochester, Vermont, USA, 2002.

Lyle, Jane and A.T. Mann, *Sacred Sexuality*, Element Books, Shaftesbury, 1996.

Luckert, Karl W., *Egyptian Light and Hebrew Fire*, State University of New York Press, 1991.

Mead, G.R.S., *Pistis Sophia*, Kessinger Publishing Company, Kila, Mt, USA, 1921.

The Gnostic John the Baptizer: Selections from the Mandaean John Book, John M. Watkins, London, 1924.

'Simon Magus', An Essay, London, 1892.

Newman, Barbara, *From Virile Woman to Woman Christ*, University of Pennsylvania Press, Philadelphia, 1995.

Osman, Ahmed, *Out of Egypt: The Roots of Christianity Revealed*, Century, London, 1998.

Pagels, Elaine, *The Gnostic Gospels*, Penguin Books, London, 1982.

Patai, Raphael, *The Hebrew Goddess*, (3rd ed.). Wayne State University Press, Detroit, 1990.

Phipps, William E., *The Sexuality of Jesus*, Harper & Row, New York, 1973.

Was Jesus Married? Harper & Row, New York, 1970.

Picknett, Lynn, and Clive Prince, *Turin Shroud: In Whose Image?* Bloomsbury, London, 1994.

The Templar Revelation: Secret Guardians of the True Identity of Christ, Bantam Press, London, 1997.

The Stargate Conspiracy, Little, Brown, London, 1999.

Pope, Marvin H., *Song of Songs: A New Translation with Introduction and Commentary*. Doubleday, New York, 1983.

Qualls-Corbett, Nancy, *The Sacred Prostitute, Eternal Aspect of the Feminine*, Inner City Books, Toronto, 1988.

Redgrove, Peter, *The Black Goddess and the Sixth Sense*, Bloomsbury, London, 1987.

Ricci, Carla, *Mary Magdalene and Many Others*, Burns & Oates, Tunbridge Wells, 1994.

Robinson, James M., (ed.) *The Nag Hammadi Library in English*, HarperSan Francisco, 1978, revised edition, 1988.

Robinson, John, A.T., *The Priority of John*, SCM Press, London, 1986.

Romer, John, *Testament: The Bible and History*, Michael O'Mara, London, 1988.

Rudolph, Kurt *Mandaeanism*, E.J. Brill, Leiden, 1978.

- Saul, John M. and Janice A. Glaholm, *Rennes-le-Chateau: A Bibliography*, Mercurius Press, London, 1985.
- Schonfield, Hugh J., *The Essene Odyssey*, Element Books, Shaftesbury, 1984.
- The Pasaover Plot*, Hutchinson, London, 1965.
- The Pentecost Revolution*, Hutchinson, London, 1974.
- Silverberg, Robert, *The Realm of Prester John*, Ohio University Press, 1972.
- Smith, Morton, *Clement of Alexandria and a Secret Gospel of Mark*, Harvard University Press, Cambridge, Mass., 1973.
- Jesus the Magician*, Victor Gollanz, London, 1978.
- Starbird, Margaret, *The Woman with the Alabaster Jar*, Bear & Co., Sante Fé, 1993.
- Stewart, Desmond, *The Foreigner*, Hamish Hamilton, London, 1994.
- Stoyanov, Yuri, *The Hidden Tradition in Europe*, Arkana, London, 1994.
- Thiering, Barbara, *Jesus the Man*, Doubleday, London, 1992.
- Torjesen, Karen Jo, *When Women Were Priests*, HarperSan Francisco, 1993.
- Vermes, Geza, *Jesus the Jew*, William Collins, London, 1973.
- Waite, Arthur Edward, *The Hidden Church of the Holy Graal: Its Legends and Symbolism*, Rebman, London, 1909.
- Walker, Benjamin, *Gnosticism: Its History and Influence*, Crucible, 1989.
- Walker, Barbara G., *The Women's Encyclopedia of Myths and Secrets*, HarperSan Francisco, 1983.
- Walvin, James, *Black Ivory: Slavery in the British Empire*, Blackwell Publishers, 1992.
- Webb, Robert L., *John the Baptizer and Prophet*, Sheffield Academic Press, Sheffield, 1991.
- Welburn, Andrew, (Introduction and commentary), *Gnosis: The Mysteries and Christianity: An Anthology of Essene, Gnostic and Christian Writings*, Floris Books, Edinburgh, 1994.
- Wilson, A.N., *Jesus*, Sinclair-Stevenson, London, 1992.
- Witherington, III, Ben, *Women and the Genesis of Christianity*, Cambridge University Press, 1990.
- Wolff, Philippe (ed.), *Documents de l'histoire du Languedoc*, Edouard Privat, Toulouse, 1969.
- Wolfram von Eschenbach. *Parzival* (trans. A.T. Hatto), Penguin, London, 1980.
- Yamauchi, Edwin, *Pre-Christian Gnosticism*, Tyndale Press, London, 1973.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
----------------	---

Часть первая

Ложный образ

Пролог. ГРЯЗНОЕ БЕЛЬЕ	19
1. ЧУЖИЕ	38
2. ДРУГАЯ МАГДАЛИНА	59
3. СВЯЩЕННЫЙ СЕКС И БОЖЬЯ ЛЮБОВЬ	78
4. АПОСТОЛ АПОСТОЛОВ	107
5. МАГДАЛИНА И ФРАНЦИЯ	133

Часть вторая

Темные тайны и черная магия

6. «ЧЕРНАЯ, НО ПРИГОЖАЯ...»	167
7. ВОЗВЫШЕНИЕ И ПАДЕНИЕ ЖЕНЫ БОГА	204
8. ВОЗРОЖДЕНИЕ ЕГИПТА	218
9. РАЗОБЛАЧЕНИЕ МИФА ОБ ИИСУСЕ	234
10. ИИСУС И СМЕРТЬ КРЕСТИТЕЛЯ	255
11. ГЛАВА ЕРЕТИКОВ	283
Послесловие	309
Приложение. МАНДЕИ И САБЕИ	320
Примечания и ссылки	323
Благодарность	343
Библиография	346

Популярное издание

Линн Пикнетт

КОД МАРИИ МАГДАЛИНЫ

Ответственный редактор *В. Краснощекова*

Художественный редактор *Е. Савченко*

Технический редактор *Н. Носова*

Компьютерная верстка *А. Попов*

Корректоры *В. Авдеева, Л. Фильцер*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 24.04.2007. Формат 60×90^{1/16}.

Гарнитура «Журнальная» Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 22,0 + вкл.

Тираж 5000 экз. Зак № 5662.

Отпечатано в ОАО «Тульская типография»

300600, г Тула, пр Ленина, 109.

Распятие. Убитая горем Мария Магдалина в характерной для нее позе припала к ногам Христа во время его казни. Ее до сих пор воспринимают как проститутку, которая раскаялась после встречи с Христом и которая, несмотря на это, остается запятанной чудовищностью своих прошлых грехов. Этот образ, о котором нет ни малейших упоминаний в Писании, Церковь веками использовала для подавления женской части своей паствы.

Святой Иоанн Креститель. Эта картина Леонардо, изображающая Иоанна Крестителя, вместе с «Моной Лизой» (которая, согласно некоторым гипотезам, могла изображать Марию Магдалину) находилась в комнате художника в Северной Франции, когда он умер в 1519 году. На лицах персонажей обеих картин запечатлена одинаковая многозначительная улыбка; несомненно, для еретического общества, членом которого был Леонардо, две эти маргинализированные Библией фигуры имели огромное значение как олицетворение великих религиозных тайн.

Тайная вечеря. На знаменитой фреске Леонардо да Винчи мы видим юного Иоанна, который согласно Евангелию лежал на груди Иисуса, пытающимся отклониться от учителя как можно дальше; их фигуры с распростертыми руками формируют букву М. У «Иоанна» грудь, напоминающая женскую, и ожерелье на шее. Предполагал ли Леонардо изобразить на самом деле Марию Магдалину или это гермафродитообразная фигура — одновременно Магдалина и юный Иоанн? И почему, кто бы это ни был — Мария или Иоанн, — этот человек желает отстраниться от Иисуса, словно пытаясь установить между собой и ним максимальную дистанцию?

В хранящейся в Лувре версии «Девы в скалах» Леонардо мы видим младенца Иисуса, благословляющего коленопреклоненного маленького Иоанна Крестителя. Однако создается впечатление, будто художник перепутал небесных покровителей: согласно религиозной традиции, Иисус должен быть изображен с матерью, а Иоанн — со своим традиционным спутником, архангелом Уриилом. Если же предположить, что каждый из детей действительно находится возле своего хранителя, то получается, что Иисус преклонил колени перед Иоанном — еще одна иоаннитская аллюзия Леонардо. Его саркастическое отношение к девственному статусу Девы Марии отражено в необычном объекте — скале фаллической формы, которая вздымается в небо за ее головой.

Хотя Магдалину обычно изображают светловолосой женщиной, порой даже блондинкой (череп, символизирующий ее в базилике Святого Максимина в Провансе, украшен белым париком — слева), она ассоциируется также с Черными Мадоннами (справа) и древними языческими богинями (такими как Исида — внизу), которые изображались темнокожими. Метафорическая ли это тьма, символизирующая загадочную мудрость лунных богинь, или Мария Магдалина просто принадлежала к негроидной расе?

Еретики-катары в средневековой Южной Франции были убеждены, что Иисус и Мария Магдалина были неженатыми любовниками. За свои взгляды катары легко принимали смерть от рук крестоносцев. Уничтожение еретиков в Лангедоке стало первым актом геноцида в Европе.

Лангедок всегда сохранял невероятную любовь к Марии Магдалине. В XIX веке таинственный священник Франсуа Соньер в Ренн-ле-Шато был ее ревностным поклонником. Заказанный им алтарный рельеф изображает ее коленопреклоненной перед книгой и черепом. Приблизительно в то же самое время малоизвестный отец де Кома, деятельность которого напоминала деяния Соньера, также создал во Франции религиозный центр Магдалины. Ее статуя (внизу) сохранилась и после того, как храмовый комплекс ее имени был уничтожен Церковью.

Ранние истории о Святом Граале описывают его не как кубок, чашу или блюдо, но как бородатую отрубленную голову. Некоторые ученые полагают, что эти версии не исключают друг друга — череп Иоанна Крестителя мог быть использован как священный сосуд для питья. Рисунок исследователя и художника Юрайи Лейча.

ИЗУЧЕНИЕ КАНОНИЧЕСКИХ ВЕЩАЮЩИХ ТЕКСТОВ В
СОЧЕТАНИИ С АПОКРИФИЧЕСКИМИ ЕВАНГЕЛИЯМИ
СПОСОБНО ДАТЬ САМЫЕ ПОРАЗИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ
ДЕМОНСТРИРУЯ, КАКИМ ОБРАЗОМ ИЗ ВОШЕДШИХ В
НОВЫЙ ЗАВЕТ ТЕКСТОВ ИЗЫМАЛИСЬ ОПИСАНИЯ
ЗНАЧИТЕЛЬНЫХ СОБЫТИЙ, КАКИМ ОБРАЗОМ
ФАЛЬСИФИЦИРОВАЛИСЬ И ПОДМЕНЯЛИСЬ ДРУГИМИ
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА И ВАЖНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ
РЕЛИГИОЗНОГО УЧЕНИЯ ЛИНН ПИКНЕТТ УБЕДИТЕЛЬНО
ДОКАЗЫВАЕТ: МНОГИЕ ПОСТУЛАТЫ ХРИСТИАНСКОГО
УЧЕНИЯ БЫЛИ НЕВЕРНО ПОНЯТЫ ЛИБО НАМЕРЕННО
ИЗВРАЩЕНЫ ПОКОЛЕНИЯМИ ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ
ТОЛКОВАТЕЛЕЙ И ФИЛОСОФОВ. ИССЛЕДОВАНИЕ
НЕОБЫЧНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ТРЕХ КУЛЬТОВЫХ
ФИГУР НОВОГО ЗАВЕТА — ИИСУСА ХРИСТА, МАРИИ
МАГДАЛИНЫ И ИОАННА КРЕСТИТЕЛЯ — ПРИВОДИТ
АВТОРА КНИГИ К СЕНСАЦИОННЫМ ВЫВОДАМ,
СПОСОБНЫМ БРОСИТЬ ВЫЗОВ ОСНОВНЫМ
ХРИСТИАНСКИМ ДОГМАМ И ТРАДИЦИОННЫМ
ОРТОДОКСАЛЬНЫМ ЦЕННОСТЯМ.

Почему в поздней христианской традиции Марию Магдалину принято считать падшей женщиной?

Была ли Мария Магдалина чернокожей?

Были ли апостол Иоанн и воскресенный Христом Лазарь одним и тем же человеком?

Какая тайна связывает фигуры Иоанна Крестителя и Марии Магдалины?

Могло ли распятие Христа быть ловкой инсценировкой?

Имел ли на самом деле Святой Грааль отношение к Иисусу Христу?

Были ли Иисус Христос и Иоанн Креститель непримиримыми соперниками?

Проповедовала ли Мария Магдалина собственное сакральное учение?

ЭТА КНИГА ЯВНО НЕ ПОЛУЧИТ ОДОБРЕНИЯ СО
СТОРОНЫ ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ ВМЕСТЕ С ТЕМ
НЕ МОГУ НЕ ПРИЗНАТЬ ЧТО МНОГО ЛЕТ НАЗАД ОНА
НАСТОЛЬКО УЖАСНУЛА БЫ МЕНЯ, ЧТО, НЕСМОТРЯ
НА СВОИ ЛИБЕРАЛЬНЫЕ УБЕЖДЕНИЯ Я
НЕПРЕМЕННО ПРЕДЛОЖИЛА БЫ СЖЕЧЬ ЕЕ —
ЖЕЛАТЕЛЬНО ПУБЛИЧНО — И ПРИЗВАЛА БЫ К
ЭТОМУ И ДРУГИХ. НО СЕГОДНЯ Я СОМНЕВАЮСЬ В
ТОМ, ВО ЧТО ВЕРИЛА.

ISBN 978-5-699-21849-3

9 785699 218493 >

Линн Пикнетт